Кл 4/488

К л 4 / 488

О СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ

ПОЛИТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ

НА ЗАПАДѢ ЕВРОПЫ И ВЪ РОССІИ.

РѢЧЬ,

НАПИСАННАЯ ДЛЯ ПРОИЗНЕСЕНІЯ ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,

1862 года,

Ординарнымъ Профессоромъ Д. Каченовскимъ.

2007058739

Из коллекции
профессора
В. Э. Грабаря

.... Separat hoc nos
A grege mutorum; atque ideo venerabile soli
Sortiti ingenium, divinorumque capaces,
Atque exercendis capiendisque artibus apti,
Sensum a cœlesti demissum traximus arce,
Cujus egent prona et terram spectantia. Mundi
Principio undulsit communis conditor illis
Tantum animas, nobis animum quoque, mutuus ut nos
Affectus petere auxilium et praestare juberet,
Dispersos trahere in populum, migrare vetusto
De nemore, et proavis habitatas linquere silvas;
Aedificare domos, laribus conjungere nostris
Tectum aliud, tutos vicino limite somnos
Ut collata daret fiducia; protegere armis
Lapsum, aut ingenti nutantem vulnere civem,
Communi dare signa tubâ, defendier isdem
Turribus, atque unâ portarum clave teneri.

Juvenal. XV, 142 — 158.

Кл 4/488

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
23896-58

I.

Мм. Гг.

Жалобы на недостатокъ у насъ общественныхъ дѣятелей слышатся теперь отовсюду. Мы пришли къ убѣжденію, что самыя обдуманныя и добросовѣстныя реформы не достигаютъ цѣли, если ихъ нѣкому ввести въ жизнь, примѣнить и поддержать. Мы чувствуемъ, что свобода не только даетъ права гражданамъ, но налагаетъ на нихъ новыя и притомъ тяжкія обязанности, увеличиваетъ отвѣтственность всѣхъ и каждаго, требуетъ неусыпныхъ трудовъ на пользу страны и постоянной энергіи. Не смотря на разномысліе почти во всемъ, мы согласны въ томъ по крайней мѣрѣ, что намъ нужны люди, способные честно и съ пользою служить народу и государству. Но гдѣ взять ихъ? Какъ приготовить и образовать? Чему учить? Вотъ задачи, которыя настоятельно требуютъ рѣшенія.

Сказать правду, мы до настоящаго времени серьезно не думали помочь этому недостатку. Между тѣмъ какъ въ Европѣ давно открыты средства къ гражданскому воспитанію, у насъ немногіе сознавали даже его необходимость. Изученіе законовъ общественной жизни и народныхъ потребностей шло въ Россіи чрезвычайно медленно, отрывочно и, если можно такъ выразиться, безсвязно. Политическія свѣдѣнія добывались случайно — съ помощію наблюдательности и жизненнаго опыта, или же какъ-бы украдкою, именно за границею, въ тамошнихъ университетахъ. Наука о государствѣ была въ нашемъ отечествѣ заносною, тайною, загадочною наукой, не прививалась къ землѣ, не пускала корней, не давала плодовъ. Хотя, по видимому, управленіе такою обширною и многосложною страною, какъ Россія, требуетъ знанія, но мы довольствовались искусствомъ и навыкомъ. Коснѣя въ невѣжествѣ, мы достигали порядка силою и приказаніями съ одной стороны, терпѣніемъ и повиновеніемъ съ другой. Это неудивительно. Всѣ государства сложились естественно, посредствомъ народнаго притяженія и съ помощію благопріятныхъ обстоятельствъ; многія изъ нихъ становились крѣпкими и страшными для сосѣдей; многія живутъ и до сихъ поръ, не чувствуя потребности въ наукѣ, такъ точно какъ есть на свѣтѣ люди, которые никогда не учились и между тѣмъ благоденствуютъ. Но удивительно то, что даже теперь, когда наши понятія о гражданственности измѣнились, когда мы говоримъ о прогрессѣ, нѣкоторые думаютъ, что наука о государствѣ намъ не нужна, что безъ нея пока удобно обходиться. Такъ

разсуждаютъ не одни обскуранты, но почти всѣ положительные, или практическіе люди. «У насъ еще можно повременить съ политическимъ воспитаніемъ, толкуютъ они; оно разовьется само собою; наука не пересаживается изъ одной земли на другую; она выростетъ сама вмѣстѣ съ учрежденіями? Напрасно будете вы возражать, что въ Европу ее пересаживали изъ Греціи и Рима въ средніе вѣка. Васъ не захотятъ слушать; вамъ скажутъ въ отвѣтъ: «то была не наука, а схоластика! За чѣмъ въ Россіи вводить схоластику?». Странныя сужденія! И не такихъ еще наслушаешься, если только захочешь слушать! Любопытнѣе всего ссылки и примѣры, которыми люди доказываютъ, что политическія науки въ Россіи не нужны. «Посмотрите на Англію, говорятъ они, тамъ этихъ наукъ не преподаютъ въ университетахъ, *значитъ онѣ и не существуютъ!* Впрочемъ Европа — другое дѣло: въ ней государства искусственныя, ихъ поддерживаетъ ученая политика; Европѣ и книги въ руки; не даромъ же онѣ пишутся! А мы жили и будемъ жить по старому, по своему! Родится наука о Русскомъ государствѣ — хорошо, а не родится — и не надо!». Спрашивается, что это значитъ — жить по старому? Очевидно, на азіятскомъ положеніи, неподвижно, съ вѣрою въ свою силу, пока она есть, закрывши глаза на чужой опытъ и примѣръ, не любопытствуя ни чего знать, кромѣ того, что происходитъ передъ глазами, покоряясь судьбѣ, съ самоотверженіемъ на лицѣ и глубокимъ спокойствіемъ души. Это умилительно, хотя не весело. Долго придется намъ ждать

самородной науки о государствѣ! Можетъ быть, еще тысячу лѣтъ.

Впрочемъ нетерпѣливымъ совѣтуютъ заняться науками естественными. Въ этихъ наукахъ, по общему мнѣнію практическихъ людей, умъ находитъ полное удовлетвореніе. Здѣсь нѣтъ ничего туманнаго; все точно, размѣрено, предъусмотрѣно, понято, раскрыто. А политика — это море обширное и неизвѣданное; оно заманчиво, но въ немъ на каждомъ шагу мели, подводные камни и опасности. Общественныя истины добываются медленно, требуютъ повѣрки; примѣненіе ихъ къ практикѣ зависитъ не отъ доброй воли, а отъ внѣшнихъ условій; наука же о государствѣ, безъ опыта, есть наука мертвая и отвлеченная.... Но нужно ли продолжать? Намъ знакомы пѣсни на этотъ ладъ. Всѣ онѣ похожи одна на другую. Люди воображаютъ, будто въ наше время народъ, желающій воспользоваться выгодами европейскаго просвѣщенія, воленъ избрать для себя одну какую-нибудь отрасль наукъ и бросить остальныя. «Вѣдь не всѣ же успѣваютъ во всемъ!». Разумѣется! Насильно никого нельзя сдѣлать разносторонним. Способности народовъ неодинаковы; о вкусахъ также не принято спорить. «Арабы, напр., въ нѣкоторыхъ наукахъ сдѣлали открытія; другими вовсе не занимались. Это не мѣшало имъ считаться образованнымъ народомъ». Но Арабамъ пророкъ запретилъ усовершать свое государство. И благодаря этому одному запрещенію, ихъ общественная жизнь скоро сдѣлалась невыносимою; всѣ ихъ знанія оказались ненужными, непрочными, потеряли цѣну и, можетъ быть, принесли

больше пользы другимъ, чѣмъ имъ самимъ. Подъ именемъ просвѣщенія теперь разумѣютъ гражданственность. Европа превосходитъ другія части свѣта не потому еще, что ея физическія силы (населеніе, войско, естественныя богатства и проч.) громадны и неодолимы, но потому особенно, что въ ней государства благоустроены. Ея всемірное вліяніе объясняется не столько умственнымъ перевѣсомъ, сколько средствами, которыя она представляетъ — примѣнить полезныя свѣдѣнія, изобрѣтенія и открытія къ практикѣ, возвысить и усовершить ими общественный бытъ. Въ этомъ главное дѣло. Естественныя науки и медицина въ большей или меньшей степени развиты и у Китайцевъ и у Японцевъ; искусства процвѣтали и въ Индіи и въ Египтѣ. Но истинной гражданственности здѣсь все-таки нѣтъ и не было; государства управлялись насиліемъ, произволомъ, случаемъ; личность человѣческая не находила въ нихъ защиты; знаніе не имѣло вліянія на жизнь. Мы считаемъ древнюю Грецію колыбелью гражданственности именно за то, что здѣсь впервые обнаружилась сила общественнаго разума и творчества, потому что здѣсь была признана свобода основаніемъ союза между людьми. Въ исторіи просвѣщенія, науки естественныя, конечно, занимаютъ высокое мѣсто, но онѣ направлены, исключительно къ объясненію законовъ міра внѣшняго, въ которомъ люди и общества живутъ, но который не ими устроенъ и поддерживается. Изученіе физическихъ законовъ, само по себѣ необходимое, приноситъ еще ту пользу въ быту гражданскомъ, что содѣйствуетъ мате-

ріальному прогрессу государствъ. Дѣлать завоеванія въ области природы есть одна изъ дорогихъ привилегій человѣка; побѣды, здѣсь одержанныя, прочнѣе военныхъ тріумфовъ. Есть изобрѣтенія и открытія, которыя производятъ даже переворотъ въ жизни всѣхъ народовъ, напр. изобрѣтеніе пороха, открытіе новыхъ путей и способовъ сообщенія въ наше время. Но естественныя науки имѣютъ свою задачу, а государства — свою. Цѣль государства состоитъ не въ томъ, чтобы изучать или покорять внѣшнюю природу, а въ томъ больше и прежде всего, чтобы устроить человѣческія отношенія справедливо и разумно. Если мы представимъ себѣ народъ, въ которомъ распространены свѣдѣнія въ наукахъ естественныхъ, но которому вовсе не извѣстны или непонятны законы общежитія, такому народу, при всей его учености, еще необходимо дѣлать гражданскіе опыты и упражненія, чтобы достигнуть благосостоянія. Гражданственность есть искусство и наука; она пріобрѣтается людьми мало по малу, путемъ совмѣстной жизни. Можно быть отличнымъ натуралистомъ, медикомъ, математикомъ и оказаться ребенкомъ въ распознаваніи и оцѣнкѣ причинъ, отъ которыхъ зависитъ возвышеніе и упадокъ государствъ, въ управленіи дѣлами общественными, даже въ обсужденіи интересовъ народныхъ или публичныхъ. Міръ политическій своеобразенъ, въ немъ происходятъ явленія особеннаго рода (sui generis); въ немъ работаютъ силы, неизвѣстныя растительному и минеральному царству, примѣняются законы, созданные человѣкомъ, укрѣпленные исторіею, развивающіеся вмѣстѣ съ обществомъ. Одни

животные инстинкты и страсти не только не поддерживают государства, но губятъ его, если допустить ихъ необузданную игру, основываясь на томъ, что она терпима и законна въ природѣ. Въ государствѣ, гдѣ кто-нибудь сталъ бы обращаться съ низшими, какъ хищныя птицы обращаются съ домашними, или большія рыбы съ маленькими, ссылаясь на естественный порядокъ видимаго міра, въ такомъ государствѣ было бы очень неудобно жить. Экономія физической природы устроена иначе, чѣмъ экономія общественная. Аналогіи здѣсь не всегда у мѣста; сравненія и сближенія нужно дѣлать осторожно и съ толкомъ. Но въ Россіи любятъ модныя теоріи и, если только онѣ кажутся передовыми, заимствуютъ ихъ на-вѣру и пускаютъ въ ходъ, не заботясь о результатахъ. Въ послѣднее время духъ натурализма обуялъ нѣкоторыя молодыя, но къ несчастію некрѣпкія, головы поборниковъ нашего прогресса. Онѣ вносятъ этотъ духъ туда, куда не нужно, воображая, что науки общественныя отъ этого выиграютъ. Одинъ натуралистъ и веселый человѣкъ, Карлъ Фогтъ, чуть было не основалъ на Руси школы мрачныхъ политическихъ мыслителей. Восхищаясь устройствомъ пчелиныхъ ульевъ и муравьиныхъ роевъ, находя идеалъ порядка и гармоніи въ движеньи стада и полетѣ саранчи, онъ рекомендуетъ роду человѣческому подражать естественной жизни рогатаго и всякаго скота. Эти шуточныя рекомендаціи, вызванныя безурядицами въ Германіи и неудачною дѣятельностью Франкфуртскаго сейма, у насъ принимались въ свое время цѣлыми кружк-

ками, серьезно, за послѣднее слово мудрости [1]. Къ счастію, или къ несчастію, онѣ безполезны. Можетъ быть, родъ человѣческій и страдаетъ отъ слишкомъ сильной увѣренности въ своемъ превосходствѣ надъ другими животными, но что дѣлать? Ему трудно отказаться отъ своей оригинальности. Онъ не способенъ къ крутымъ реформамъ въ скотскую сторону. Жизнь людей нѣсколько сложнѣе, разнообразнѣе и свободнѣе жизни пчелъ и муравьевъ; она не такъ сосредоточена и ограничена; съ нею не такъ удобно справиться; чтобы ее анализировать, нужно наблюдать многосторонія ея отправленія долго и пристально: она не закрѣплена въ неподвижныя формы и не всегда идетъ регулярно, спокойно, какъ жизнь, управляемая инстинктомъ. Для улучшенія государственнаго быта требуются другія свѣдѣнія, чѣмъ для ухода за пчелами или для успѣшнаго исполненія должности пастуха. Иначе придется самому ходить во мракѣ и сбивать съ толку, или путать другихъ. Короче сказать, нынѣшній натурализмъ не имѣетъ силы удовлетворительно объяснять какія бы то ни было политическія явленія! Чтобы постигнуть законы, дѣйствующіе въ обществѣ, всего лучше изучать ихъ непосредственно, безъ заданныхъ напередъ и взятыхъ заимообразно, на-вѣру теорій. До сихъ поръ спеціальная обработка была необходима для развитія всѣхъ наукъ: онѣ шли независимо одна отъ другой, подвигались впередъ своими силами, безъ вторженія въ

[1] *C. Vogt*, Thierstaaten (Bilder aus dem Thier- und Menschenleben). Frankf. 1850. I.

чужія области. Въ наукахъ гуманныхъ, какъ и въ естественныхъ, люди доискивались истины опытомъ и размышленіемъ, прилагали совмѣстно и попеременно анализъ и синтезъ: первый для разбора фактовъ и при оцѣнкѣ новыхъ явленій, второй—для сведенія результатовъ въ одно цѣлое. Иначе можно было бы потеряться и запутаться въ массѣ разнородныхъ знаній. Та-же дорога, думаю, предстоитъ намъ въ Россіи, если мы только желаемъ пріобрѣсти основательныя свѣдѣнія. Наше положеніе, сравнительно съ старыми народами, очень выгодно: мы имѣемъ передъ собою готовый синтезъ европейской науки и собственный нетронутый міръ для анализа. Полная самостоятельность недостижима разомъ, но пріобрѣтается мало по малу трудомъ и опытомъ. Рушить все старое, безъ толку, во имя оригинальности, и создавать новое, оригинальное — не одно и то-же. Мы думаемъ, будто законы, по которымъ движется наука и общество, писаны не для насъ, а для другихъ, и безпрестанно сбиваемся съ прямаго пути, воображая, что путь косвенный — короче. Эта поспѣшность отнимаетъ силы у Русскаго человѣка и приводитъ его къ бездѣйствію въ наукѣ. Въ самомъ дѣлѣ, можно глубоко вѣрить въ свои дарованія, привѣтствовать съ поклономъ всѣ новомодныя теоріи, даже сочувствовать успѣхамъ человѣческаго ума и въ то-же время не принимать участія въ развитіи знанія. Русскій человѣкъ до сихъ поръ охотно избѣгалъ серьезнаго творчества и часто довольствовался тѣмъ, что ловилъ призраки и создавалъ себѣ разнаго рода кумиры. Ему нравится напр. энциклопедизмъ; онъ стремится имѣть понятіе

обо всемъ, чтобы считаться человѣкомъ образованнымъ въ семьѣ другихъ народовъ — и вотъ онъ схватываетъ верхи или отрывочные результаты изъ всѣхъ наукъ съ надеждою *связать ихъ въ одну истину*. Нѣкоторые видятъ въ этихъ попыткахъ доказательство геніальности, но, кажется, онѣ преждевременны и безсильны. Онѣ увеличиваютъ только умственный хаосъ, на который мы жалуемся, а другихъ плодовъ отъ нихъ пока не видно. Едва ли гдѣ-нибудь можно найдти такую путаницу въ понятіяхъ, какъ у насъ! Едва ли гдѣ-нибудь дилеттантизмъ сгубилъ и губитъ столько силъ! Мы хватались рѣшительно за все и не изслѣдовали глубоко, основательно почти ничего. Если посмотрѣть на книжки нашихъ журналовъ, подумаешь, что науки въ Россіи процвѣтаютъ такъ, какъ нигдѣ! Мы беремъ отовсюду послѣднее открытіе, свѣжую мысль, сильное слово, но при этомъ не отличаемъ истины отъ лжи, и дорожимъ умственными блестками столько-же, сколько умственными сокровищами. А если бы кто-нибудь захотѣлъ поискать научнаго матеріала для рѣшенія какого-нибудь крупнаго вопроса, то не нашелъ бы въ Русской литературѣ почти ничего. Вмѣсто послѣдовательной, преемственной работы, у насъ оказываются разбросанные и неоконченные отрывки; вмѣсто дѣльныхъ руководствъ и составленныхъ съ толкомъ учебниковъ — компиляціи, сшитыя на живую нитку; вмѣсто оригиналовъ — жалкія копіи. И нельзя сказать, чтобы по нѣкоторымъ отраслямъ знанія мы не имѣли добросовѣстныхъ спеціалистовъ! Иногда, среди общаго безплодія и пустоты, явился одинокій и полезный трудъ, но онъ или не

былъ оцѣненъ по достоинству, или не вызывалъ къ дѣятельности продолжателей.

Все сказанное какъ нельзя болѣе относится къ наукѣ о государствѣ. Не даромъ многіе отказываются вѣрить, что она существуетъ въ Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, ни школа, ни литература не даютъ намъ основательныхъ политическихъ свѣдѣній. Почерпать ихъ можно развѣ изъ журналовъ, но и здѣсь видны кругомъ только претензіи, потраченныя даромъ усилія и торжествующее шарлатанство. Самозванныхъ публицистовъ въ Россіи много; опытныхъ, знающихъ свое дѣло — очень мало. Правда, почти каждый борзописецъ считаетъ себя призваннымъ и готовымъ судить о политикѣ или упражняться въ рѣшеніи ея текущихъ вопросовъ. Но что же выходитъ отсюда? То, что Англичане называютъ энергическимъ словомъ: humbug *. Нѣтъ народа въ Европѣ, за исключеніемъ Турокъ, да можетъ быть, самыхъ угнетенныхъ Славянъ, который бы больше Русскаго народа отсталъ и меньше трудился въ наукахъ политическихъ.

Пора положить конецъ этому застою. Отъ чего бы онъ ни произошелъ, отъ лѣни или отъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, — все равно. Сознавая, что невѣжество больше всего задерживало развитіе общественнаго порядка въ Россіи, мы должны бороться

---

[1] Слово это въ буквальномъ переводѣ значитъ: обманъ, надувательство. Оно употребляется для предостереженія публики отъ того, что выставлено на-показъ. Ложная наука, богатая громкими фразами и бѣдная содержаніемъ литература есть также humbug, по понятіямъ Англичанъ.

съ нимъ усиленнымъ трудомъ. Всемірная пословица говоритъ: лучше поздно, чѣмъ никогда. Серьезное политическое воспитаніе есть насущная потребность Русскаго общества. Политическія науки нужны намъ не только въ нынѣшнее время, но и для будущаго; онѣ содержатъ въ себѣ указанія, годныя для каждаго свободнаго народа, и рѣшаютъ общіе вопросы жизни. Чтобы усовершать и обновлять государственный бытъ, чтобы дѣлать полезныя преобразованія въ управленіи, всегда требуются свѣдущіе и опытные люди. Безъ людей никакія учрежденія не имѣютъ силы и крѣпости. Самая свобода погибаетъ, когда не находитъ просвѣщенныхъ защитниковъ. Предполагая даже, что настоящее поколѣніе не успѣетъ пожать плоды политическаго воспитанія, — слѣдующее за нимъ будетъ имѣть въ своихъ рукахъ накопленный умственный капиталъ и найдетъ способы пустить его въ оборотъ. Вѣдь должно же оно чѣмъ-нибудь стоять выше отцовъ своихъ! Не можетъ быть, чтобы мы достигли крайнихъ предѣловъ развитія. Иначе роду человѣческому нѣкуда идти далѣе и нынѣшній прогрессъ кончится регрессомъ, т. е. движеніемъ назадъ!

Отсутствіе или упадокъ гражданскаго воспитанія въ странѣ влечетъ за собою болѣе тяжелыя послѣдствія, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Когда умственное равновѣсіе потеряно, даже свѣдѣнія въ наукахъ техническихъ и естественныхъ кажутся несостоятельными, или по крайней мѣрѣ не вполнѣ приложимыми къ жизни. Подъ именемъ умственнаго равновѣсія здѣсь разумѣется стройное, гармоническое развитіе человѣческихъ знаній въ

данную эпоху. Къ такому равновѣсію слѣдуетъ стремиться какъ къ естественному, нормальному положенію. Не смотря на различіе характеровъ и склонностей, всѣ способные и живучіе народы одинаково призваны къ гражданственности. Только гражданственность даетъ цѣну, значеніе и ходъ полезнымъ искусствамъ и наукамъ. Иначе и быть не можетъ. Человѣкъ самъ по себѣ слабъ и беззащитенъ, но въ обществѣ съ подобными себѣ силенъ и неодолимъ. Правильное устройство общества есть самое надежное средство возвысить человѣка. Гармонія науки съ жизнію, на отсутствіе которой мы жалуемся, достигается именно тогда, когда всякая добытая истина находитъ защиту и приложеніе въ гражданскомъ союзѣ, когда добрыя мысли и дѣла приносятъ плодъ, т. е. поднимаютъ матеріальный и нравственный бытъ народа, когда одно открытіе или улучшеніе будучи приложено къ практикѣ, вызываетъ другое. Въ этомъ-то и состоитъ прогрессъ. Случайные скачки и отрывочные успѣхи въ однѣхъ наукахъ на счетъ всѣхъ другихъ далеко не такъ плодотворны для народовъ, какъ общіе успѣхи гражданственности. Было время, когда правительства исключительно поддерживали такъ называемыя привилегированныя науки (астрономію, статистику и пр.) и смотрѣли съ неудовольствіемъ на философію и политику, запрещая заниматься ими, какъ науками опасными. Что-же отсюда произошло? На-ряду съ искусственнымъ, такъ сказать, прихотливымъ развитіемъ роскошной учености въ избранныхъ кружкахъ — совершенное безплодіе знанія, умственный застой въ цѣломъ обществѣ. Истины оффиціальныя да-

же не всегда оказывались истинами практическими, реальными. Статистика, напр., едвали много выиграла въ достовѣрности отъ своихъ чиновныхъ ревнителей. Конечно есть науки, которымъ правительственная поддержка бываетъ нужна, потому что для успѣшнаго занятія ими требуются разныя учрежденія, или потому что ихъ изученіе на первыхъ порахъ дорого, недоступно для частныхъ лицъ (сюда именно относится астрономія), — но тѣмъ не менѣе желательно видѣть у каждаго народа равномѣрные успѣхи человѣческихъ знаній, а не односторонюю, исключительную, уродливо-развитую ученость съ характеромъ касты. Иначе утонченное просвѣщеніе и полное невѣжество будутъ существовать рядомъ, а стремленіе приложить истину къ жизни встрѣтитъ неожиданныя преграды. Такъ случилось и съ нами. Мы не изучали ни своего государства, ни народа, и когда обстоятельства заставили насъ подумать о реформахъ,— людей просвѣщенныхъ и способныхъ найдти вѣрный путь къ общественнымъ улучшеніямъ между нами не нашлось. Всѣ другія пріобрѣтенія, при этомъ одномъ недостаткѣ, оказались малоцѣнными въ нашихъ глазахъ. Мы увидѣли себя безпомощными и несостоятельными. Желательно, чтобы горькій опытъ научилъ насъ впередъ и чтобы мы не забыли его уроковъ! Но какіе же могутъ быть способы къ политическому воспитанію въ Россіи?

Прежде нежели я буду говорить о возможной дѣятельности Русскихъ университетовъ въ этомъ отношеніи, необходимо показать, хоть въ самомъ краткомъ очеркѣ, объемъ и внѣшнее раздѣленіе политическихъ наукъ,

измѣрить ихъ задачу, границы и главные результаты. Чѣмъ сложнѣе и обширнѣе извѣстная область знанія, тѣмъ больше она нуждается въ независимой обработкѣ; напротивъ, чѣмъ она проще и тѣснѣе, тѣмъ удобнѣе изучать ее вмѣстѣ съ другими близкими къ ней областями. У насъ государствовѣдѣніе не имѣетъ самостоятельнаго авторитета; ни школа, ни жизнь не дали этой наукѣ почетнаго и независимаго мѣста, не выдвинули ее впередъ, какъ напр. медицину, математику, филологію или естествовѣдѣніе. Нѣкоторыя отрасли политики, тѣсно связанныя съ юриспруденціею, преподаются въ Россіи въ *духѣ легальномъ*, т. е. подъ фирмою отечественныхъ законовъ; исторія, статистика и политическая экономія изучаются вмѣстѣ съ филологіею; кромѣ того, въ нѣкоторыхъ университетахъ и лицеяхъ учреждены камеральныя отдѣленія, гдѣ науки естественныя смѣшаны съ государственными въ одну нестройную массу. Одолѣть и даже осмыслить такъ наз. камералистику студенту нелегко. Она родилась въ Германіи тогда, когда государственное хозяйство имѣло видъ частнаго промысла, когда правительство находило для себя выгоднымъ заниматься агрономіею, технологіею и торговлею. Свѣдѣнія въ этихъ наукахъ, разумѣется, казались наиболѣе нужными для администраторовъ и экономистовъ и должны были замѣнить для нихъ политическое воспитаніе. Отсюда произошли странныя послѣдствія. По общему мнѣнію, по крайней мѣрѣ у насъ въ Россіи, камералисты не знаютъ, какъ слѣдуетъ, основательно, ни техническихъ, ни государственныхъ наукъ и выходятъ ни на что особенно не пригодными. Исключенія, конеч-

но, везде есть, но неоспоримо то, что камералистъ принужденъ самъ дополнять свое образованіе и раньше или позже посвятить себя спеціально или частному хозяйству, или же администраціи.

Такъ устроились наши высшія учебныя заведенія съ 1835 года. Между тѣмъ прежде, именно при Александрѣ I, въ университетахъ существовали этико-политическіе факультеты, гдѣ, какъ видно изъ названія, вступительною, такъ сказать, руководящею наукою государствовѣдѣнія была признана этика, или нравственная философія. Мнѣ кажется, организація тогдашнихъ факультетовъ была разумнѣе, нежели нынѣшнее разбросанное и несистематическое распредѣленіе наукъ. Хотя довѣріе къ философіи теперь подорвано и всѣ согласны, что практическое знаніе должно быть поставлено отъ нея независимо, однакоже трудно отрицать, что извѣстныя понятія о человѣческихъ обязанностяхъ должны быть приняты въ соображеніе при постройкѣ началъ жизни гражданской и государственной. На этихъ понятіяхъ основывались издавна общественныя науки [1]. Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ первыми и главными двигателями политическихъ идей явились философы. Платонъ и Аристотель у Грековъ, Цицеронъ у Римлянъ, Бэконъ, Гоббзъ, Локкъ и Юмъ у Англичанъ, энциклопедисты у Французовъ, Лейбницъ, Вольфъ, Кантъ, Фихте и Гегель въ Германіи, написали лучшіе по свое-

[1] Аристотель прямо включаетъ этику въ область государственныхъ наукъ. См. *J. Lewis (Cornewall)* On methods of observation and reasoning in politics. 1. 49, 50.

му времени трактаты о государствѣ, или основали школы, откуда вышли потомъ публицисты и практики. Конечно, вліяніе этихъ наставниковъ и руководителей народа мало по малу ослабѣвало; ихъ ученики, идя дальше, становились независимыми отъ философскаго преданія и вырабатывали новыя истины уже не умозрѣніемъ, а опытомъ, наблюденіемъ, повѣркою и критикою фактовъ. Но такая самодѣятельность, или эманципація умовъ, обыкновенно возникаетъ не вдругъ, а по мѣрѣ раздѣленія умственнаго труда и накопленія умственныхъ капиталовъ. Во всякомъ случаѣ, мысль поставить науку о человѣческихъ обязанностяхъ краеугольнымъ камнемъ политики и юриспруденціи есть мысль болѣе здравая, чѣмъ сдѣлать общественную экономію главнымъ предметомъ для филолога.

Удостовѣрившись, что даже въ университетахъ нашихъ политическое воспитаніе не устроено, или вовсе упущено изъ вида, и слѣдовательно идетъ неправильно, мы теперь приступимъ къ рѣшенію заданныхъ при началѣ рѣчи вопросовъ и будемъ отвѣчать на нихъ послѣдовательно, на-сколько укажетъ надобность и позволятъ наши силы!

—

II.

Первый вопросъ, который здѣсь слѣдуетъ рѣшить относительно политическихъ наукъ, состоитъ въ томъ, нужно ли признавать ихъ за отдѣльную, независимую отрасль знанія? На него можно отвѣчать безъ затрудненія. Согласимся напередъ, что нѣтъ ни одной науки безусловно-самостоятельной: каждая изъ нихъ чѣмъ-нибудь связана съ другою; другая съ третьею и т. д. Почему эта связь существуетъ, — ясно. Кромѣ того, что всѣ науки имѣютъ *одну* цѣль — истину; кромѣ того, что онѣ составляютъ продуктъ *одного* существа, способнаго искать истины — человѣка, органическая связь между науками есть неизбѣжное послѣдствіе гармоніи, или высшаго порядка, по которому устроенъ этотъ міръ. Все существующее повинуется *законамъ*. Проникнуть въ тайну совершающихся явленій и дѣйствующихъ міровыхъ силъ человѣкъ стремится сначала инстинктивно, потомъ сознательно, употребляя въ дѣло всѣ врожденныя и пріобрѣтенныя способности. Главныя орудія, которыми онъ пользуется и работаетъ при отыскиваніи истины, орудія ему исключительно принадлежащія — опытъ и разумъ.

Но міръ обширенъ и кажется необъятнымъ, безконечнымъ; усилія различить въ немъ причины отъ послѣдствій и постигнуть управляющіе имъ законы, теряются въ его пространствѣ. Онъ заключаетъ въ себѣ множество областей; одинъ изъ нихъ лежатъ ближе, другія отдаленнѣе отъ насъ; нѣкоторыя болѣе, другія ме-

нѣе намъ доступны. Размѣрить ихъ не легко уже потому, что онѣ, какъ мы сказали, не отмѣрены рѣзкими чертами, не поставлены врозь, не оторваны отъ общаго зданія, какъ острова отдѣлены отъ твердой земли водою, но взаимно соприкасаются. Даже отвлеченная мысль путается въ усиліяхъ сдѣлать строгую, отчетливую классификацію знаній по предметамъ. До сихъ поръ человѣкъ не находилъ при этомъ другой логической опоры, кромѣ антитезиса. Точка, на которой онъ естественно и легче всего остановился, была и есть его собственная личность, которую онъ могъ если не противоположить всему, то по крайней мѣрѣ выдѣлить отъ всего, что внѣ существуетъ. Отсюда основная классификація наукъ: одинъ изъ нихъ имѣютъ предметомъ человѣка, другія направлены къ изученію остальнаго міра; но и это общее и самое широкое дѣленіе однако-же не точно. Въ немъ легко открыть непослѣдовательность и запутанность: внѣшняя сфера, въ которой сознаетъ свое присутствіе личность, разнообразна. Въ этой сферѣ не только находится физическая природа, но живутъ также люди.

Наблюдая далѣе факты и отправленія жизни, и убѣждаясь, что въ немъ самомъ, какъ и въ другихъ людяхъ, дѣйствуютъ общія силы природы и кромѣ того особенныя, исключительныя способности, человѣкъ пришелъ къ заключенію, что, кромѣ законовъ видимыхъ, осязательныхъ, или матеріальныхъ, есть законы невидимые, неосязательные. Область первыхъ онъ старался и находилъ удобнымъ разсматривать отдѣльно отъ послѣднихъ. Такимъ образомъ въ мірѣ физическомъ онъ создалъ или, лучше сказать, открылъ другой міръ — нрав-

ственный, духовный. Чтобы постигнуть этотъ новый міръ, нужно было дѣйствовать иначе. Здѣсь человѣкъ нашелъ царство широкой, безконечной свободы. Она казалась ему неуловимою, непонятною, капризною. Не разгадывая причинъ, послѣдовательности и связи въ событіяхъ міра нравственнаго, человѣкъ долго не видѣлъ въ немъ ничего, кромѣ случая и произвола. Только неподоволь, мало по малу, были раскрыты въ этой области стройныя и естественныя силы. Жизнь внутренняя или духовная обнаружила свой процессъ по мѣрѣ наблюденія и сравненія совершавшихся въ ней фактовъ. Сначала здѣсь приходилось теряться среди отвлеченностей и блуждать во мракѣ гипотезъ: потомъ горизонтъ прояснился, и оказалось, что міръ физическій и нравственный устроены по одному плану, другими словами — составляютъ стройное, гармоническое цѣлое.

Вмѣстѣ съ пробужденіемъ воли и сознанія, въ человѣкѣ явилась способность и смѣлость устроить свою жизнь спокойно и наилучшимъ образомъ. Стремленіе это было результатомъ внутренней дѣятельности, въ которой разумъ болѣе и болѣе вступалъ въ свои права. Самыя тяжкія заботы и думы переживалъ человѣкъ при взглядѣ на внѣшній міръ, въ которомъ его существованіе такъ мало обезпечено. Здѣсь на каждомъ шагу встрѣчались неудачи и препятствія; безпрестанно нужно было трудиться и бороться, чтобы завоевать себѣ независимое, прочное благосостояніе. Человѣкъ видѣлъ кругомъ себя двѣ великія силы, которыя долго смѣшивалъ и принималъ за орудія слѣпой, всесокрушающей судьбы, и въ которыхъ находилъ неодолимый

отпоръ: силу физической природы и окружающихъ людей. И та и другая долго внушали ему и поддерживали въ немъ чувство безотчетнаго страха и своего ничтожества; и та и другая были въ его глазахъ чудесными, сверхъестественными или по-крайней-мѣрѣ грозными силами. Въ самомъ дѣлѣ, мы и теперь въ молодыхъ лѣтахъ живо чувствуемъ, какъ тяготѣетъ надъ нами *общество*, какъ мы передъ нимъ одиноки и безпомощны. Спокойствіе природы обезоруживаетъ насъ скорѣе; мы съ нею примиряемся легче. Она сама указываетъ намъ цѣль, для которой дѣйствуетъ, казнитъ и милуетъ. Ея громы и бури — явленія скоропреходящія, хотя неотразимыя. Противъ нихъ мы ищемъ спасенія въ ней самой, или въ тѣхъ средствахъ, какія указываетъ намъ инстинктъ и предусмотрительность. Наконецъ, кары со стороны природы поражаютъ насъ большею частью такъ, что мы имъ и не въ силахъ сопротивляться. Онѣ разрушаютъ существованіе человѣка, оставляя за нимъ едва замѣтный слѣдъ. Противъ смерти нѣтъ спасенія: это удѣлъ живущихъ. Но что такое общество? За чѣмъ оно присвоиваетъ себѣ права природы, не имѣя ея могущества? Для какой цѣли оно насъ покоряетъ, гнететъ, стремится передѣлать? Кто поставилъ надъ нами эту вторую природу? Не можемъ ли мы съ нею справиться? Нѣтъ ли въ нашихъ рукахъ силы и власти смирить, одолѣть, ослабить ея тяготѣющее надъ нами давленіе? Подобные вопросы должны были глубоко волновать и мучить человѣка. Скрѣпя сердце, онъ долго чувствовалъ передъ ними свое безсиліе, но не смирялся, а терпѣлъ и зорко слѣдилъ за игрою обществен-

наго механизма, выжидая благопріятной минуты, чтобы на него дѣйствовать. Ему могло придти въ голову, что другіе люди думаютъ то-же. И въ самомъ дѣлѣ, сомнѣнія и протесты повторялись. Высказанные сначала робко, тайно, одиноко, они обнаружились мало по малу не словами только, а на дѣлѣ. Чувство свободы есть общечеловѣческое чувство; его источникъ пробивается всюду и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше даютъ ему хода; онъ не изсякаетъ въ борьбѣ; стремительность его только усиливается среди враждебныхъ обстоятельствъ. Можно сказать навѣрное, что гдѣ раздавались непрерывные, единодушные голоса людей въ пользу свободы, откуда вышли дѣятельныя стремленія устроить жизнь общества спокойно и справедливо, туда было брошено на добрую почву сѣмя политическихъ наукъ, тамъ принесло оно свой первый плодъ.

Мы не знаемъ, гдѣ и когда именно возникли сознательныя представленія о необходимости усовершать общество, о возможности сдѣлать его творческимъ достояніемъ самого человѣка. Но мы можемъ сказать навѣрное, что они проявились въ полной силѣ, на практикѣ, только тогда, когда общество приняло форму государства. Пока не были основаны государства, люди находились подъ исключительнымъ владычествомъ семейнаго и родоваго союза, скитались ордами и рѣдко были привязаны къ одному мѣсту. Въ эти отдаленныя времена дѣйствовали инстинкты простые и грубые, животныя, а не гражданскія стремленія и доблести. Между людьми не было связи свободной, искусственной: они были связаны, какъ стадо, не болѣе, можетъ быть — и

менѣе. Даже съ происхожденіемъ государства не вдругъ подумали о томъ, чтобы его устроить при общемъ содѣйствіи: оно устроилось, такъ сказать, само собою, безъ послѣдовательнаго умственнаго труда, а болѣе при вліяніи обстоятельствъ, случая, произвола, насилія и политическаго вдохновенія отдѣльныхъ лицъ, возвышенныхъ надъ толпою происхожденіемъ, богатствомъ, или властью. Подъ именемъ политическаго вдохновенія разумѣется здѣсь та способность творчества, которою человѣкъ неоспоримо владѣетъ, когда настоятельная потребность ему указываетъ найдти для своего одноплеменнаго или покореннаго народа годныя учрежденія. Эта способность проявилась съ необыкновенною силою во времена самыя отдаленныя, напр. въ государствахъ теократическихъ (въ Индіи и Египтѣ). Они родились на свѣтъ неожиданно, во всеоружіи, какъ Минерва изъ головы Юпитера. Закалъ этихъ государствъ изумляетъ и нынѣшняго наблюдателя. Они существуютъ тысячелѣтія и устояли противъ напора самыхъ враждебныхъ стихій. Ни что не могло сокрушить эти крѣпкія политическо-религіозныя зданія: ихъ невольно хочется сравнить съ произведеніями первобытной архитектуры въ тѣхъ-же странахъ. Индѣйскія пагоды, пирамиды и храмы египетскіе, какъ древнія теократіи, до сихъ поръ гордо стоятъ передъ нами въ своемъ вѣковѣчномъ, простомъ и неподражаемомъ величіи. Они сложены незатѣйливо, изъ громадныхъ камней; въ нихъ не много украшеній. Но какая сила и смѣлость нужна была, чтобы сдвинуть эту нестройную массу въ одно цѣлое и дать ей грандіозную форму! Если-бы человѣкъ ничего луч-

шаго не устроилъ на землѣ для жизни общественной кромѣ теократіи, одно это доказало бы, что онъ можетъ создать на землѣ свой отдѣльный, независимый, недоступный для другихъ животныхъ міръ.

Итакъ, политическое искусство явилось раньше науки. Это неудивительно. Не въ одномъ построеніи государствъ обнаруживаются творчество, изобрѣтательность и смѣтливость человѣка. Практическія нужды вызвали его дѣятельность задолго до того времени, когда онъ началъ изучать строго и систематически законы и силы видимаго и невидимаго міра. Всѣ почти искусства, какъ изящныя, такъ и полезныя, не только предшествовали наукамъ, но даже успѣли сами собою достигнуть нѣкотораго совершенства. Древніе поэты считаютъ основателемъ ихъ Прометея, родоначальника всѣхъ просвѣтителей человѣчества. Легенды приписываютъ ему разныя изобрѣтенія и открытія, съ помощію которыхъ жизнь наша была впервые ограждена и обезпечена противъ насилій и непогодъ. Политическое искусство, какъ и всѣ другія, прошло извѣстныя ступени, началось съ грубыхъ размаховъ, поддерживалось преданіемъ, обогащалось новыми опытами и наконецъ приготовило матеріалы для науки. Отличительное свойство полезныхъ искусствъ есть производить нѣчто оригинальное, т. е. такое, чему нѣтъ первообраза въ мірѣ физическомъ. Въ нихъ преобладаетъ творчество и нѣтъ мѣста, какъ въ живописи или скульптурѣ, непосредственному подражанію природѣ: изъ ней они заимствуютъ только матеріалъ для обработки и обращенія на пользу человѣка. Политическое искусство началось, можно сказать, съ той

минуты, когда явилась потребность спокойно и мирно, безъ систематическаго насилія, управлять людьми, и выразилось на первый разъ у каждаго народа въ эмпирическихъ пріемахъ, добытыхъ его собственнымъ опытомъ. Эти пріемы и способы управленія одно поколѣніе передавало другому въ наслѣдство, какъ плодъ жизненной мудрости. Отсюда выработались извѣстныя твердыя, хотя и отрывочныя начала, которыя наука подвергла своему анализу. Просвѣщенное наукою, политическое искусство продолжало и потомъ совершенствоваться, въ свою очередь содѣйствуя накопленію и успѣхамъ систематическихъ знаній. Съ этого времени оно, конечно, должно было получить новый видъ, сдѣлаться болѣе труднымъ и сложнымъ: наука сообщила ему извѣстную технику, методу и законы. Съ другой стороны, наука нашла въ искусствѣ, кромѣ полезныхъ для себя уроковъ, такіе образцы, которые люди старались не только изучать, но и воспроизводить, когда представлялась къ тому возможность.

Наука о государствѣ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, родилась въ Греціи. Она не могла явиться на свѣтъ прежде. Теократіи и деспотіи, разумѣется, всегда и вездѣ ей враждебны. Политическое искусство въ Азіи и Африкѣ было тайною для народа и опиралось или на сверхъестественную, или же на грубую физическую силу. Сила эта была неодолима, бороться съ нею никто не дерзалъ. Только тогда, когда разумъ и свобода предъявили свои права въ жизни, человѣкъ отважился затронуть государство, сначала легко и осторожно, потомъ сильнѣе и сильнѣе. Зародышъ полити-

ческихъ идей коренился въ Греческой философіи съ незапамятныхъ временъ. Мудрецы считаются законодателями или реформаторами первобытныхъ государствъ древней Греціи. Софистамъ принадлежитъ честь смѣлой критики общественныхъ явленій; Сократу — болѣе высокая честь борьбы и смерти за истину, человѣческую и гражданскую. Его ученики—Платонъ и Аристотель положили твердое и глубокое основаніе науки о государствѣ. Ихъ сочиненія до сихъ поръ не потеряли своей цѣны и, можно сказать смѣло, будутъ поучать самыхъ отдаленныхъ потомковъ нашихъ. Уже въ мысляхъ этихъ великихъ людей не трудно замѣтить путь, по которому должны были идти ихъ преемники. Платонъ является высокимъ идеалистомъ; Аристотель силенъ знаніемъ эмпирическимъ, направленіемъ реальнымъ. Одинъ стремится устроить совершеннѣйшее государство и дать ему незыблемые законы; другой изучаетъ и сравниваетъ существующія государства. Оба въ своемъ родѣ и по своему времени достигли изумительныхъ результатовъ; оба ждали отъ государства многаго, если не всего, и принесли ему въ жертву, ради счастія, славы и силы цѣлаго народа, отдѣльныя личности. Такія были тогда понятія! Только крѣпкими учрежденіями философы надѣялись хоть на-время спасти общество отъ неизбѣжнаго упадка. Надежды ихъ не оправдались. Древнее общество, не смотря на свободныя внутреннія формы, было построено на системѣ внѣшней тиранніи: оно на каждомъ шагу попирало ногами человѣческій образъ и, возставая противъ законовъ природы, думало закрѣпить себя отъ погибели. Неизбѣжная отвѣтственность всѣхъ и

каждаго за угнетеніе слабыхъ въ государствѣ, за рабство и освященное непреклоннымъ обычаемъ насиліе, есть общественная истина, которую древніе не хотѣли или не могли признать. Отсюда ясно, почему самыя величественныя комбинаціи у нихъ не удавались, почему ихъ преслѣдовалъ рокъ, которому они вѣрили. Народы эти искусно строили, искусно управляли, но не владѣли способностью распознавать и лечить свои общественныя язвы. Государство было у нихъ цѣлью; — человѣкъ — его орудіемъ; выражаясь иначе: они уважали только полноправнаго гражданина, но смотрѣли съ глубокимъ презрѣніемъ на негражданина и раба. Кромѣ того, кругозоръ древнихъ былъ очень ограниченъ. Каждый народъ жилъ тогда сосредоточенно въ самомъ себѣ и не хотѣлъ знать своихъ сосѣдей. Только война заставляла людей выходить изъ государства на истребленіе себѣ подобныхъ. Отсюда гордость, взаимная ненависть и глубокое отчужденіе между отдѣльными племенами; отсюда увѣренность въ каждомъ изъ нихъ, что оно превосходнѣе всѣхъ прочихъ. Философы и политики раздѣляли всѣ эти предразсудки и не думали надъ ними возвыситься. Религія поддерживала вражду какъ между богами, такъ и между людьми. Неудивительно, что наука не нашла себѣ въ тогдашнее время ни простора, ни благопріятной сферы. Она не чувствовала въ себѣ столько смѣлости и силы, чтобы исправить общественное зло и съ какимъ-то фатализмомъ обрекала все на погибель. Даже мысль о томъ, что прогрессивная гражданственность возможна, никому не приходила въ голову.

Но не смотря на это, политическіе труды Платона и Аристотеля имѣютъ огромное значеніе: они глубоко раскрываютъ передъ нами природу Греческаго государства. Его достоинства и недостатки оцѣнены очень вѣрно философами. Что случилось и должно было случиться, они предвидѣли и предсказали. Вообще Платонъ сильно и чистосердечно заботится о гармоніи и справедливости въ обществѣ; Аристотель—о благосостояніи. Многое во внутренней жизни человѣка они разгадали, глубоко изучая его способности; многіе законы нравственнаго міра имъ удалось уловить. Если вспомнить, что они все начали, все обняли и строили на-ново, нужно согласиться, что они стоятъ высоко въ ряду просвѣтителей человѣчества.

III.

Уже у Платона и Аристотеля наука о государствѣ занимаетъ отдѣльное независимое мѣсто отъ другихъ, имѣетъ свою область. Весь кругъ человѣческаго знанія они дѣлятъ на три части: діалектику, физику и этику, или политику. Почему у нихъ слово этика, или политика, употребляется безразлично, понять нетрудно: цѣлью государства они признаютъ добродѣтель, нравственность; вить благоустроеннаго общества съ подоб-

ными себѣ они не видятъ для человѣка возможности вести жизнь разумную и совершенствоваться. Притомъ же объемъ государства былъ тогда очень тѣсенъ; оно заключалось въ одномъ городѣ, состояло не изъ нѣсколькихъ народовъ, а изъ ограниченнаго числа селеній или домовъ. Въ политикѣ, по словамъ Аристотеля, содержатся всѣ практическія науки. Онъ подраздѣляетъ ее на три части: на этику, или ученіе о жизни человѣка взятаго порознь, на экономику, или ученіе о жизни домашней, и на политику въ тѣсномъ смыслѣ, или науку объ устройствѣ и управленіи государствомъ. Какъ у Платона, такъ и у Аристотеля она строго различается отъ физики, или науки о природѣ. Въ настоящее время мы можемъ развить эту мысль и показать, въ какой степени она имѣетъ основаніе. Поставленный впереди вопросъ о независимости политическихъ наукъ отъ другихъ отраслей знанія требуетъ основательнаго рѣшенія; чтобы дать на него отвѣтъ, нужно было только удостовѣриться — когда, гдѣ и въ какомъ видѣ произошли эти науки. Дальнѣйшую ихъ исторію можно здѣсь не разсматривать подробно [1]. Чѣмъ болѣе онѣ развивались, тѣмъ скорѣ была для нихъ отмѣрена извѣстная сфера, тѣмъ менѣе онѣ могли быть смѣшиваемы въ одну массу не только съ разнородными, но даже съ близкими и прикосновенными къ нимъ науками.

Политическія науки всегда имѣли, имѣютъ и будутъ имѣть предметомъ исключительно человѣка, слѣдоват. должны быть названы науками человѣческими, или гу-

[1] См. Исторію политическихъ наукъ въ Европѣ. М. 1859 г.

маниыми. Явленія и факты, на изслѣдованіе и объясненіе которыхъ онѣ направлены, происходятъ только между людьми, не замѣчаются между другими животными, тѣмъ менѣе возможны въ природѣ растительной и въ царствѣ минеральномъ. Даже люди, далеко не всѣ, составили на землѣ то, что называется государствомъ, или политическимъ союзомъ. Мы не находимъ, напр., у дикарей правительства, они не образуютъ общества, поддерживающаго свою независимость и единство совокупными усиліями. Они способны избирать на время полководца для военныхъ предпріятій, но въ состояніи спокойствія и въ жизни обыденной не признаютъ другой власти и связи, кромѣ домашней, или семейной. Родовая власть не есть собственно правительство; она не простирается на всѣхъ и каждаго, ея существованіе зависитъ отъ естественныхъ, скоропреходящихъ условій, именно — отъ старшинства; ея дѣятельность сохраняетъ характеръ патріархальный, отеческій, а не политическій. Государство имѣетъ не только свои рѣзкіе отличительные признаки, но другую задачу, чѣмъ семейства или роды: ему повинуются иначе, на особенныхъ основаніяхъ; оно опредѣляетъ отношенія между людьми своеобразно, независимо отъ семейнаго обычая или приговора; въ немъ находитъ защиту каждая личность, признается трудъ и отдѣльная собственность; установляются права, добытыя, исторгнутыя у природы занятіемъ и воздѣлываніемъ земли, или пріобрѣтенныя однимъ человѣкомъ отъ другаго, и существуетъ хотъ подобіе суда. Все это можетъ быть устрое-

но дурно, шатко, непрочно, но пока мы не видимъ среди человѣческихъ племенъ ничего подобнаго, они не составляютъ государства. Напротивъ, присутствіе правительства, хотя бы самаго грубаго и варварскаго, есть уже доказательство, что народъ составилъ незавпсимое политическое общество. Нужны опредѣленныя условія, чтобы правительство дѣйствовало, затѣмъ требуются новыя условія, чтобы оно дѣйствовало хорошо, съ пользою, въ видахъ общаго блага. Смѣшивать тѣ и другія въ политикѣ не слѣдуетъ, все равно какъ въ физіологіи нужно отличать условія жизни отъ условій здоровья. Не каждый живой человѣкъ здоровъ и крѣпокъ, не каждое существующее правительство прочно и устроено наилучшимъ образомъ.

Принимая во вниманіе способность человѣка основывать и усовершать государства, Аристотель удачно назвалъ его животнымъ или существомъ политическимъ. Дѣйствительно, этой способности нѣтъ ни у насѣкомыхъ, ни у рыбъ, ни у млекопитающихъ, хотя нѣкоторыя ихъ породы живутъ вмѣстѣ, или стадами, и обнаруживаютъ въ извѣстной степени общественныя наклонности. Есть писатели, между натуралистами, доказывающіе даже превосходство такъ наз. Thierstaaten надъ человѣческими государствами, но объ этомъ не стоитъ долго спорить. Остроумныя шутки могутъ быть приняты за серьезные доводы только тамъ, гдѣ, какъ въ Россіи, любятъ играть наукою. Если посмотрѣть на дѣло спокойно, то не трудно убѣдиться, что между государствомъ и стадомъ есть непзгладимая разница. Сэръ Джоржъ Льюпзъ, анализируя способности человѣка и

сравнивая ихъ съ способностями животныхъ [1], приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: «причины, почему изъ всѣхъ земныхъ существъ только человѣкъ способенъ къ основанію государствъ и къ прогрессивной гражданственности, понятны: онъ одинъ надѣленъ разумомъ и языкомъ, устраиваетъ постоянное, неразрывное семейство, имѣетъ ясное представленіе о правѣ и обязанности, религіозное чувство, или понятіе о порядкѣ природы, можетъ дѣйствовать на другихъ, себѣ подобныхъ, общими приказаніями, повинуется власти и закону, стремится къ лучшему, владѣетъ искусствомъ или даромъ творчества. Эти качества у животныхъ или вовсе не замѣчаются, или развиты несравненно слабѣе». Отсюда Льюисъ выводитъ, что они не въ силахъ основать государства даже неподвижнаго, т. е. закрѣпленнаго въ извѣстныя формы навсегда. Еще менѣе возможенъ между ними прогрессивный политическій союзъ. Улучшеніе или усовершенствованіе животныхъ безъ вліянія со стороны человѣка трудно себѣ представить, потому что они сами лишены способности передавать отъ одного поколѣнія другому опытъ, и слѣд. не развиваются послѣдовательно, преемственно, мало по малу. Искусственныя привычки, внушенныя домашнимъ животнымъ, хотя иногда дѣлаются наслѣдственными, какъ замѣтно на собакахъ, но непрочно, какъ при постоянной заботливости человѣка. Брошенное животное снова воз-

---

[1] Подробности объ этомъ и ссылки на изслѣдованія натуралистовъ см. въ его книгѣ «On methods of observation and reasoning in politics», 1, 18—35.

вращается къ дикости; подобно тому, какъ земля, оставленная безъ обработки, зарастаетъ негодными травами и пустѣетъ.

Сомнѣніе въ томъ, есть ли человѣкъ существо политическое по природѣ, также поддерживается болѣе словами, чѣмъ основано на фактахъ. Если подъ именемъ природы разумѣть первобытное или грубое состояніе человѣка, то, конечно, онъ можетъ жить и внѣ государства, какъ видно изъ исторіи; если же принять въ соображеніе улучшенный типъ, до котораго доходитъ человѣкъ посредствомъ образованія, или развитія умственной силы, то нужно согласиться, что онъ имѣетъ врожденныя, т. е. природныя способности къ жизни политической. До какой степени существованіе государства ему нужно и полезно, можно убѣдиться изъ сравненія дикихъ племенъ съ племенами въ гражданскомъ быту. Дикари не только не возвышаются надъ стадомъ животныхъ, но во многихъ отношеніяхъ ему уступаютъ. Жизнь дикаря въ самомъ дѣлѣ не такъ правильна и обезпечена, не такъ вѣрна естественнымъ инстинктамъ, не такъ благоустроена, какъ жизнь нѣкоторыхъ звѣрей, птицъ и даже насѣкомыхъ. Напротивъ, жизнь въ государствѣ больше чѣмъ что-нибудь дѣлаетъ человѣка существомъ, если можно такъ выразиться, оригинальнымъ, своеобразнымъ, возвышеннымъ надъ другими животными. Его способности только здѣсь, въ спокойномъ союзѣ съ ближними, приносятъ плодъ и развиваются до безконечности, т. е. непрерывно. Все, чѣмъ богатъ онъ и силенъ, все, что имъ пріобрѣтено, добыто и создано, что составляетъ его славу и гор-

дость, что дѣлаетъ его, если не царемъ природы, какъ принято говорить, то, по крайней мѣрѣ, лучшимъ, совершеннѣйшимъ ея созданіемъ, — онъ завоевалъ и усвоилъ себѣ подъ защитою государства. Ни семейство, ни родъ, ни школа, ни самое общество не могло бы ему обезпечить тѣхъ средствъ къ жизни разумной, того спокойствія, той независимости, какой онъ достигъ въ широкомъ, свободномъ и прогрессивномъ союзѣ, извѣстномъ подъ названіемъ союза политическаго, или государства. Это могутъ отрицать раздраженные пессимисты, съ этимъ могутъ не соглашаться упорные спектики; но если судить безпристрастно, если разсматривать и сравнивать историческіе факты, — значеніе государства и его благодѣтельные результаты для человѣка трудно преувеличить. Какъ бы ни было оно дурно устроено, изъ него всегда есть выходъ къ лучшему порядку, какъ бы оно тяжко ни связывало отдѣльныя лица, какъ бы ни поражало несправедливостью, — его совершенство зависитъ больше всего отъ дѣятельности самого человѣка. Надъ государствомъ преимущественно должно трудиться, чтобы идти впередъ. Упадокъ государства неизбѣжно влечетъ за собою упадокъ личности; улучшенія въ государствѣ сопровождаются ея возвышеніемъ. Если и наступитъ время, когда люди перестанутъ нуждаться въ государствѣ, они достигнутъ этого не иначе, какъ подъ его-же вліяніемъ, т. е. въ то время, когда оно сольется съ обществомъ и передастъ ему свои права, свою силу и свои рессурсы. Но отъ насъ такое время еще лежитъ далеко. Мы можемъ сказать теперь съ глубокимъ убѣжденіемъ, что

лучше жить въ несовершенномъ, неблагоустроенномъ государствѣ, чѣмъ вовсе безъ государства. — Отъ чего же, спросятъ нѣкоторые, придаемъ мы такую важность государству? Не видно ли здѣсь пристрастія къ любимому предмету? Публицисты вообще склонны къ политическимъ апоѳеозамъ. На это можно возразить слѣдующее. Все человѣческое несовершенно; приписывать государству одни достоинства и не признавать въ немъ недостатковъ никто не думаетъ. Его учрежденія въ данное время могутъ не отвѣчать самымъ справедливымъ требованіямъ гражданственности. Возвеличивать какую-нибудь форму политическаго устройства на счетъ другихъ, признать ее неподвижною, неизмѣнною, значитъ увлекаться. *Но иное дѣло* разсматривать *государство, какъ мѣстный и временный фактъ*, или произведеніе извѣстной эпохи; *иное дѣло* разсматривать его, *какъ явленіе всемірно-историческое, какъ законъ жизни и развитія.* Мы становимся именно на эту послѣднюю точку. Убѣжденіе, что государство до сихъ поръ принесло гораздо больше пользы, чѣмъ вреда человѣку, въ насъ непотрясаемо: человѣкъ выросъ, окрѣпъ и закалился на житейскую борьбу въ союзѣ съ подобными себѣ. Государство было съ одной стороны подвижнымъ, гибкимъ учрежденіемъ, а съ другой въ высшей степени производительнымъ, приноровлялось къ новымъ требованіямъ и условіямъ; его развитіе шло въ уровень съ успѣхами образованія. Устройство государствъ въ наше время сдѣлалось менѣе враждебнымъ свободѣ, чѣмъ оно было въ древности. Эта производительность и гибкость, уступчивость, способность къ совершенство-

ванію суть качества, которыя слѣдуетъ наиболѣе уважать въ человѣческихъ учрежденіяхъ. Государство, не имѣющее этихъ качествъ, закрѣпленное въ неподвижныя формы, стоящее на одной точкѣ, хотя бы оно отвѣчало народному характеру, не внушаетъ такого уваженія, какъ государство прогрессивное. Мысль, которую мы высказали, понять легко. Для того, чтобы быть безпристрастнымъ, вовсе не нужно слѣдовать правилу: nil admirari. Признать достоинство въ чемъ-нибудь — не значитъ еще сотворить себѣ кумиръ. То поклоненіе менѣе простительно, которое воздается недостаткамъ и порокамъ, тѣ жертвы особенно опасны, которыя приносятся грубой силѣ. Если нѣкоторые публицисты возвели государство въ апоѳеозу, то были и такіе люди, которые безусловно обожали природу и все, что въ ней происходитъ. Такое идолослуженіе не должно имѣть мѣста въ наукѣ; оно и въ жизни кажется теперь смѣшнымъ.

Не опасаясь упрековъ въ поклоненіи государству, разберемъ по крайней мѣрѣ, въ чемъ заключаются главныя выгоды, проистекающія изъ него непосредственно и притомъ замѣтныя уже при самомъ появленіи его на свѣтъ. Какой смыслъ имѣетъ въ исторіи основаніе государствъ? Намъ отвѣчаютъ на этотъ вопросъ общими фразами: «люди учреждаютъ правительство, когда въ немъ есть надобность, когда нужна защита отъ насилія, когда всѣмъ и каждому грозитъ опасность отъ враговъ». Если бы люди не имѣли въ виду ничего другаго, то государство мало бы отличалось отъ страховаго общества. Но ихъ мысли и заботы идутъ далѣе: они

не только хотять спасти себя отъ вѣрной погибели, но высказываютъ стремленіе постоянно жить вмѣстѣ. Основаніе государства есть вѣрный признакъ, что люди отказываются отъ дикости и естественнаго распаденія на чуждыя одна другой семьи и орды. Учрежденіе правительства есть первый актъ самосознанія общественнаго. Съ этой минуты разрозненныя племена сливаются въ одно цѣлое, составляютъ народъ или націю, пріобрѣтаютъ отечество, т. е. соединяютъ свою судьбу съ извѣстною землею. Еслибы потомъ они даже потеряли эту физическую опору, т. е. принуждены были оставить занятую однажды страну, связь между ними отъ этого не разрушается. Они могутъ переселиться, образовать колоніи и сохранить чувство единства. Признанная всѣми власть будетъ для нихъ органомъ неразрывной связи до тѣхъ поръ, пока ей повинуются. Отсюда заботы о преемственности власти. Въ нихъ тоже выражается мысль о поддержаніи народнаго единства. Нація такимъ образомъ получаетъ тѣло и духъ, необходимыя условія, или принадлежности жизни, становится собирательнымъ (юридическимъ) лицомъ, пріобрѣтаетъ способность обновляться нарожденіемъ новыхъ поколѣній. Это обновленіе идетъ своимъ чередомъ, какъ неизбѣжный законъ развитія, и дѣлаетъ возможными перемѣны въ обществѣ, не разрушая его состава. Одно поколѣніе передаетъ другому свой опытъ и свои свѣдѣнія; все добытое разъ сохраняется; каждый вѣкъ присоединяетъ къ наличному капиталу свои вклады и такимъ образомъ совершается послѣдовательно прогрессъ въ обществѣ. Такъ-какъ все земное

имѣетъ конецъ, то и народы не могутъ избѣжать его. Они существуютъ, пока хранятъ преданія и учрежденія, которыми поддерживается ихъ единство; съ разрушеніемъ государства гибнетъ и народъ, если ему не удалось соединиться съ другимъ или обстоятельства не заставили его подчиниться иноземной власти. Во всякомъ случаѣ, подъ чужимъ игомъ онъ перестаетъ принадлежать себѣ и теряетъ юридическую личность. У него, можетъ быть, останутся признаки племеннаго отличія, вѣра, языкъ, литература, памятники прошедшей жизни, но все это не замѣняетъ утраченной самостоятельности. Разрушеніе государства есть политическая смерть для народа.

Отсюда становится понятнымъ, какую роль играетъ государство въ судьбѣ народовъ. Трудно послѣ этого оспаривать значеніе, которое мы ему придавали. Безъ государства нѣтъ гражданственности, нѣтъ жизни, въ полномъ смыслѣ слова, человѣческой, т. е. спокойной и разумной, нѣтъ прочнаго общества. Самыя сильныя и самыя близкія по происхожденію племена внѣ политическаго союза раньше или позже исчезаютъ съ лица земли, не могутъ сохраниться. Волею — неволею люди до сихъ поръ чувствовали для себя необходимость создавать крѣпкіе политическіе союзы. Государство такимъ образомъ есть явленіе повсемѣстное, всемірно-историческое. Но такъ-какъ земля велика и народы не имѣли ни возможности, ни желанія соединиться въ одно общество, то составилось безчисленное множество государствъ. Жизнь каждаго изъ нихъ отмѣчена тѣми, или другими своеобразными чертами, каждое имѣло свое

устройство, свою судьбу, свои преданія и законы, достоинства и недостатки, сильныя и слабыя стороны. По этому можно изучать государства не только порознь, но сравнительно. Замѣтимъ также, что они имѣли большее взаимное вліяніе въ разныя времена, и, смотря по обстоятельствамъ, поддерживали или истребляли другъ друга. Каждое изъ нихъ любопытно для наблюдателя въ какомъ-нибудь отношеніи; ни одно не жило даромъ; всѣ извѣстныя государства оставили послѣ себя полезный урокъ или опытъ, хотя бы своими ошибками. Даже уродливыя государства достойны вниманія мыслящаго человѣка, подобно тому какъ въ природѣ уклоненія отъ обыкновенныхъ ея формъ возбуждаютъ интересъ натуралиста. Всякій наблюдатель долженъ имѣть въ виду не только правильныя явленія, но и аномаліи въ жизни. Изученіе послѣднихъ тоже не безполезно.

Возвращаясь снова къ задачѣ политическихъ наукъ, мы можемъ теперь опредѣлить ее точнѣе. Науки эти, какъ сказано, имѣютъ предметомъ отношенія между людьми въ государствѣ, другими словами: обнимаютъ всю жизнь правительствъ и народовъ въ ихъ тѣсномъ, неразрывномъ союзѣ. Отсюда не трудно понять, гдѣ начинается и оканчивается область политическаго изслѣдованія, гдѣ она соприкасается съ областью другихъ наукъ. Человѣка можно разсматривать съ разныхъ сторонъ. Его органическая, индивидуальная, естественная жизнь сама по себѣ весьма сложная и своеобразная, сравнительно съ жизнію другихъ животныхъ, составляетъ предметъ антропологіи. Эта обширная наука раздѣляется на нѣсколько частей, которыя хотя повидимо-

му составляютъ одно цѣлое, но до сихъ поръ были мало связаны между собою, именно: на физіологію, логику, психологію и этику. Изъ нихъ послѣдняя (о чемъ уже было замѣчено) особенно близко затрогиваетъ вопросы государственные, потому что содержитъ въ себѣ ученіе о человѣческихъ обязанностяхъ. Но при всемъ томъ, этику нельзя причислить къ политическимъ наукамъ: ея выводы направлены ближайшимъ образомъ къ объясненію внутреннихъ законовъ человѣческой природы, недосягаемыхъ для государства, лежащихъ, такъ сказать, внѣ его сферы уже потому, что личная свобода въ какой-нибудь степени, но непремѣнно обезпечена въ обществѣ. Правительство дѣйствуетъ на людей только мѣрами внѣшними, во имя требованій порядка и правды; нравственность не признается цѣлью государства: опытъ доказалъ, что оно безсильно разгадывать побужденія человѣка и предписывать или поддерживать законы добра, начертанные въ сознаніи и въ чувствахъ каждаго. Нравственныя обязанности не могутъ быть вынуждены, исторгнуты изъ воли и строго размѣрены въ жизни. Короче сказать, этика имѣетъ дѣло съ человѣкомъ; политическія науки — съ гражданиномъ.

Нѣтъ надобности распространяться болѣе объ этомъ предметѣ. Вопросъ объ отношеніи человѣка къ обществу въ послѣднее время рѣшенъ очень удовлетворительно Д. С. Миллемъ. Въ своемъ сочиненіи о свободѣ (1859), онъ постановилъ твердыя границы, до которыхъ можетъ простираться вмѣшательство или вліяніе народа на самоопредѣленіе и жизнь каждой личности. Достаточно сказать вообще, что политическія на-

уки обнимаютъ не всѣ человѣческія дѣйствія, а тѣ только, которыя имѣютъ вліяніе *на публичные интересы*. Къ этой послѣдней категоріи принадлежатъ, во первыхъ, дѣйствія правительства въ отношеніи къ подданнымъ или постороннимъ государствамъ, а во вторыхъ — дѣйствія членовъ политическаго союза въ отношеніи къ правительству и къ цѣлому гражданскому обществу или къ его частямъ.

Послѣ этого легко согласиться, что государственное устройство и управленіе служитъ главнымъ предметомъ политическихъ наукъ, что онѣ разсматриваютъ всѣ акты поставленныхъ въ обществѣ властей, законодательные, исполнительные и судебные. И такъ, юриспруденція есть отдѣльная вѣтвь науки о государствѣ. Право становится живымъ и реальнымъ только при содѣйствіи общественной власти, или подъ ея защитою. Нѣтъ народа, который бы издавалъ и примѣнялъ законы независимо отъ государства; нѣтъ ни одного правительства, которое бы отказалось отъ законодательныхъ функцій. Даже независимость судовъ понимается не въ томъ смыслѣ, что они могутъ творить расправу безъ вѣдома и наперекоръ власти верховной. Отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что смѣшеніе юриспруденціи съ политикою желательно и полезно. Онѣ могутъ и должны существовать независимо и какъ науки, и въ смыслѣ практическомъ. Иное дѣло говорить о правѣ; иное — объ интересахъ власти или о пользахъ общества. Въ союзѣ государственномъ, кромѣ права, люди достигаютъ многаго, напр. благосостоянія, богатства, просвѣщенія и проч. Право есть внѣшняя норма, опредѣляющая точ-

Государственная БИБЛИОТЕКА СССР

но и разумно отношенія между людьми; государство есть органъ гражданскаго общежитія. Задача юриста состоитъ въ томъ, что бы поддерживать духъ законности и правосудія въ обществѣ; задача публициста простирается далѣе. Его дѣло — указать на средства, которыми государство можетъ себя возвысить, укрѣпить и совершенствовать вмѣстѣ съ народомъ и къ пользѣ народа. Юристъ имѣетъ дѣло преимущественно съ закономъ дѣйствующимъ: онъ обязанъ уяснить смыслъ этого закона, и если законъ не отвѣчаетъ требованіямъ порядка или справедливости — показать его неудобства, настаивать на необходимости сдѣлать въ немъ исправленія или перемѣны. Публицистъ можетъ въ своихъ изслѣдованіяхъ или вовсе не касаться законовъ, или разсматривать ихъ съ другой точки зрѣнія. Народное просвѣщеніе, государственное хозяйство, матеріальный прогрессъ занимаютъ публициста въ высшей степени; юриста очень мало. Отдѣлить болѣе рѣзкими чертами ихъ области трудно, да и нѣтъ особенной надобности, потому что онѣ, какъ мы замѣтили, непремѣнно должны нѣкоторыми точками соприкасаться. Въ Европѣ нѣтъ ни одного развитаго государства, которое имѣло бы только юристовъ, или же только публицистовъ. Тѣ и другіе работаютъ совмѣстно, идутъ рука объ руку, своею дорогою. Но все же на практикѣ мы видимъ, у нѣкоторыхъ народовъ, преобладаніе юриспруденціи, а у нѣкоторыхъ — политики. Такъ въ самой колыбели человѣческаго образованія и гражданственности, въ Греціи, при широкомъ развитіи государственныхъ наукъ, юриспруденція почти не существовала; напро-

тивъ—у Римлянъ она разработывалась самостоятельно, отдѣльно и успѣшно. Римскіе юристы занимались исключительно правомъ и не занимались науками политическими. На нихъ больше всего виденъ оригинальный складъ ума, свойственный истиннымъ законовѣдцамъ. Они разбираютъ нормальныя условія человѣческихъ отношеній въ жизни, заботятся о томъ, чтобы опредѣлить эти условія математически, не принимая въ соображеніе государственныхъ интересовъ и переворотовъ, другими словами—*чтобы поддержать господство справедливости въ оборотѣ гражданскомъ*. Для нихъ природа собственности, контракта, залога служитъ единственною точкою опоры для того, чтобы устроить порядокъ, ввести въ практику начала, съ помощію которыхъ можно было бы рѣшать разногласія, устранить произволъ и насиліе во взаимной дѣятельности людей. Ихъ труды въ наукѣ имѣютъ, такъ сказать, судебный характеръ: они живой голосъ правды и ничего не ищутъ, кромѣ строгой законности. Они не выставляютъ себя администраторами, не толкуютъ о государственной экономіи, и вообще не могутъ быть названы публицистами. Съ другой стороны, есть много публицистовъ, которыхъ никто не назоветъ законовѣдцами. У нихъ складъ головы, такъ сказать, не юридическій. Возьмемъ въ примѣръ Макіавелли. Онъ считается справедливо великимъ двигателемъ политическихъ наукъ, но никому еще не приходило въ голову называть его истолкователемъ и поборникомъ права, или юристомъ. Если онъ толкуетъ о законахъ, то съ особенной точки зрѣнія. Ему нужны законы для цѣлей политическихъ. Въ его глазахъ, мо-

гущество и величіе государства — главное дѣло; онъ больше всего желаетъ успѣха правительству, а уже черезъ правительство думаетъ достигнуть другихъ гражданскихъ или общественныхъ цѣлей. Это различіе во взглядахъ между юристами и политиками можно наблюдать на каждомъ шагу. Еще Бэконъ замѣтилъ, что юристы разсматриваютъ государственные вопросы съ точки зрѣнія гражданскаго порядка. Отсюда ихъ положительное, консервативное направленіе. Твердость и ясность закона для нихъ главное дѣло. Въ этомъ, кажется, и не слѣдуетъ упрекать ихъ. Наука о правѣ, какъ всѣ науки, даетъ имъ извѣстный образъ мыслей. Публицисты нерѣдко впадаютъ въ противоположныя увлеченія: государственная или общественная польза для нихъ имѣетъ больше цѣны, нежели гражданская справедливость. Заботы о благѣ народномъ у нихъ перевѣшиваютъ другія соображенія. Отсюда происходятъ крайности, отъ которыхъ свободны только люди съ многосторонними взглядомъ и свѣдѣніями, люди, у которыхъ соединяется юридическое образованіе съ политическимъ. Это соединеніе до сихъ поръ встрѣчалось довольно рѣдко.

Какъ бы то ни было, если юриспруденція и политика, соприкасаясь въ нѣкоторыхъ точкахъ, имѣютъ отдѣльныя, независимыя области, то можно быть отличнымъ цивилистомъ и криминалистомъ, не имѣя обширныхъ свѣдѣній въ наукахъ государственныхъ, и наоборотъ: есть много дѣльныхъ публицистовъ, которые вовсе не занимаются гражданскимъ и уголовнымъ правомъ. Даже между писателями, которые разрабаты-

ваютъ право публичное, не трудно замѣтить оттѣнки и разныя методы, свойственные тѣмъ и другимъ наукамъ. Юристы излагаютъ право публичное въ духѣ легальномъ; публицисты — въ духѣ политическомъ; первые имѣютъ въ виду объясненіе и примѣненіе законовъ; вторые разсматриваютъ существующее устройство и возможныя въ немъ реформы съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ и народныхъ нуждъ.

IV.

Теперь, когда границы политическихъ наукъ отмѣрены и обозначены точнѣе, мы должны изслѣдовать внутреннюю ихъ область. Передъ нами стоятъ на очереди любопытные вопросы, именно: на чемъ основано и какъ произошло дѣленіе этой области? Другими словами: почему науки политическія у Грековъ представляли одну стройную систему, а теперь раздробились? Имѣютъ ли органическую связь между собою ихъ части? До какой степени на каждую изъ нихъ можно смотрѣть, какъ на вѣтвь одного дерева?

Чтобы рѣшить эти вопросы, нѣтъ надобности излагать исторію политическихъ наукъ. Допустимъ, что она въ нѣкоторой степени извѣстна! Здѣсь достаточно объяснить въ общихъ чертахъ, какимъ путемъ или поли-

тическіе мыслители и писатели, чтобы изслѣдовать природу и жизнь государства. Задача эта оказалась довольно сложною. Уже въ Греціи мы находимъ разныя понятія о политикѣ: одни смотрятъ на нее съ точки зрѣнія теоріи, у другихъ преобладаетъ практическій взглядъ. Когда греческое образованіе достигло полнаго блеска и развитія, политическіе матеріалы накопились уже въ огромномъ количествѣ; привести ихъ въ систему было очень трудно. Послѣ Платона и Аристотеля никто не былъ способенъ къ этому дѣлу. Еще менѣе заботились Римляне о систематикѣ знаній. У нихъ политика, какъ наука, нисколько не подвинулась впередъ: они занимались исключительно юриспруденціею. Сочиненія Цицерона (de republica, de officiis) не отличаются самостоятельностью: на нихъ отразилась греческая философія. Но государственнымъ опытомъ Римляне были богаче, нежели Греки, потому-что соединили цѣлый міръ подъ своимъ управленіемъ. Опытъ этотъ, правда, былъ сохраненъ историками и юристами для новыхъ народовъ; но Европа воспользовалась имъ не скоро, именно въ концѣ XV и въ началѣ XVI столѣтія. Въ этомъ отношеніи особенно велики заслуги Макіавелли и нѣкоторыхъ близкихъ къ нему по направленію публицистовъ. Благодаря изученію древности и т. наз. гуманизму, наука о государствѣ была спасена отъ забвенія и воскресла въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ мы ее находимъ у Платона, Аристотеля и Цицерона. Ихъ сочиненія легли краеугольнымъ камнемъ обширнаго зданія. Но уже въ половинѣ XVII вѣка, въ эпоху Гуго де Грота, увидѣли необходимость строить его по частямъ. Это раз-

дѣленіе шло послѣдовательно, систематически, особенно съ тѣхъ поръ, какъ философія обозначила твердыми границами область наукъ и указала методу для каждой изъ нихъ. Къ концу XVII столѣтія между политическими писателями образовались школы, изъ которыхъ каждая выбрала себѣ особенную дорогу и обратила вниманіе на одну какую-нибудь сторону жизни. Такая исключительность имѣла, правда, вредныя послѣдствія, доходила до уродливыхъ крайностей, но принесла нѣкоторую долю пользы. Раздѣленіе труда всегда облегчаетъ работниковъ, если только они не теряютъ изъ виду совмѣстной цѣли. Каждый, занимаясь однимъ предметомъ, достигаетъ значительнаго совершенства; добытые имъ результаты не утрачиваются и раньше или позже становятся общею собственностью. Синтезъ поддерживалъ между публицистами единство плана. Конечно немногимъ изъ нихъ удавалось обнять науку во всей ея широтѣ и глубинѣ, но эти немногіе появлялись почти среди каждаго поколѣнія. Ихъ справедливо считаютъ организаторами: они обозрѣвали разрозненныя части зданія, разрушали ненужныя пристройки, сохраняли гармонію цѣлаго и пропорціональность частей. Они были вмѣстѣ критиками и творцами; имъ передавался старый капиталъ, который они хранили и приращали. Такимъ образомъ добытыя вѣками истины сдѣлались достояніемъ нашего времени. Дѣленіе политическихъ наукъ между тѣмъ постоянно шло впередъ и мы еще не имѣемъ надежды на обратное ихъ движеніе къ единству.

При всей своей неточности, шаткости и условности

въ разныя эпохи, дѣленіе это кажется неизбѣжнымъ, если вспомнить, что горизонтъ политическаго наблюденія и размышленія безпрестанно расширяется. Оно произошло, во-первыхъ, отъ методы, которой держались разные писатели при изслѣдованіи государства, далѣе — отъ трудности отыскать общія начала, наконецъ и отъ того, что практика государственная, въ началѣ простая и однообразная, постепенно усложнялась. Въ ней обнаружились новыя явленія уже съ тѣхъ поръ, какъ наблюдатели могли изучать совмѣстно нѣсколько государствъ. Обширное зданіе политическихъ наукъ строилось естественно слѣдующимъ образомъ.

1. Первое дѣло политическаго писателя состоитъ въ томъ, чтобы наблюдать и объяснять факты дѣйствительной жизни. Безъ этой работы нельзя приступить къ рѣшенію научныхъ задачъ. Общія начала провозглашаются уже тогда, когда факты изучены и сравнены между собою. Найти въ нихъ сходство, аналогію, отдѣлить причины отъ послѣдствій не всегда легко. Уже самое изложеніе хода событій въ ихъ взаимной связи, на память будущимъ вѣкамъ, требуетъ опытности, безпристрастія и вѣрности глаза. Къ счастію, древность оставила намъ въ этомъ отношеніи не мало матеріаловъ. Статистическіе факты, правда, тогда почти не записывались, и слѣдовательно дошли до насъ случайно, въ жалкихъ отрывкахъ; но исторія была обработана въ совершенствѣ уже Греками. У самаго древняго историка, Геродота, мы находимъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о жизни первобытныхъ государствъ; свѣдѣнія, собранныя изъ вѣрныхъ

источниковъ, на мѣстѣ, среди путешествій. На Ѳукидида же можно смотрѣть какъ на величайшаго изъ политическихъ наблюдателей. Его сочиненіе есть умный и во всѣхъ отношеніяхъ образцовый разсказъ о событіяхъ временъ Перикла и Пелопоннезской войны. Сужденія Ѳукидида о вопросахъ государственныхъ глубоки и проницательны. Немногихъ изъ позднѣйшихъ писателей, кромѣ Тацита, можно сравнивать съ нимъ; превзойти его не удалось еще никому. Еслибы Ѳукидиды и Тациты являлись на свѣтѣ чаще, то политическія науки давно бы обогатились зрѣлымъ опытомъ. Къ сожалѣнію, прошедшее далеко не вполнѣ открыто намъ; нѣкоторыя его эпохи темны, почти непонятны; народы имѣли больше лѣтописцевъ и пристрастныхъ біографовъ, чѣмъ великихъ историковъ. Времена новыя, близкія къ нашему, извѣстны лучше. Общественная жизнь въ разныхъ ея видахъ особенно выяснилась съ тѣхъ поръ, какъ въ образованныхъ странахъ начали собирать статистическіе матеріалы. Эта тяжелая и хлопотливая работа необходима при обсужденіи разныхъ политическихъ вопросовъ. Чѣмъ полнѣе и достовѣрнѣе собранные факты о положеніи государствъ, тѣмъ тѣснѣе становится область гаданій и гипотезъ. Статистика есть неистощимый родникъ живаго опыта; она даетъ драгоцѣнное пособіе для повѣрки господствующихъ понятій и теорій, безъ нея трудно достигнуть достовѣрныхъ выводовъ на-счетъ успѣха или неудачи новыхъ законодательныхъ мѣръ и реформъ.

2. Опираясь на факты, добытые исторіею и статистикою, можно изучать политическій міръ и отдѣльныя

его части до подробностей. Во всякой наукѣ съ расширеніемъ горизонта для наблюденія и сравненія, человѣкъ естественно ищетъ для себя твердыхъ точекъ опоры и стремится разгадать причины однородныхъ явленій, или объяснить эти явленія дѣйствіемъ извѣстныхъ силъ и законовъ. Истина никому не открывается разомъ, всецѣло, къ ней идутъ мало-по-малу, длинною дорогою частныхъ изысканій. Ошибки здѣсь не только возможны, но неизбѣжны; успѣхъ зависитъ отъ прилагаемыхъ къ дѣлу способностей, отъ продолжительнаго, настойчиваго труда и отъ правильной методы. Извѣстно, съ какою пользою была приложена къ естествовѣдѣнію метода индуктивная. Науки политическія также отъ ней не мало выиграли [1]: подъ ея вліяніемъ выработанъ въ нихъ элементъ *положительный или описательный*. Область этого элемента въ настоящее время довольно обширна. Между тѣмъ какъ прежде почти всѣ явленія политической жизни объясняли игрою случая или капризами произвола, теперь подмѣчены нормальныя условія, нужныя для существованія и развитія государства. Публицисты убѣдились, что, при построеніи политическихъ союзовъ, всегда и непремѣнно дѣйствуютъ извѣстныя силы, т. е. выражаются настоятельныя потребности, которымъ люди стремятся удовлетворить посредствомъ законовъ и учрежденій. Одни изъ этихъ законовъ основаны на неизмѣнныхъ свойствахъ человѣческой природы; другіе предписы-

[1] Въ какой степени она прилагается къ наукамъ политическимъ см. Исторію полит. наукъ, гл. I.

ваетъ характеръ племенъ и внѣшній міръ или земля, на которой они поселены; наконецъ есть законы и учрежденія, на которые можно смотрѣть, какъ на чистый продуктъ умственнаго развитія и гражданственности. Могущество и упадокъ государствъ зависитъ наиболѣе отъ того, въ какой степени они способны приноровлять свои формы къ нуждамъ и выгодамъ обществъ. Политическое устройство у разныхъ народовъ не одинаково и у всѣхъ болѣе или менѣе подвижно, измѣнчиво.

Государства, какъ произведенія извѣстнаго времени и мѣста, могутъ быть раздѣлены на роды и виды; каждый изъ нихъ имѣетъ свою физіономію, свою оригинальность и свои признаки. Описаніе родовъ и видовъ, или *классификація государствъ*, есть задача, требующая времени и труда. Но ея рѣшеніе не удовлетворяетъ еще любознательности. Умъ человѣческій безпокоенъ, онъ идетъ дальше, стремится къ единству знанія, къ высшимъ началамъ, къ общимъ выводамъ. Государства, при всемъ ихъ наружномъ разнообразіи, по внутреннему существу сходны; у нихъ есть неизмѣнныя, постоянныя, неотъемлемыя функціи. Чтобы дѣйствовать, правительство требуетъ отъ народа повиновенія въ извѣстныхъ границахъ; чтобы жить спокойно, народъ старается обезпечить за собою свободу и права. Монархіи и республики, аристократіи и демократіи, деспотіи и теократіи, какъ бы далеко ни расходились между собою въ тенденціяхъ и частныхъ притязаніяхъ, опираются на одинъ принципъ власти и признаютъ что-нибудь для себя неприкосновеннымъ, или по край-

ней мѣрѣ чуждымъ. Другими словами: дѣятельность государства имѣетъ свой maximum и minimum, далѣе котораго она не простирается. Нѣтъ ни одного правительства, которое считало бы себя свободнымъ отъ всякой человѣческой обязанности и отъ тѣхъ или другихъ понятій, имѣющихъ опору въ народѣ. Темно или ясно, инстинктивно или сознательно, но непремѣнно оно преслѣдуетъ цѣль общественную, а не одинъ только частныя цѣли. Иначе оно перестаетъ быть правительствомъ. То-же самое нужно сказать объ отдѣльныхъ, или спеціальныхъ учрежденіяхъ; сходство между ними еще болѣе замѣтно. Возьмемъ, напр., судъ. Задача суда у всѣхъ народовъ — одна и та-же, хотя формы его болѣе или менѣе развиты и совершенны. Отъ-чего же происходитъ сходство въ устройствѣ суда? Отъ-того, что потребность гражданскаго правосудія чувствуется вездѣ. Судъ — учрежденіе необходимое для мира и порядка, а слѣд. — общечеловѣческое.

Не будемъ продолжать. Важность положительныхъ и сравнительно-описательныхъ изслѣдованій въ политическихъ наукахъ очевидна. Мы говорили въ другомъ мѣстѣ, какъ отсюда добываются твердыя начала [1].

3. Но на этомъ публицистъ не останавливается. Онъ произноситъ свои приговоры надъ правительствами и народами, судитъ о годности, или негодности учрежденій и даже всего государственнаго устройства, силится понять, чего требуетъ общественное благо не только въ данный моментъ, но всегда, постоянно, вездѣ. Спра-

[1] См. Исторію политическихъ наукъ, гл. I.

нивается: имѣетъ ли умъ нашъ столько силы, чтобы объявить себя законодателемъ политическаго міра? Если не имѣетъ, то можетъ имѣть, смотря по успѣхамъ знанія. Многіе сомнѣваются въ этомъ и конечно не безъ причинъ, по крайней мѣрѣ въ нынѣшнее время. Науки государственныя не считаются науками точными; онѣ не достигли законченности въ своемъ развитіи и далеки еще отъ совершенства. Въ нихъ универсальный элементъ выработался слабо; а за-то много гипотезъ, много недоказанныхъ, гадательныхъ, шаткихъ положеній. Но спрашивается: въ какихъ наукахъ открыта безусловная истина? На это говорятъ обыкновенно: въ математикѣ. Можетъ быть. Но и математика совершенствуется, идетъ впередъ, исправляетъ свои ошибки. Нужно замѣтить, далѣе, что она имѣетъ дѣло съ величинами отвлеченными. Напротивъ, наука о государствѣ работаетъ надъ явленіями дѣйствительными, область ея неизмѣрима, и безпрестанно расширяется. Мы видимъ, что процессъ образованія государствъ и народностей еще не завершился; новые факты, новыя политическія комбинаціи безпрестанно происходятъ на землѣ. Нужно ли на этомъ основаніи отчаяться въ наукѣ, запретить ей судить о прошедшемъ и настоящемъ, такъ-какъ она не знаетъ будущаго? Міровые законы, ею провозглашаемые, выведены, какъ результатъ жизни. Подразумѣвается, что они должны имѣть силу только для существующихъ, а не для воображаемыхъ обществъ. Большая часть такъ наз. отвлеченныхъ выводовъ въ политикѣ собственно основана на изученіи человѣческой природы въ той мѣрѣ, въ какой она до сихъ поръ бы-

ла понята. Чтобы судить о потребностяхъ общества, нужно начать съ потребностей человѣка. Конечно, одно метафизическое направленіе при этомъ неудовлетворительно. Но даже отвлеченныя истины могутъ быть повѣрены опытомъ. Что же касается до стремленія разгадывать человѣческую природу, оно увлекаетъ не однихъ политиковъ и юристовъ. Развѣ медицина не стремится съ своей точки зрѣнія къ тому-же? Достигла ли она вполнѣ цѣли? Неужели всѣ болѣзни человѣческаго тѣла разгаданы и вылечиваются съ успѣхомъ? Я уже не говорю о душевныхъ болѣзняхъ, которыя почти необъяснены. Болѣзни общественныя, нужно согласиться, гораздо труднѣе распознавать; причины ихъ также сложны и запутаны, можетъ быть еще сложнѣе; здѣсь рѣчь идетъ не объ одномъ человѣкѣ, а о цѣломъ народѣ. Конечно, смѣшно предлагать панацею для какихъ бы то ни было болѣзней, но въ эти средства никакая наука не учитъ вѣрить. Политическіе мыслители, по крайней мѣрѣ въ наше время, не требуютъ, чтобы всѣ государства были устроены одинаково; даже въ старину такія требованія высказывались рѣдко, немногими писателями. Но науку нельзя вообще обвинять въ томъ, за что отвѣчаютъ собственно люди, партіи и ученыя школы. Въ политикѣ, какъ и въ религіи, какъ и въ жизни вообще, фанатизмъ, увлеченія, страсти и предразсудки играютъ извѣстную роль. Этимъ нисколько не доказывается безсиліе науки; самыя ея несовершенства зависятъ отъ законовъ, по которымъ она развивается. Публицисты, если взять во вниманіе всю ихъ массу, менѣе увлекались и увлекаются отвлеченностями, чѣмъ

объ нихъ думаютъ. Истины, добытыя такимъ путемъ, были раньше или позже подтверждены или отвергнуты опытомъ и практикою. Претензіи и ошибки публицистовъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, состоятъ далѣе въ томъ, что они самонадѣянны, нетерпѣливы, спѣшатъ общими заключеніями .Едвали слѣдуетъ признать и этотъ упрекъ заслуженнымъ. *Политическія науки*, по ихъ назначенію, по природѣ предмета, *не могутъ быть чисто-описательными науками*, какъ зоологія, или ботаника. Натуралистъ не стремится измѣнять устройства природы; онъ довольствуется объясненіемъ ея силъ и явленій. Но публицистъ имѣетъ дѣло съ учрежденіями человѣческими, измѣнчивыми и подвижными, описаніе служитъ ему только средствомъ; главная цѣль, которую онъ долженъ имѣть въ виду, есть исправленіе недостатковъ въ государствѣ, указаніе обществу пути къ лучшему. Иначе труды публициста полезны только на-половину. Отсюда—необходимость умозрѣнія въ наукахъ политическихъ. Допустивъ однажды умозрѣніе, мы не имѣемъ права ограничить его предѣлами времени и мѣста. Оно будетъ расширяться и обниметъ раньше или позже цѣлый міръ.

И такъ, умозрительный элементъ въ наукахъ политическихъ есть необходимый, законный результатъ ихъ развитія. Что онъ вырабатывается медленно, это понятно. Что одни отвлеченныя изысканія сами по себѣ недостаточны, это естественно. Но освѣщенное опытомъ умозрѣніе приноситъ несомнѣнно самые лучшіе плоды наукѣ: одинъ опытъ, одно наблюденіе, безъ руководящей мысли, даютъ только частные результаты.

Смѣлые выводы въ политическихъ наукахъ нерѣдко оказывались справедливыми. Рабство было осуждено мыслителями гораздо раньше, нежели люди поняли вредъ его на практикѣ. Свобода политическая и гражданская была сознана сначала какъ требованіе ума. Нормальное устройство отношеній человѣческихъ было опредѣлено такъ наз. естественнымъ правомъ, и притомъ задолго до того времени, пока объ немъ начали думать въ европейскихъ государствахъ; словомъ, почти всѣ политическія пріобрѣтенія нашего времени были долго «*идеальными благами*».

Все, что говорится, особенно у насъ въ Россіи, объ отвлеченномъ направленіи въ политическихъ и юридическихъ наукахъ, отзывается реакціею противъ Гегелевой философіи и успѣхами такъ наз. матеріализма. Этотъ потокъ пройдетъ. Даже теперь, когда онъ въ полной силѣ, люди не отвыкли отъ умозрѣній о благѣ общественномъ и никогда не отвыкнутъ, хотя будутъ расходиться въ средствахъ его достигнуть и часто гоняться за нимъ безуспѣшно. Въ политикѣ идеализмъ неизбѣженъ до нѣкоторой степени и съ этимъ волею и неволею приходится мириться. Какъ-бы мы ни желали, чтобы человѣкъ искалъ однихъ *реальныхъ* благъ въ государствахъ, для него слова — справедливость и свобода не потеряютъ своего очарованія и загадочнаго смысла. Онъ не удовлетворится практическимъ устройствомъ общества и будетъ искать лучшаго, несуществующаго, можетъ быть и недостижимаго. Съ этими стремленіями онъ легче уживается, постояннѣе идетъ впередъ, чѣмъ безъ идеаловъ. Если выраженія — справедливость

и свобода кажутся Россійскому прогрессисту нелѣпыми; если ихъ удобнѣе замѣнить *равновѣсіемъ выгодъ общественныхъ*, отъ этого науки политическія не много выиграютъ. Равновѣсіе выгодъ общественныхъ все-таки выраженіе темное и неопредѣленное. Дѣло не въ словахъ, а въ томъ, что въ обществѣ, кромѣ матеріи и силы видимой, есть интересы невидимые и неосязательные, и однако-же очень важные. Тѣ, которые толкуютъ о реализмѣ тамъ, гдѣ опытъ невозможенъ и не удовлетворяетъ людей, или гдѣ его результатовъ приходится ждать долго, а время не терпитъ, гдѣ нужна смѣлая мысль, гдѣ иногда лучше ошибиться нѣсколько разъ, чѣмъ слѣдовать рутинѣ и оставить зло нетронутымъ,— менѣе достигаютъ реальной пользы, чѣмъ идеалисты. Крайности не ведутъ ни къ чему. Лучшее направленіе политическихъ наукъ есть направленіе соединительное, всестороннее. Нужно, чтобы умозрѣніе умѣрялось опытомъ, чтобы опытъ возбуждалъ мысль, а мысль переходила въ дѣло. А это направленіе мы можемъ замѣтить теперь у всѣхъ лучшихъ писателей. Къ ужасу крайнихъ прогрессистовъ, даже Д. С. Миллъ провозглашаетъ иногда отвлеченныя истины, хотя всѣ увѣрены, что онъ далекъ отъ идеализма. Желательно видѣть побольше такихъ людей и поменьше безплодныхъ резонеровъ и теоретиковъ, хотя бы они называли себя самыми модными и популярными именами. Ничто такъ не вредитъ наукѣ, какъ исключительность; ничто такъ не подвигаетъ ее впередъ, какъ свобода ума и безпристрастіе въ сужденіяхъ. Всякая неподвижная и нетерпимая доктрина, будетъ ли она имѣть отвлечен-

ный или узко-практическій характеръ, непремѣнно путаетъ людей, т. е. не даетъ имъ обнять міръ съ разныхъ сторонъ, заставляетъ ихъ натягивать факты и доводитъ до близорукости. Въ этомъ столько-же погрѣшили нынѣшніе матеріалисты, сколько старые идеалисты.

Признавая необходимость умозрительнаго элемента въ политическихъ наукахъ, мы должны однако-же опредѣлить границы, до которыхъ онъ теперь простирается. Въ какой степени результаты, добытые этимъ путемъ, заслуживаютъ названія *вѣчныхъ или безусловныхъ истинъ*, мы уже говорили. Въ человѣкѣ есть способность измѣняться, стремленіе идти впередъ; та-же сила подвигаетъ общество и государство. Умъ дѣйствуетъ во времени и пространствѣ. То, что вѣрно относительно одного народа, не прилагается къ другому. *Политическій міръ однообразенъ на-столько, на-сколько однообразно человѣчество и въ такой-же степени способенъ совершенствоваться.* Если же всякая измѣнчивость и подвижность неуловима, тогда нужно отчаяться въ успѣхахъ не однѣхъ политическихъ, но и другихъ наукъ, тогда нужно изучать только тѣ явленія природы, которыя постоянно, или періодически, но неизмѣнно повторяются. Такимъ образомъ придется болѣе и болѣе стѣснять область знанія и человѣческую мысль. Это приведетъ, разумѣется, къ обскурантизму. Гораздо безопаснѣе идти другою дорогою и смѣло промѣнять безвыходное невѣжество на случайное и временное заблужденіе. Если дѣятельность человѣка непостоянна, то и наука подвижна: новыя явленія въ жизни раньше или

позже могутъ быть поняты и взвѣшены: къ нимъ иногда съ успѣхомъ прилагаются старыя истины. Короче сказать: умъ способенъ открывать законы и силы какъ среди застоя, такъ и среди переворотовъ. Чего же бояться? Если исторія, какъ говоритъ пословица, не повторяется, мы все-таки видимъ въ ней правильность и послѣдовательность. Въ событіяхъ общественныхъ и человѣческихъ не меньше смысла, чѣмъ въ жизни растеній и насѣкомыхъ. Только сфера здѣсь обширнѣе и не совсѣмъ измѣрена. Потому-то и слѣдуетъ ее измѣрять и охватывать постепенно.

Мы остановились на умозрительномъ элементѣ въ политическихъ наукахъ, такъ-какъ теперь въ модѣ на Руси оспаривать его значеніе. Къ сожалѣнію, толковать объ этомъ безполезно, если люди подъ именемъ умозрѣнія разумѣютъ отвлеченность и подъ именемъ философіи — нѣмецкую философію (ученіе Гегеля). При шаткости нашихъ понятій и впечатлительности натуръ, при нашей страсти все преувеличивать, мы способны приходить къ самымъ противоположнымъ крайностямъ очень быстро. Нѣсколько лѣтъ назадъ у насъ боготворили умъ и не хотѣли признать никакихъ другихъ способностей въ человѣкѣ; поклоненіе духу было тогда въ полномъ разгарѣ; теперь обожаніе перешло къ матеріи и силѣ. Долго ли мы будемъ творить себѣ кумиры, сказать трудно. Пусть этотъ безконечный и безтолковый процессъ объясняетъ, кто хочетъ. Лучше говорить съ людьми непредубѣжденными, у которыхъ здравый смыслъ не тропутъ модными теоріями.

Чтобы умозрѣніе въ политическихъ наукахъ приносило

дѣйствительную пользу, нужно, чтобы оно работало постоянно и не ослабѣвало ни на минуту. Такъ-какъ предметомъ этихъ наукъ служитъ жизнь человѣка въ государствѣ, которая идетъ впередъ, то нужно слѣдить за новыми общественными фактами и свѣрять съ ними добытыя прежде мысли и убѣжденія. Такое сопоставленіе непремѣнно приводитъ къ сознанію сдѣланныхъ ошибокъ и къ построенію болѣе точныхъ и здравыхъ истинъ. Какъ бы ни казалась безконечною непрерывная работа, о которой мы говоримъ, она будетъ удовлетворять любознательности и приноситъ плоды.

4. Кромѣ опыта и умозрѣнія, въ наукахъ, о которыхъ мы говоримъ, видное мѣсто занимаетъ *элементъ практическій*. Что именно сюда относится, едва-ли нужно объяснять. Всѣ изысканія публицистовъ направлены къ тому, чтобы усовершать жизнь въ государствѣ. Но публицисты большею частію не имѣютъ способовъ дѣйствовать на народъ непосредственно, силою власти и оффиціальнаго положенія. Ученая дѣятельность обыкновенно поглощаетъ человѣка, беретъ у него почти все время и лучшія силы, даже дѣлаетъ его неспособнымъ къ участію въ ежедневной жизни гражданскихъ обществъ. Здѣсь нужны люди особеннаго рода, закаленные и приготовленные къ борьбѣ, одаренные сметливостію, тактомъ, самообладаніемъ и другими практическими качествами. Наука о государствѣ неизбѣжно отдѣляется отъ государственнаго искусства почти у всѣхъ народовъ. На это не слѣдуетъ жаловаться: такъ должно быть по естественному порядку вещей. Философы на тропѣ и ученые въ министерствахъ и палатахъ

рѣдко бываютъ на своемъ мѣстѣ. Господство и управленіе этихъ людей оказывалось неудобнымъ и не принесло той пользы, какой отъ него ожидали. Любовь къ наукѣ и способность къ власти рѣдко совмѣщаются въ одномъ человѣкѣ. Конечно, исключеніе нужно сдѣлать для всесторонннихъ натуръ. Но по правилу публицисты вносятъ на политическую арену чуждыя ей привычки и наклонности. Критика и полемика занимаетъ ихъ тогда, когда нужно дѣйствовать. Выслушивать ихъ полезно, даже должно, но управлять народами литераторы и ученые вообще не призваны. Это не мѣшаетъ однако-же законному вліянію науки на искусство и на практическую жизнь. Наука предлагаетъ политикамъ и администраторамъ извѣстныя начала въ руководство, даетъ имъ совѣты и указанія, оставляя ихъ примѣненіе къ отдѣльнымъ случаямъ въ рукахъ правительства. Съ своей стороны, политики и администраторы вносятъ новые вклады въ науку жизненнымъ опытомъ. Если они люди безпристрастные и просвѣщенные, чего, разумѣется, нужно желать (потому-что, говоря о сравнительной неспособности ученыхъ спеціалистовъ въ государственной дѣятельности, мы не думаемъ доказывать, что къ ней способны невѣжды),— то ихъ взглядъ часто пріобрѣтаетъ болѣе вѣса и значенія въ наукѣ, чѣмъ сужденія публициста, опытнаго лишь въ дѣлѣ литературномъ.

V.

Теперь ясно, что для наукъ политическихъ можно и должно трудиться разными способами. Чѣмъ больше тружениковъ, чѣмъ шире дѣятельность на этомъ полѣ, тѣмъ лучше оно обработано. Нѣтъ никакого основанія думать, что при раздѣленіи работы потеряна будетъ изъ виду общая связь и общая цѣль между ревнителями знанія. Руководящіе умы являются, когда въ нихъ есть нужда. Не всѣ люди ко всему способны; даже не всѣ имѣютъ одинъ складъ головы. Тѣмъ лучше. Наука отсюда выигрываетъ. Въ ней каждому находится мѣсто и дѣло; она даетъ пріютъ и людямъ отвлеченнаго направленія и реалистамъ, философамъ и наблюдателямъ, изслѣдователямъ [1] и критикамъ, двигателямъ и распространителямъ истины. Если мы замѣчаемъ въ наукахъ политическихъ успѣхи, этимъ онѣ обязаны раздѣленію труда. Оно доходило иногда до микроскопическихъ размѣровъ, казалось мелочнымъ, смѣшнымъ, произвело односторонникъ людей, и между тѣмъ принесло огромную пользу, заставило вникнуть въ подробности, исчерпать дѣятельность государства во всѣхъ ея видахъ. Немногимъ удалось обнять, или измѣрить обширную массу добытыхъ результатовъ, но многимъ — освѣтить ту или другую сторону знанія. Нѣкоторые, напр., разработывали, по видимому, спеціально, исторію, изучали событія,

[1] Forscher, какъ говорятъ Нѣмцы.

совершившіяся у извѣстнаго народа и однакоже принесли пользу только этими изысканіями *всѣмъ* государственнымъ наукамъ. Другіе были чистыми практиками, и между тѣмъ оставили сочиненія, изъ которыхъ были выведены научныя истины. Но большею частію, волею или неволею, лучшіе публицисты, безъ различія школъ, соединяли въ своихъ изслѣдованіяхъ о государствѣ всѣ элементы, о которыхъ мы говорили, т. е. фактическій, описательный, умозрительный и практическій. Нѣтъ ни одного политическаго мыслителя, который бы не становился раньше или позже политическимъ наблюдателемъ; нѣтъ ни одного великаго наблюдателя, который бы хоть къ концу жизни не становился мыслителемъ. Наука о государствѣ и жизнь дѣйствительная, постоянно хотя и незамѣтно, имѣли вліяніе одна на другую; опытъ обогащался знаніемъ, знаніе искало опоры въ опытѣ.

Раздѣленіе политическихъ наукъ, какъ мы замѣтили, зависѣло наконецъ отъ того, что задача государства, по мѣрѣ успѣховъ просвѣщенія, становилась сложнѣе. Въ началѣ его функціи были просты, какъ первобытная жизнь народовъ. Правительство было устроено грубо и незатѣйливо, опиралось на силу; объ искусственныхъ комбинаціяхъ противъ безпорядка, объ огражденіи свободы барьерами, о юридическихъ границахъ административнаго вмѣшательства, о равновѣсіи властей и т. п. никто не думалъ. Всѣ эти явленія возникли позже. Половина XVII вѣка есть эпоха многознаменательная и особенно плодотворная для наукъ политическихъ; она произвела, или ускорила переломъ въ поня-

тіяхъ и стремленіяхъ народовъ. Съ Вестфальскаго мира выяснился характеръ новоевропейскаго государства и представительнаго правленія, пріобрѣли правительственное значеніе вопросы международные, выработалась и внѣшняя политика, какъ особое искусство; въ XVIII ст. поднялись вопросы экономическіе, въ XIX—общественные. По мѣрѣ того, какъ придѣлывались новыя колеса къ государственной машинѣ, каждая часть ея требовала особеннаго ухода и спеціальнаго изученія, публицистамъ прибавлялась работа. Едва они успѣли одолѣть массу матеріаловъ, которая накопилась въ средніе вѣка, и возсоздать науку въ томъ видѣ, въ какомъ она была передана Европѣ изъ Греціи и Рима,—какъ открыты были обширныя, новыя области знанія. Міръ отношеній международныхъ былъ мало извѣстенъ древнимъ, они наблюдали его слабо, отрывочно, вскользь; государства были тогда сосредоточены въ самихъ себѣ, чуждались связей; народы враждовали между собою. Экономическое развитіе древнихъ обществъ также имѣло односторонній, почти уродливый характеръ. Насиліе и грабежъ заступали мѣсто свободнаго обмѣна; рабство господствовало вездѣ, вольный трудъ не пользовался уваженіемъ. Понятно, что древняя наука не давала удовлетворительнаго отвѣта на вопросы международные и экономическіе. Еще менѣе была изслѣдована Греками и Римлянами природа отношеній общественныхъ. Здѣсь все нужно было строить съизнова. Итакъ, публицистамъ оставалось изучать каждую вѣтвь государственной и народной дѣятельности порознь, т. е. раздѣлить области знанія между собою.

Гуго де Гротъ не безъ основанія признается руководителемъ европейскихъ публицистовъ. Онъ въ послѣдній разъ свелъ въ одинъ фокусъ преданія древней мудрости и обозначилъ исходныя точки раздѣленія наукъ. Въ его сочиненіи содержатся начала общаго государственнаго и международнаго права. Они, конечно, смѣшаны и перепутаны съ естественнымъ правомъ, но это смѣшеніе было въ послѣдствіи устранено. Вообще, съ половины XVII вѣка публицисты подчинились вліянію философіи, которая освѣтила имъ дальнѣйшій путь и связала ихъ изысканія единствомъ мысли. Подъ ея вліяніемъ установилась классификація наукъ государственныхъ. Она, конечно, была больше всего нужна для преподаванія, для школы. Уже въ XVIII вѣкѣ университетское обученіе въ Голландіи и Германіи получило стройность и новый видъ. Юристы вышли изъ оковъ римскаго и каноническаго права; къ концу столѣтія была приведена въ систему политическая экономія и статистика. Наше время еще болѣе благопріятствовало систематикѣ и округленности знанія. Кое-гдѣ возникли историко-политическія академіи и учреждены были административные и камеральные факультеты. Въ XIX стол. мы можемъ представить, если невполнѣ законченное, то болѣе точное раздѣленіе наукъ государственныхъ. Оно принято особенно въ Германіи, въ странѣ методологіи и догматики. Не придавая особенной важности спорамъ и толкамъ нѣмецкихъ ученыхъ о точномъ названіи и границахъ каждой науки, мы можемъ однако воспользоваться для себя нѣкоторыми ихъ замѣчаніями въ педагогическомъ отношеніи. Конечно рѣз-

кая, строго-логическая классификація предметовъ человѣческаго знанія едва-ли достижима. Близкія по содержанію науки всегда сходятся и перекрещиваются между собою. Медицина и естествовѣдѣніе не имѣютъ въ этомъ отношеніи никакого преимущества передъ юриспруденціею и науками политическими. Главная задача въ томъ, чтобы классификація была полна, т. е. обнимала бы цѣлый міръ однородныхъ явленій, и чтобы въ ней можно было ясно различать науки по составу, или содержанію, и по методѣ. Съ этой стороны дѣленіе, о которомъ мы говоримъ, судя по современнымъ требованіямъ, представляется довольно отчетливымъ. Оно исчерпываетъ жизнь политическую почти во всѣхъ ея видахъ и оттѣнкахъ. Впрочемъ, пусть каждый судитъ объ немъ свободно. Наша обязанность, между прочимъ, указать — гдѣ расходятся публицисты насчетъ характера и задачи одной или другой науки [1].

Въ главѣ политическихъ наукъ ставили прежде общее или *философское государственное право*, и разумѣли подъ ними систему юридическихъ началъ, основанныхъ на разумѣ, которыми будто-бы опредѣляется внѣшнее устройство и жизнь государства. Нужно замѣтить, что это названіе выбрано было не совсѣмъ удачно. Оно не соотвѣтствовало ни свойству предмета, ни характеру предпринятыхъ публицистами изысканій. Государство не есть что-нибудь отвлеченное, но реальное,

---

[1] О раздѣленіи политическихъ наукъ писано было много, особенно въ Германіи. Въ послѣднее время этотъ предметъ снова затронутъ въ энциклопедіяхъ Бюлау (1856) и Моля (1859).

внѣшнее и притомъ всемірное учрежденіе. Оно, конечно, создается человѣкомъ, но отсюда не слѣдуетъ, чтобы при его основаніи умственная сила человѣка была вполнѣ развита, чтобы, подчиняясь власти, онъ руководился глубокимъ сознаніемъ правъ и обязанностей. Государство есть скорѣе порожденіе настоятельныхъ потребностей, чѣмъ какой-нибудь теоріи. Надъ нимъ вначалѣ работаетъ народный инстинктъ, разумъ только совершенствуетъ, подвигаетъ впередъ государство по мѣрѣ развитія гражданственности. Замѣчательно, что основатель этой науки—Гоббезъ не думалъ придать ей такое значеніе, какое она получила въ послѣдствіи, подъ вліяніемъ нѣмецкой философіи. И онъ, и Спиноза, и другіе публицисты XVII вѣка видѣли въ государствѣ силу, а не право, какъ преобладающій элементъ. Въ самомъ дѣлѣ, власть въ первобытныхъ обществахъ, какъ мы замѣтили, была устроена грубо, дѣйствовала рѣзко и не хотѣла подчиниться никакимъ законамъ, кромѣ законовъ самосохраненія и благоразумія. Если мы будемъ поэтому изучать природу и цѣль государства съ точки зрѣнія отвлеченной справедливости, мы упустимъ въ немъ изъ виду другія, практическія стороны и примемъ во вниманіе именно ту, которая развивается постепенно, съ теченіемъ времени, а въ началѣ едва замѣтна. Какъ ни желательно было бы находить въ государствахъ всегда и вездѣ только образъ разума и справедливости, но на дѣлѣ бываетъ не такъ. Къ чему же, спрашивается, вносить безъ нужды наши понятія и требованія, хотя бы весьма законныя съ точки зрѣнія философіи, въ ту область, которую прежде всего

нужно освѣтить фактами, изученіемъ жизни, какъ она есть? Не лучше ли поставить на зёмлѣ фундаментъ науки, чѣмъ строить ее на отвлеченныхъ идеяхъ? Современные публицисты поступаютъ проще и гораздо вѣрнѣе: философскому государственному праву они не придаютъ ни особенной цѣны, ни даже научной самостоятельности. Они убѣдились, что государства могутъ имѣть разнообразное устройство и между тѣмъ отвѣчать требованіямъ обществъ въ данное время, что эпоха, когда всѣ правительства будутъ составлены по одному образцу и одинаково дѣйствовать, очень далека, другими словами, что юридическій критеріумъ для всѣхъ народовъ не найденъ и что всемірно-разумное государственное право есть утопія. Напротивъ, *общее ученіе о государствѣ* можно построить уже при нынѣшнемъ состояніи науки. Лучшій путь къ этому есть наблюденіе жизни, сравненіе историческихъ фактовъ. Нужно изучать міръ дѣйствительный и останавливаться въ немъ на повсемѣстныхъ явленіяхъ. Государство вездѣ имѣетъ, такъ сказать, одну природу, одну задачу и цѣль, пользуется и дѣйствуетъ одними органами, выбираетъ тѣ, а не другія средства. Какъ бы ни были устроены правительства, отношенія ихъ къ народу опредѣлить можно довольно ясно и твердо, безъ различія мѣста и времени. Далѣе, процессъ государственнаго развитія имѣетъ свои законы. Въ самыхъ модификаціяхъ или измѣненіяхъ формъ правленія замѣчается сходство, послѣдовательность и правильность. Дѣло публициста состоитъ въ томъ, чтобы уловить, подмѣтить эти общія черты и вмѣстѣ объяснить причины

однообразія, разгадать силы, дѣйствующія при построеніи и организаціи государствъ. Наука, о которой мы говоримъ, можетъ быть названа, какъ предлагаетъ Корн. Льюисъ, описательною политикою, или политическою физіологіею, или наконецъ, какъ хотятъ нѣмецкіе писатели, общимъ ученіемъ о государствѣ (Allgemeine Staatslehre). Въ нее необходимо также внести основныя понятія объ устройствѣ всѣхъ другихъ человѣческихъ союзовъ или обществъ, и объяснить, чѣмъ они отличаются отъ государства. Что касается до юридическихъ отношеній верховной власти къ народу, они могутъ быть опредѣлены здѣсь на-столько, на-сколько не зависятъ отъ времени и мѣста, и устанавливаются однообразно, силою обстоятельствъ и по указанію самой природы. Впрочемъ, нѣтъ надобности ставить твердыя границы этой науки: онѣ опредѣляются свойствомъ предмета и количествомъ добытыхъ матеріаловъ. Было бы полезно съ основнымъ ученіемъ о государствѣ соединять общее обозрѣніе главныхъ его формъ въ ихъ послѣдовательномъ или преемственномъ развитіи. Здѣсь можно замѣтить нѣсколько отдѣльныхъ группъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ свою естественную и притомъ совершенно оригинальную физіономію. Именно: теократіи, патріархіи, деспотіи, государства классическія, патримоніальныя, или феодальныя, и новоевропейскія отличаются между собою въ исторіи рѣзкими чертами, опредѣленными признаками. Уловить ихъ не трудно посредствомъ индуктивной методы. И такъ, наука, о которой мы говоримъ, можетъ быть приведена въ строй-

ное цѣлое и опираться на твердыя, реальныя основы [1].

На общее ученіе о государствѣ должно смотрѣть, какъ на политическую пропедевтику, или какъ на систему приготовительныхъ свѣдѣній, необходимыхъ для публициста. Прочія науки имѣютъ болѣе опредѣленный характеръ. Каждая изъ нихъ обнимаетъ съ извѣстной точки зрѣнія всю жизнь государства и разсматриваетъ ее до подробностей. При этомъ большею частью преслѣдуется положительная цѣль, т. е. политическія явленія изучаются во времени и пространствѣ. Публицисты, напр., беруть во вниманіе одно или нѣсколько государствъ, сходныхъ между собою, стоящихъ на одинакой ступени развитія. Только при этихъ условіяхъ можно достигнуть твердыхъ началъ и найдти опору для умозрѣній. Политическое міросозерцаніе неизбѣжно ограничивается предѣлами гражданственности. Высшія аксіомы вообще добываются съ трудомъ; напротивъ, аксі-

---

[1] Нѣмецкіе писатели только въ послѣднее время начали сознавать несостоятельность такъ наз. философскаго государственнаго права. «Подъ этимъ именемъ, говоритъ Бюлау (Encyclopädie § 5) намъ предлагали обыкновенно eine Philosophie des positiven Staatsrechts oder das Fragment einer Zeitpolitik». Моль, къ сожалѣнію, держится стараго взгляда. У него философское государственное право играетъ загадочную роль. Онъ думаетъ, напр., что устройство теократіи, деспотіи и пр. можетъ быть обсуживаемо по началамъ разума, а потому кромѣ общаго государственнаго права излагаетъ еще особенное. Очевидно, почтенный публицистъ разумѣетъ здѣсь подъ именемъ философскаго государственнаго права философію исторіи. Иначе нельзя объяснить этого страннаго смѣшенія.

омы средніи имѣютъ практическій смыслъ: на нихъ собственно устроена жизнь. Хотя умъ нашъ не находитъ полнаго удовлетворенія въ условныхъ и временныхъ истинахъ, но что дѣлать? Всѣ знанія наши ограничены и несовершенны. Стремясь впередъ, мы имѣемъ право однако же считать знаніемъ тѣ результаты опыта и мысли, съ помощію которыхъ мы въ силахъ объяснить явленія настоящаго, понять прошедшее и въ нѣкоторой степени предъусматривать будущее. Политическія науки, не приближаясь къ математикѣ по точности, заслуживаютъ по крайней мѣрѣ названіе достовѣрныхъ, руководящихъ, практическихъ наукъ. Въ нынѣшнемъ составѣ, ихъ удобно раздѣлить слѣдующимъ образомъ.

I. Жизнь государства можно разсматривать въ послѣдовательномъ ея развитіи, или въ современномъ состояніи, какъ рядъ фактовъ, безъ всякой другой цѣли, кромѣ изученія дѣйствительности. Въ этомъ состоитъ задача исторіи и статистики. Онѣ впрочемъ не могутъ быть причислены къ наукамъ чисто политическимъ: ихъ сфера обширнѣе, онѣ обнимаютъ всѣ явленія, всѣ отрасли общественной и человѣческой дѣятельности на землѣ. Далѣе, въ нихъ не содержится собственно никакого ученія о государствѣ. Историкъ, по словамъ Корн. Льюиза, есть біографъ народный; его искусство самостоятельно, ему нужно больше всего заботиться о томъ, чтобы разгадать смыслъ и опредѣлить характеръ событій; онъ не долженъ резонировать на заданныя темы, предлагать дидактическое ученіе, доказывать поль-

зу или вредъ извѣстной формы правленія [1]. Почти тоже слѣдуетъ замѣтить о статистикѣ: она не имѣетъ другой задачи, кромѣ оцѣнки извѣстныхъ совершающихся фактовъ. Конечно, въ обѣихъ наукахъ открыты законы общественной жизни, но законы эти нельзя считать государственными: они объясняютъ намъ только естественный процессъ народнаго развитія. Нѣкоторые изъ нихъ нужно отнести къ разряду законовъ физическихъ, другіе основаны на изученіи умственныхъ и нравственныхъ силъ человѣка [2]. Что свѣдѣнія въ исторіи и статистикѣ важны и необходимы для публицыста, объ этомъ уже было говорено: не понимая дѣйствительнаго міра, трудно пускаться въ политическія разсужденія. Но такъ-какъ, съ другой стороны, науки, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, неизмѣримы, то всего удобнѣе будетъ приноровить ихъ ближайшимъ образомъ къ цѣли государства. *Политическая* исторія, административная, судебная и финансовая статистика давно уже разработываются отдѣльно отъ исторіи религіи,

---

[1] On methods of observation I, ch. VII, p. 314 — 315. Леонъ де Клоссе говоритъ почти то-же: quelque soit l'utilité que en rejaillisse pour la morale, la politique ou la religion, l'histoire ne doit pourtant se mettre au service de la religion, ni de la politique, ni de la philosophie. Elle constitue à elle seule une science distincte qui a aussi son instruction à répandre, mais d'une façon qui lui est propre. « Essai sur l'historiographie des Romains », p. 185.

[2] Въ послѣднее время, какъ извѣстно, многіе трудились надъ построеніемъ историческихъ и статистическихъ законовъ. Результаты того, что сдѣлано, сведены у Бокля въ его « Introduction to the history of civlization in England », I, ch. I — IV.

просвѣщенія, искусства, отъ статистики земледѣлія, торговли и пр. У Нѣмцевъ первая извѣстна подъ именемъ: Staats- und Rechtsgeschichte; вторая — подъ именемъ: Staatskunde; обѣ науки занимаютъ въ юридическихъ факультетахъ почетное мѣсто. Въ такомъ видѣ онѣ могутъ быть названы науками политическими, должны войдти въ кругъ государствовѣдѣнія, какъ интегральная часть его.

II. Каждое государство представляетъ совокупность учрежденій, тѣсно связанныхъ между собою и направленныхъ къ извѣстной цѣли. Эти учрежденія дѣйствуютъ правильно, въ опредѣленной сферѣ, основаны на законахъ, исходятъ, какъ вѣтви дерева, отъ одного корня. Корень всѣхъ учрежденій въ государствѣ есть власть верховная; они относятся къ ней, какъ органы; къ народу, какъ ея представители, или уполномоченные. Отношенія правительства къ подданнымъ *не вездѣ* совершенно *одинаковы*, *по вездѣ* опредѣлены, или *устроены*. Каждое государство стремится къ порядку, повелѣваетъ, требуетъ повиновенія; каждый гражданинъ, самымъ вступленіемъ въ политическій союзъ, отказывается отъ произвола и независимости при внѣшнихъ спорахъ и столкновеніяхъ и подчиняется требованіямъ верховной власти и ея органовъ; границы, до которыхъ она вмѣшивается въ дѣла подданныхъ, установлены точно, т. е. такимъ образомъ, что онѣ всегда извѣстны и не подлежатъ сомнѣнію. Другими словами, внѣшняго порядка въ обществѣ нельзя иначе достигнуть, какъ съ помощію законовъ. Слѣдовательно, жизнь каждаго государства можно разсматривать съ юридической точки зрѣ-

нія. Ея стройность, спокойствіе и невозмутимый ходъ зависитъ именно отъ того, что въ ней свобода всѣхъ членовъ союза предъусмотрѣна, опредѣлена; имѣетъ какую-нибудь твердую опору, т. е. основана на признанныхъ правахъ и обязанностяхъ. Наука, предметомъ которой служатъ законы политическаго общества, носитъ названіе публичнаго, или государственнаго права. Она дѣлится на двѣ части: въ одной полагается устройство, въ другой управленіе государствъ. Разницу между устройствомъ и управленіемъ понять нетрудно. Когда мы говоримъ объ устройствѣ, мы имѣемъ въ виду только организацію верховной власти и непосредственныя ея отношенія къ подданнымъ. Напротивъ, управленіе или администрація относится къ дѣятельности органовъ правительства или властей подчиненныхъ. Обѣ эти части неизбѣжно дополняютъ одна другую и, слѣдовательно, образуютъ вмѣстѣ одну науку.

Государственное право можно изучать въ послѣдовательномъ его развитіи, или въ современномъ состояніи у извѣстнаго народа, или же сравнительно, принимая въ соображеніе политическій бытъ нѣсколькихъ народовъ. Какъ бы то ни было, наука эта не исчерпываетъ всей жизни государства: она обнимаетъ только *юридическія отношенія правительства къ своему народу* и къ разнымъ его слоямъ, или классамъ. Но на землѣ есть много государствъ, и между ними неизбѣжно возникаютъ и развиваются *взаимныя* отношенія, или существуетъ внѣшняя связь. Эта связь въ настоящее время сдѣлалась постоянною и крѣпкою: просвѣщенное человѣчество основало союзъ международный. Онъ построенъ

также на извѣстныхъ юридическихъ началахъ, которыя если не имѣютъ авторитета всемірно-законодательныхъ постановленій, то, по крайней мѣрѣ, могутъ быть защищаемы общими силами государствъ. Именно: подчинившись разъ извѣстному порядку во взаимныхъ отношеніяхъ, правительства и народы принуждены отъ времени до времени соединяться противъ нарушителей этого порядка. Понятно, что наука, въ которой объясняется устройство самаго обширнаго и свободнаго изъ человѣческихъ союзовъ, должна быть отдѣлена отъ права государственнаго. Она извѣстна подъ именемъ права международнаго. Обѣ эти науки можно назвать юридико-политическими по ихъ содержанію и характеру. И та и другая имѣетъ предметомъ *человѣческіе законы*; и въ той и въ другой главный элементъ есть *право*, или порядокъ общественной жизни. Юристы и публицисты трудились надъ обѣими науками совмѣстно: первые, если можно такъ выразиться, въ консервативномъ, вторые въ прогрессивномъ духѣ. Мы уже замѣтили, въ чемъ они естественно расходились между собою. Для юриста всего важнѣе понять существующіе законы и опредѣлить, въ какой степени они отвѣчаютъ требованіямъ справедливости. Публицистъ идетъ далѣе; онъ долженъ имѣть въ виду общее благо, или пользу государствъ и народовъ, изыскивать средства къ лучшему устройству человѣческихъ отношеній, указывать путь и время къ реформамъ. И право государственное, и право международное способно измѣняться и совершенствоваться при благопріятныхъ обстоятельствахъ; неподвижность какъ въ томъ, такъ и въ другомъ не-

льзя допустить безъ вреда для человѣчества. Задача публициста состоитъ именно въ томъ, чтобы предупредить застой въ правѣ и указать на новые вопросы, требующіе рѣшенія и пересмотра дѣйствующихъ или принятыхъ законовъ.

III. Въ наукахъ, о которыхъ только-что шла рѣчь, преобладаетъ юридическій элементъ. Въ нихъ государство является *учрежденіемъ, основаннымъ на законахъ и дѣйствующимъ по закону*. Но соглашаясь, что право должно служить высшею опорою власти, что цѣль государства есть порядокъ общественный, нужно однакоже допустить, что дѣятельность власти представляетъ другую сторону. Каждое живое существо заботится о самосохраненіи и преслѣдуетъ личный интересъ. Правительство состоитъ изъ людей и, слѣдовательно, не можетъ отказаться вовсе отъ естественныхъ, человѣческихъ стремленій. Благоразуміе и польза для него не пустыя слова. Начало—fiat justitia, pereat mundus, неприложимо и разрушительно на практикѣ. Главная задача верховной власти состоитъ въ томъ, чтобы всегда и неизмѣнно, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, избирать не только лучшую, но и самую безопасную для себя дорогу, находить не только законные и справедливые, но и самые удобные способы къ рѣшенію общественныхъ вопросовъ. Это великое искусство согласовать въ государствѣ благо народовъ съ интересами власти издавна называется политикою. Ему всегда приписывали волшебную и даже опасную силу. Есть люди, которые до сихъ поръ произносятъ слово «политика» съ какимъ-то страхомъ. И въ самомъ дѣлѣ, трудно осво-

бодиться отъ этихъ предразсудковъ, если вспомнить, въ чемъ прежде заключалась политическая мудрость. Основной ея законъ — укрѣпленіе правительства во что бы то ни стало — подрывалъ общее спокойствіе, справедливость и довѣріе народовъ къ государству. Предписанія этого закона были неумолимы и съ трудомъ уступали требованіямъ христіанства и гражданственности. Но такъ-какъ теперь, по крайней мѣрѣ въ Европѣ, времена насильственнаго построенія государствъ прошли, самовластіе обуздано, подданнымъ даны права и обезпечена свобода, то и характеръ политики измѣнился. Даже на практикѣ ея предписанія потеряли свою всепобѣждающую силу. Враждебное человѣческой природѣ искусство оказалось неудобнымъ для самихъ правительствъ. Лишившись довѣрія народа, они теряли власть надъ нимъ и нерѣдко губили государство. И въ теоріи политика понята лучше. Прежде, напр. во времена Макіавелли и іезуитовъ, на нее смотрѣли, какъ на высшую, почти единственную науку правленія. Ею занимались только посвященные, или избранные; она учила, когда и какъ употреблять ядъ и кинжалъ. Теперь въ ней нѣтъ ничего таинственнаго или ужаснаго; она сдѣлалась доступною не только для публицистовъ, но въ нѣкоторой степени и для народа. Политика въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова вовсе не противорѣчитъ другимъ государственнымъ наукамъ, но служитъ къ нимъ необходимымъ дополненіемъ. Въ ней разсматриваются средства и силы государства, орудія, которыми оно можетъ и должно дѣйствовать для защиты общества и на пользу народа. Она объясняетъ: какъ пра-

вительству удобнѣе распоряжаться своими законными рессурсами, какіе способы управленія вѣрнѣе и надежнѣе, какимъ образомъ поддерживать миръ и гармонію, основать порядокъ и обезпечить правильное развитіе государства. Въ этомъ смыслѣ политика, внутренняя и внѣшняя, находится въ тѣсной связи съ государственнымъ и международнымъ правомъ. Впрочемъ, если нѣкоторые писатели разработываютъ ее отдѣльно, это очень естественно. Государственная практика въ настоящее время заслуживаетъ внимательнаго, спеціальнаго изученія. Въ ней есть стороны, на которыя нельзя смотрѣть исключительно съ юридической точки зрѣнія, есть учрежденія, въ которыхъ элементъ *политическій* преобладаетъ. Еще Спиноза замѣтилъ, что управлять по закону и управлять наилучшимъ образомъ не одно и то-же. Различіе, на которое онъ указываетъ, въ самомъ дѣлѣ бросается въ глаза, если присмотрѣться къ дѣйствительной жизни. Отъ государства зависитъ не только порядокъ въ обществѣ, но въ значительной степени также могущество, спокойствіе, богатство и просвѣщеніе народовъ. Правительство сосредоточиваетъ въ себѣ физическія и нравственныя силы. Оно должно дѣйствовать и тѣми и другими по мѣрѣ надобности. Ему часто принадлежитъ свобода въ выборѣ средствъ и орудій. Пользоваться ею съ успѣхомъ значитъ властвовать искусно, разумно, наилучшимъ образомъ; люди геніальные конечно не учатся этому искусству, но они являются рѣдко. На нихъ разсчитывать во всякое время нельзя. Впрочемъ и политическій геній можетъ повредить обществу, если идетъ наудачу, не зная нуждъ

и положенія народа, не разбирая средствъ къ дѣятельности, не обуздывая себя благоразуміемъ. Нѣкоторые думаютъ, что политика есть здравый смыслъ, которому нельзя научиться. Но съ однимъ здравымъ смысломъ безъ знанія не много можно сдѣлать въ государствѣ. Политическое искусство поддерживается преданіемъ и усовершается творчествомъ. Преданіе нужно почерпать изъ исторіи, творчество есть собственно умѣнье разгадать характеръ народа, помочь его страданіямъ, воспользоваться его достоинствами, ослабить вліяніе его недостатковъ и пороковъ при улучшеніи общественнаго быта. Политика, какъ наука, произошла не въ школахъ, но въ жизни и у каждаго народа сложилась изъ опыта государственныхъ дѣятелей. Они начертали первыя для ней правила и предостереженія. У Англичанъ до сихъ поръ политику понимаютъ въ этомъ смыслѣ и учатся ей по примѣру отцевъ, вникая въ мысли, наблюдая жизнь и подвиги великихъ людей. Систематическое построеніе политики мы находимъ у Нѣмцевъ. Она имѣетъ здѣсь обширную литературу и распалась на отдѣльныя науки. Нѣкоторыя изъ нихъ излагаются вмѣстѣ съ государственнымъ и международнымъ правомъ, напр. политика законодательная, судебная, административная и дипломатія; другія входятъ въ общественную экономію, или по крайней мѣрѣ почерпаютъ изъ ней главное содержаніе. Сюда относится политика промышленная или народно-хозяйственная (Volkswirthschaftspolitik). Наконецъ, наука о полиціи, о финансахъ и политика военная почти вездѣ разработаны отдѣльно, хотя въ нѣкоторой степени съ характеромъ

юридическимъ. Но уже прежде замѣчено, что въ этихъ наукахъ рѣчь идетъ не столько о *правѣ*, сколько о *пользѣ* и *благѣ*. Полицейская, военная и финансовая система государствъ вездѣ отличается подвижностью. Средства, которыми она поддерживается, конечно, должны быть законны. Общественная справедливость требуетъ, чтобы подати и повинности были распредѣлены между гражданами равномѣрно, чтобы ихъ свобода не была стѣснена болѣе, чѣмъ того требуетъ народная безопасность, чтобы жалобы каждаго на излишнія притѣсненія со стороны военной, полицейской и финансовой администраціи были выслушаны и разобраны безпристрастно. Но, если правительство съ этой стороны безукоризненно, — во всемъ остальномъ оно свободно поступитъ какъ ему удобнѣе, смотря по указанію обстоятельствъ. Подробности военнаго, полицейскаго и финансоваго устройства опредѣляются не законами, а уставами и временными политическими мѣрами. — Говоря объ отдѣльныхъ отрасляхъ политики, нужно упомянуть еще о наукѣ, которую въ послѣднее время съ успѣхомъ разрабатываютъ Англичане и которая, по всей вѣроятности, будетъ имѣть значеніе не для нихъ одних. Это — политика колоніальная. Подъ нею можно разумѣть систему свѣдѣній и опытовъ, относящихся къ управленію вновь открытыми и заселяемыми землями, а также подчиненными или зависимыми народами (Government of dependencies).

Съ перваго взгляда кажется, что, изъ всѣхъ государственныхъ наукъ, политика, какъ наука по преимуществу практическая, наименѣе способна дать общія на-

чала и точки опоры. Въ ней все условно, подвижно, измѣнчиво. Но если присмотрѣться ближе къ ея содержанію, если изучать ее сравнительно, она можетъ привести къ основательнымъ результатамъ и серьезнымъ умозрѣніямъ. Есть много чисто политическихъ вопросовъ, которые рѣшаются однообразно, по крайней мѣрѣ у народовъ близкихъ по происхожденію, по мѣсту жительства и по характеру гражданственности. Европа, напр., представляетъ удивительное сходство не только въ направленіи, но въ самыхъ пріемахъ политики. Здѣсь сравненіе и аналогія возможны почти на каждомъ шагу. Не говоря о взаимномъ вліяніи между европейскими государствами, которое издавна было значительно и теперь сдѣлалось постояннымъ, неотразимымъ,—мы замѣчаемъ, что у нихъ политическія задачи были нерѣдко тѣ-же и являлись преемственно, одна за другою, въ извѣстномъ порядкѣ. Это объясняется послѣдовательностью историческихъ событій, и разными внутренними причинами. Государства европейскія имѣютъ, такъ сказать, общую физіономію. Они устроились подъ вліяніемъ племенъ, сходныхъ по характеру, по образу мыслей, по обычаямъ и религіи. Правительства въ Европѣ въ нѣкоторой степени имѣли передъ собою одну задачу, или цѣль, и одни средства. Въ исторіи трехъ послѣднихъ столѣтій мы можемъ наблюдать, что каждая эпоха поднимаетъ извѣстные политическіе вопросы на всемъ пространствѣ христіанскаго міра. Всего замѣчательнѣе для насъ то, что они, par la force des choses, рѣшаются *одинаково*. Короче сказать, политика, такъ-же какъ и государственное право, вырабатываетъ отъ вре-

мени до времени *реальные образцы*, которымъ всѣ народы добровольно или нехотя подражаютъ.

Обозрѣвая содержаніе политическихъ наукъ, мы приходимъ къ убѣжденію, что онѣ исчерпываютъ жизнь государства если не вполнѣ, то по крайней мѣрѣ насколько она раскрыта опытомъ и разумомъ, на-сколько въ ней можно замѣтить дѣйствіе силъ и законовъ [1].

---

[1] Моль думаетъ не такъ. Ему кажется, что въ наукахъ политическихъ есть важный пробѣлъ, что государство можно разсматривать еще съ точки зрѣнія нравственности. Требованія ученаго публициста кажутся намъ не совсѣмъ ясными. Чего хочетъ онъ,— въ самомъ дѣлѣ, понять трудно. Если онъ думаетъ, что государство, какъ учрежденіе человѣческое, свободное и разумное, подчинено общему нравственному закону, что уваженіе къ этому закону желательно видѣть не только въ народахъ, но и въ правительствахъ,— противъ этого трудно спорить. Какъ бы ни думали практики, политическая мораль не есть пустая фраза: она имѣетъ смыслъ. Сознаніе долга въ членахъ общества дастъ крѣпкую опору учрежденіямъ и раждаетъ тѣсную связь между властителями и подданными. Государство, основанное на безнравственныхъ началахъ, нельзя назвать государствомъ; оно похоже на шайку пиратовъ или на дикую орду. Многія правительства повелѣваютъ и требуютъ повиновенія отъ гражданъ не только по закону, но и по совѣсти. Все это не доказываетъ однако, что *политической морали* можно придать авторитетъ, или сдѣлать ее предметомъ науки. Государство есть учрежденіе *внѣшнее;* міръ внутреннихъ чувствъ и побужденій есть чуждый ему міръ. Отъ государства мы въ правѣ требовать только того, что оно въ силахъ дать. Оно вполнѣ достигаетъ своей цѣли, если признаетъ закономъ общественную справедливость и содѣйствуетъ народному прогрессу. Мы говоримъ о любви, благодарности и пр. въ отношеніяхъ правительства, къ народу, и на-оборотъ, только метафорически. Видимыхъ, оффиціальныхъ, дѣятельныхъ органовъ политической нравственности нѣтъ и быть не можетъ. Объ ихъ учрежденіи заботились безуспѣшно и со вредомъ для народа патріархіи и теократіи. Сожалѣя о бѣдности европейской

Теперь намъ нужно взвѣсить главные результаты, добытые совокупными трудами публицистовъ, другими словами: показать, хоть въ общихъ чертахъ, современное состояніе политическихъ наукъ въ Европѣ. Здѣсь трудно имѣть притязаніе на полноту и меткость. Достаточно, если съ помощію этихъ бѣглыхъ замѣтокъ, русская публика удостовѣрится, въ какомъ положеніи находятся отдѣльныя отрасли знанія, гдѣ виденъ успѣхъ, а гдѣ, напротивъ, есть пробѣлы, упущенія и недостатки [1]. Потомъ легче будетъ судить, что именно сдѣлано каждымъ народомъ Европы для политическаго просвѣ-

---

литературы по этому предмету, Моль замѣчаетъ, что нужно было бы точнѣе опредѣлить отношеніе нравственности къ политикѣ. Сколько извѣстно, многіе публицисты, даже Платонъ и Аристотель, коснулись вопроса, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь. Въ наше время онъ также не забытъ. Еще недавно, между прочимъ, Бодрильяръ писалъ des rapports de la morale et de l'economie politique. Но во всякомъ случаѣ книгу эту нельзя назвать сочиненіемъ объ экономической нравственности, какъ объ отдѣльной наукѣ. *Мораль политическую въ такомъ смыслѣ еще менѣе удобно и полезно разрабатывать.* Публицисты, опровергая начала Макіавелли, или доказывая несостоятельность крутыхъ и насильственныхъ мѣръ, уже этимъ самимъ устраняютъ противорѣчія между старыми преданіями политики и законами нравственности. Можно надѣяться, что образованіе и смягченіе нравовъ само собою приведетъ болѣе и болѣе дѣятельность государствъ въ согласіе съ законами человѣколюбія, милосердія и пр. Наука политической нравственности здѣсь не поможетъ дѣлу и будетъ пяткою, безспльною наукою.

[1] Канва для нашего очерка заимствована у Моля (Geschichte, 1, 40—53). Мы не стѣсняемся однако же тѣми его взглядами, которыхъ не раздѣляемъ. Подробности можно найти у него-же въ «Энциклопедіи» (1859) и въ монографіяхъ, недавно изданныхъ (Staatsrecht, Völkerrecht und Politik. 2 B-de, 1860, 61.).

щенія, какою дорогою шли Англичане, Французы, Нѣмцы и проч. при обработкѣ той или другой изъ государственныхъ наукъ [1].

VI.

Начнемъ съ общаго ученія о государствѣ. Надъ этою наукою преимущественно трудились мыслители. Она возникла еще въ Греціи, развивается болѣе двухъ тысячъ лѣтъ и до сихъ поръ не приведена къ окончательнымъ результатамъ. Ни въ одной отрасли политическаго знанія не находимъ мы такого разногласія во мнѣніяхъ. Объяснить это нетрудно: понятія о государствѣ должны были измѣняться въ теченіи вѣковъ и подъ вліяніемъ гражданственности. Но если присмотрѣться къ литературѣ предмета, то можно замѣтить, не смотря на уклоненія въ частностяхъ, три главныя школы публицистовъ. Каждая изъ нихъ высказываетъ политическія убѣжденія, которымъ слѣдовало человѣче-

---

[1] Объ этомъ авторъ намѣренъ напечатать современемъ еще нѣсколько статей и соединить ихъ въ небольшую книгу. Она составитъ послѣдній отдѣлъ энциклопедическаго сочиненія о наукахъ государственныхъ, первая часть котораго вышла въ 1859, а вторая предлагается теперь.

ство на извѣстныхъ ступеняхъ своего развитія. Именно: школа античная, во главѣ которой стоитъ основатель науки и представитель классической философіи Платонъ, смотритъ на государство, какъ на всеобъемлющій организмъ, въ которомъ теряются и даже вовсе исчезаютъ отдѣльныя личности. Этотъ взглядъ какъ нельзя болѣе согласуется съ требованіями и условіями древней жизни: первобытное устройство обществъ непремѣнно должно имѣть крѣпкое основаніе; чтобы покорить человѣка, чтобы обуздать его дикія наклонности, верховная власть, при учрежденіи политическаго союза, требуетъ чрезвычайныхъ средствъ и полнаго господства. По видимому, это ученіе должно было исчезнуть вмѣстѣ съ Греками и Римлянами, но, къ удивленію, оно разработано далѣе публицистами среднихъ вѣковъ, что объясняется, какъ мы говорили [1], возрожденіемъ древней науки. Во всякомъ случаѣ, эти отголоски запоздалыхъ идей не нашли опоры ни въ христіанской религіи, ни въ характерѣ и сознаніи европейскихъ народовъ, ни въ новой философіи, а потому остались безъ послѣдствій. Естественнымъ явленіемъ среднихъ вѣковъ была другая теорія; она родилась изъ господствовавшихъ тогда понятій о всемірно-христіанскомъ государствѣ. То, чему учила западная церковь, во что вѣрилъ католическій міръ, — должно было выразиться въ наукѣ. Сочиненій подобнаго рода не много; впрочемъ, не смотря на свой утопическій характеръ, они полны содержанія, отъ нихъ до сихъ поръ еще вѣетъ духомъ религіи и поэ-

[1] См. Исторію полит. наукъ, гл. 1 и 2.

зіи. Публицисты среднихъ вѣковъ раздѣляются на двѣ партіи, смотря по тому, какой власти отдаютъ преимущество — духовной или свѣтской. Нѣтъ нужды говорить о томъ, что ихъ теорія отжила уже свое время. Напрасно старается воскресить ее французско-австрійская богословская школа, напрасно даровитый Шталь думалъ связать средневѣковыя начала съ протестантизмомъ; всѣ эти попытки, какъ замѣчено прежде [1], неудачны. Гораздо болѣе распространена теперь юридическая теорія государства, построенная на чисто разсудочныхъ понятіяхъ, и на признаніи личной свободы. Она явилась, подъ вліяніемъ реформаціи, въ Голландіи и Англіи, была развита лучшими публицистами прошлаго вѣка и, съ нѣкоторыми уклоненіями или оттѣнками, вошла въ сознаніе и въ самую жизнь западно-европейскихъ народовъ. Практическимъ результатомъ ея служитъ конституціонная форма правленія. Мы говорили уже, что новая школа подвергла критикѣ эту теорію и замѣтила въ ней нѣкоторые недостатки. Во всякомъ случаѣ, основной взглядъ на государство, какъ на юридическое учрежденіе по преимуществу, остается господствующимъ; раскрытіе идеи общества не только не повредило, но дало опору принятому ученію; мы имѣемъ полное право ожидать, что оно будетъ уяснено и подвинуто далѣе соціологами. Современное положеніе этой науки Моль характеризуетъ въ слѣдующихъ словахъ. «Политическо-философская литтература представляетъ въ цѣлости значительную массу, въ которой найдется много хоро-

[1] См. 4 гл. Исторіи политическихъ наукъ.

ныхъ и нѣсколько превосходныхъ сочиненій. При пользованіи ими, какъ для ученыхъ цѣлей, такъ и для практики, конечно, надобно быть осмотрительнымъ; строгая историческая критика здѣсь необходима. Притомъ же дѣло науки, о которой идетъ рѣчь, нельзя считать оконченнымъ; едва ли когда-нибудь наступитъ для ней время застоя (Sättigungspunct), потому что гражданственность безпрестанно вызываетъ новыя явленія и цѣли въ жизни, а слѣдовательно — новыя требованія къ правительству. Такимъ образомъ взгляды на государство должны непремѣнно отъ времени до времени измѣняться. Можно сказать смѣло, что эта наука будетъ постоянно идти въ уровень съ развитіемъ человѣчества, какъ это было до сихъ поръ».

Должно замѣтить еще, что философско-политическая литература состоитъ не изъ одинхъ серьезныхъ, сціентифическихъ изслѣдованій: въ ней есть особенный отдѣлъ, на который прежде обращали мало вниманія, — утопіи, или, какъ называетъ ихъ Моль, Staatsromane. Писателей подобнаго рода очень много; цеховая наука смотрѣла на нихъ съ презрѣніемъ, но, говоря безпристрастно, между ними попадаются люди талантливые. Самаго Платона можно причислить къ школѣ политиковъ-идеалистовъ: онъ первый начерталъ образецъ совершеннѣйшаго государства; по его слѣдамъ пошли другіе энтузіасты, недовольные существующимъ порядкомъ. Разсматривая содержаніе болѣе или менѣе несбыточныхъ проектовъ, представленныхъ этою школою, мы находимъ, что она, при всѣхъ своихъ странностяхъ, имѣетъ если не положительное, то отрицательное зна-

ченіе. Принадлежащихъ къ ней публицистовъ можно раздѣлить на два разряда: одни вращаются въ области чистаго вымысла, нѣкоторые, напротивъ, не выходятъ изъ міра дѣйствительнаго, а только идеализируютъ извѣстную форму правленія. Тѣ и другіе не разборчивы на реформы, и предлагаютъ или слишкомъ слабыя, ненадежныя или, на оборотъ, слишкомъ рѣзкія, отчаянныя, даже возмутительныя мѣры; но у нихъ есть и свои неоспоримыя достоинства: они сильны въ критикѣ, говорятъ человѣчеству, не стѣсняясь, горькія истины и указываютъ смѣло на больныя стороны общественнаго быта. Сочиненія подобнаго рода, подъ причудливою и фантастическою формою, скрываютъ иногда богатое и любопытное содержаніе; многія изъ нихъ имѣли успѣхъ и принесли пользу; нѣкоторыя написаны великими публицистами. Было время, когда къ этой формѣ прибѣгали, чтобы безнаказанно осмѣять и выставить на позоръ пороки дворовъ и народовъ («Персидскія письма» Монтескье). Разумѣется, планы и надежды на счетъ возможности совершеннѣйшаго государства оставались не выполненными въ практикѣ, но въ основаніи ихъ лежитъ обыкновенно гуманная идея. Всѣ политическіе мечтатели отличаются человѣколюбивыми помыслами, заботятся о счастіи народовъ, желаютъ добра низшему классу. Объ нихъ можно сказать то-же, что объ ученыхъ, которые занимались астрологіею, или отысканіемъ философскаго камня: прямой цѣли они не достигли, но трудъ ихъ не потерянъ: игра воображенія не помѣшала имъ напасть на дорогу къ истинѣ, сдѣлать открытія и подвинуть знаніе; рисуемыя ими картины

могутъ казаться дикими, даже нелѣпыми, но среди безобразія въ цѣлости представляютъ нѣсколько вѣрныхъ типовъ и удачныхъ красокъ. «На идеалистовъ, говоритъ практикъ Корнвалль Льюизъ, нельзя смотрѣть, какъ на безумныхъ: безъ идеала нѣтъ прогресса; идеалъ столько-же необходимъ въ политикѣ, сколько въ искусствѣ, стремленіе къ лучшему врождено человѣку; прежде нежели предпринимается извѣстная реформа, надобно понять, чего не достаетъ намъ въ жизни». Въ этомъ собственно состоитъ призваніе такъ называемыхъ «мечтателей»; они, по счастливому выраженію Ламартина, видятъ истину издалека. Только мелкія и грязныя натуры могутъ презирать людей, подобныхъ Платону и С. Пьеру, за ихъ возвышенныя фантазіи: какъ бы онѣ далеки ни были отъ дѣйствительности, онѣ не заслуживаютъ строгаго суда современниковъ и осмѣянія толпы. Допустимъ даже, что pia desideria политическихъ идеалистовъ безплодны; во всякомъ случаѣ онѣ не такъ вредны, какъ то положительное направленіе, которое, вмѣсто порицанія человѣческихъ несправедливостей и глупостей, приводитъ ихъ въ систему, дѣлаетъ достояніемъ науки и выдаетъ за философію. Въ эту худшую крайность, къ сожалѣнію, впадали многіе писатели; люди съ такимъ складомъ ума вообще мало способны прозрѣвать въ будущее и скорѣе утрачиваютъ значеніе для потомства, нежели самые восторженные идеалисты[1].

[1] Мы не имѣемъ здѣсь мѣста для подробнаго разбора утопіи и отсылаемъ любознательныхъ къ превосходнымъ очеркамъ К. Льюиза (On methods of observation II, XVII; Ideal models in politics) и Моля

Къ чести нашего времени должно сказать, что оно не любитъ никакихъ крайностей и не одобряетъ ни узко-практическихъ, ни чисто-отвлеченныхъ взглядовъ на государство. Наука не довольствуется теперь одними теоріями, но старается обнять жизнь съ разныхъ сторонъ. Прежде философская нетерпимость доходила до того, что каждая школа строила свой политическій идеалъ и видѣла въ немъ безусловное совершенство. Напротивъ, въ половинѣ XIX ст. всѣ сознаютъ, что человѣчество подчинено закону разнообразія, что каждая національность имѣетъ свое призваніе, каждая эпоха свои требованія и условія, а потому убѣдились, что извѣстная форма правленія можетъ имѣть относительное достоинство для нѣкоторыхъ народовъ и не годиться для другихъ, что государства, не одинаково устроенныя, могутъ съ успѣхомъ достигать своей цѣли и притомъ разными средствами. Это измѣненіе въ образѣ мыслей произвело самыя благодѣтельныя послѣдствія для науки, о которой мы говоримъ. Общее ученіе о государствѣ потеряло свой строго-философскій характеръ и получило вѣсъ въ глазахъ практиковъ; отвлеченныя умозрѣнія оставлены и замѣнены этнологическими изысканіями. Какое направленіе плодотворнѣе,—въ этомъ трудно сомнѣваться. «Если задача науки состоитъ—выражаясь словами Моля—въ томъ, чтобы проникнуть въ природу вещей, допскиваться истины и выводить вѣрные результаты, то она не имѣетъ права оказывать

(1, 168—214). Послѣдній переведенъ А. И. Стояновымъ на русскій языкъ (См. «Архивъ» Калачева, прилож. ко 2 тому).

предпочтеніе однимъ фактамъ, одинмъ данным предъ другими. Подобная метода, конечно, проста и удобна, но за-то ошибочна, или по крайней мѣрѣ, ограничена. Избрать одинъ политическій идеалъ — все равно, что объявить возможнымъ и необходимымъ на землѣ только то государство, въ которомъ мы живемъ. Каждой ступени образованія соотвѣтствуетъ извѣстная форма политическаго быта; признать одну изъ нихъ и отвергнуть по принципу всѣ другія несправедливо въ научномъ отношеніи. Публицистъ тогда только возвышается надъ своимъ предметомъ, когда онъ понимаетъ психологическую мысль, лежащую въ основѣ каждаго государства» [1]. Короче сказать, онъ долженъ быть антропологомъ а не метафизикомъ. Отсюда не слѣдуетъ, конечно, что современная наука дошла до индифферентизма относительно коренныхъ идей; между терпимостью и равнодушіемъ большая разница. Защитники такъ наз. всеобъемлющихъ системъ и приверженцы прогрессивныхъ началъ въ политикѣ имѣютъ весьма крѣпкія и стойкія убѣжденія, хотя отличаются самымъ широкимъ взглядомъ на государство. Они, конечно, не видятъ въ немъ продуктъ чистаго разума, или результатъ философіи, а смотрятъ на него, какъ на учрежденіе, преслѣдующее общественную цѣль. Но за этимъ слѣдуетъ вопросъ: въ какой мѣрѣ оно соотвѣтствуетъ своему практическому назначенію, удовлетворяетъ нуждамъ націи и находитъ опору въ человѣческой природѣ? Отвѣчать на него утвердительно, значитъ допустить

[1] *Mohl*, Geschichte. 1, 124.

развитіе для государства, какъ неизбѣжный законъ жизни. «Политическій мыслитель безсиленъ пересоздать людей: онъ долженъ изучать ихъ въ дѣйствительности», говоритъ Моль. «Это не значитъ, что задача публициста — оправдывать всякій грубый фактъ, обожать матерію и силу. Дѣло въ томъ, что каждое политическое явленіе имѣетъ свои внутреннія причины, требующія объясненія». Всѣхъ государствъ нельзя подводить подъ одну категорію; характеръ ихъ разнообразенъ и носитъ на себѣ вліяніе народности; они совершенствуются не вдругъ, но постепенно. Наука не должна упускать этого изъ виду: иначе она не рѣшитъ главной задачи. Чтобы постигнуть вѣчные законы, лежащіе въ основаніи политическихъ обществъ, нужно обнять жизнь человѣчества въ цѣлости и въ послѣдовательномъ ея развитіи. Само собою разумѣется, что это воззрѣніе не чуждо критики. Признавая слабость субъективной, односторонней методы, новые публицисты замѣняютъ ее объективною, какъ болѣе вѣрною и, вмѣсто того чтобы теряться въ отвлеченныхъ умствованіяхъ, всматриваются глубже въ характеръ и требованія народовъ. Въ самомъ дѣлѣ, только посредствомъ историческаго сочетанія и внутренней оцѣнки разныхъ видовъ государства, можно достигнуть общихъ результатовъ; безъ этого политическая физіологія не имѣетъ смысла и недостойна своего названія.

Отъ общаго ученія о государствѣ переходимъ къ государственному праву. Эта наука принадлежитъ къ числу наиболѣе разработанныхъ; литтература ея необозрима. Съ одной стороны, настоятельная практиче-

ская потребность, съ другой — сравнительная легкость предмета, объясняютъ, почему мы находимъ здѣсь столько даровитыхъ писателей. Вездѣ, гдѣ правительство не запрещало изучать политическое устройство и администрацію, юристы приводили въ систему дѣйствующіе законы, предпринимали историческія изслѣдованія; даже тамъ, гдѣ это было дозволено съ ограниченіями, пытливые умы не могли остановить въ себѣ любознательныхъ стремленій и трудились надъ отечественнымъ или надъ иностраннымъ правомъ. Такимъ образомъ, несмотря на силу обскурантизма, горизонтъ науки безпрерывно расширялся, и въ настоящее время, можно сказать—нѣтъ почти ни одного историческаго государства, котораго учрежденія не были бы извѣстны образованному міру, если только они замѣчательны съ какой-нибудь стороны. Даже варварскіе народы не избѣжали гласности; ихъ публичная жизнь раскрывается путешественниками и миссіонерами. Вообще предѣлы государственнаго права оканчиваются тамъ, гдѣ лежатъ границы гражданственности. Обозначимъ здѣсь только главные всемірно-историческіе результаты науки.—Нѣтъ надобности много распространяться о томъ, что новѣйшіе филологи и публицисты глубоко изслѣдовали древность: уже въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, и особенно въ XIX, вышло много превосходныхъ книгъ объ учрежденіяхъ Израильтянъ, Грековъ и Римлянъ; кромѣ того въ послѣдніе годы значительно разъяснилось оригинальное устройство Индѣйской теократіи и другихъ государствъ Азіи. Почти всѣ просвѣщенные народы внесли сюда свои вклады и трудились соединенными сила-

ми для науки.—Еще богаче литература средневѣковаго государственнаго права. Конечно, мусульманское законодательство до сихъ поръ не вполнѣ раскрыто; за-то какъ извѣстна политическая жизнь Запада! Начиная отъ вторженія варваровъ до реформаціи, ни одна эпоха не обойдена. Нужно ли говорить о блистательныхъ монографіяхъ, въ которыхъ описано состояніе Галліи при Римлянахъ и Франкахъ, въ эпоху Карла В. и Капетинговъ, устройство и управленіе Англо-Саксовъ, норманское владычество, положеніе Германіи отъ Цезаря и Тацита до образованія территоріальной власти, законодательство Испаніи, особенно Аррагоніи и бискайскихъ провинцій, также итальянскихъ республикъ? Феодальное право изслѣдовано и объяснено до мелкихъ подробностей. Что касается до новаго времени, здѣсь, по словамъ Моля, хорошаго уже слишкомъ много. Наука раскинула свои вѣтви такъ широко, что почти нѣтъ возможности обнять ихъ. Французы разработали преимущественно административное право; Англичане — вопросы конституціонные; Нѣмцы — всѣ стороны своего сложнаго государственнаго быта; голландская и швейцарская литтература также богаты превосходными монографіями. Вообще ученая дѣятельность съ половины XVIII вѣка ни на минуту не ослабѣваетъ: молодые и отставшіе народы спѣшатъ догнать старѣйшихъ и передовыхъ. Особенное вниманіе просвѣщеннаго міра обращаетъ на себя политическая жизнь Англіи и Америки.

Здѣсь кстати упомянуть о наукѣ общe-европейскаго государственнаго права. Она, разумѣется, не могла существовать до тѣхъ поръ, пока учрежденія отдѣльныхъ

народовъ не были изслѣдованы и только въ настоящемъ-столѣтіи значительно подвинулась впередъ. Конечно, говоря безпристрастно, результаты, добытые въ ней, нельзя еще назвать удовлетворительными, но во всякомъ случаѣ ея самостоятельность не подлежитъ спору. Историческая школа доказала, что европейскіе народы еще отъ среднихъ вѣковъ имѣли сходные законы и формы правленія. Это сходство завелось отъ разныхъ причинъ и обстоятельствъ; соплеменность, религія и церковная іерархія, римское право и феодализмъ играли здѣсь главную роль. Самое образованіе и развитіе общества совершалось на западѣ подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ-же условій и движущихъ началъ. Даже въ послѣдствіи, когда независимость государствъ была признана и каждое изъ нихъ пошло своею дорогою,—они имѣли другъ на друга сильное дѣйствіе и находились въ неразрывномъ соприкосновеніи между собою. Абсолютизмъ, реформація и французская революція вездѣ оставили по себѣ извѣстные слѣды и перемѣны; конституціонныя монархіи также были построены на одинакихъ началахъ. Короче сказать, на всѣхъ ступеняхъ политическаго быта мы замѣчаемъ сходство въ переворотахъ, въ идеяхъ, даже въ судьбѣ христіанскихъ народовъ. Не удивительно, что наука находитъ здѣсь для себя точки опоры. Съ особеннымъ успѣхомъ къ этому предмету примѣняютъ публицисты методу сравнительную. Къ сожалѣнію, европейское государственное право хотя и читается въ нѣкоторыхъ университетахъ, но до сихъ поръ имѣетъ мало блестящихъ представителей въ литературѣ. Полныхъ, об-

широкихъ сочиненій по этому предмету почти нѣтъ; матеріалы и пособія разсѣяны въ безчисленныхъ и разнохарактерныхъ монографіяхъ. Немногіе отдѣлы науки обработаны систематически. Только на одномъ изъ нихъ мы считаемъ здѣсь нужнымъ остановиться.

Обозрѣвая успѣхи человѣческаго ума въ средніе вѣка, историки справедливо доказываютъ, что изобрѣтеніе пороха, компаса и книгопечатанія имѣло огромное вліяніе на судьбу Европы. Но они обыкновенно упускаютъ изъ виду другое открытіе, которое было сдѣлано въ эти отдаленныя времена и котораго послѣдствія не менѣе важны и плодотворны. Правда, оно не было сдѣлано однимъ человѣкомъ; надъ нимъ трудились всѣ западные народы; но такова судьба почти всѣхъ политическихъ открытій. Мы говоримъ именно о представительной системѣ. Ея зародыши коренятся въ духѣ древнихъ германцевъ и видны еще въ ихъ первобытномъ устройствѣ. Феодализмъ нѣсколько задержалъ и подавилъ сословнымъ духомъ развитіе этихъ новыхъ началъ государственнаго устройства, но не стеръ ихъ совершенно. Они воскресли въ сознаніи и были примѣнены къ жизни запада, какъ только ослабѣло политическое раздробленіе общества. Отсюда произошли замѣчательныя явленія! Между тѣмъ какъ древній міръ, не имѣя понятія о системѣ представительной, жилъ въ мелкихъ общинахъ и, по мѣрѣ ихъ расширенія, подпадалъ деспотизму, новые народы могли основать обширныя государства и сохранить политическую свободу съ помощію этой системы. Она дала имъ средства и способы къ такимъ комбинаціямъ, при которыхъ не было

надобности измѣнять нормальныя, гармоническія отношенія между правительствомъ и подданными, съ увеличеніемъ объема территоріи или съ пріобрѣтеніемъ посторонних владѣній. Представительная система собирала лучшія и разумныя силы общества въ одинъ фокусъ; при ней удобнѣе было примирить враждебные интересы и классы гражданъ, выслушать разныя мнѣнія, рѣшить публичные вопросы къ общему удовольствію. Бурныя законодательныя сходки толпы вышли изъ употребленія и замѣнились спокойными собраніями лицъ, избранныхъ или уполномоченныхъ обществомъ къ обсужденію государственныхъ мѣръ. Представительная система оказалась примѣнимою ко всѣмъ формамъ правленія, къ монархіямъ и республикамъ въ одинаковой степени. Ею можно было пользоваться не только для законодательства, но и въ администраціи. Бюрократія, въ самыя блестящія эпохи абсолютизма, не считалась надежнымъ орудіемъ; по крайней мѣрѣ народъ ее не любилъ; государи также перестали мало по малу довѣрять ей одной исполненіе закона. Выгоды мѣстнаго самоуправленія были признаны по мѣрѣ того, какъ оно устроилось на началахъ системы представительной. Такимъ образомъ централизаціи нанесенъ былъ сильный ударъ, безъ вреда для политическаго единства! Вмѣстѣ съ этимъ политическое воспитаніе народа сдѣлалось возможнымъ; лучшею школою для приготовленія государственныхъ людей была выборная служба, гдѣ они могли изучать законы и народныя потребности практически.

Уже изъ этихъ немногихъ словъ можно понять важность представительной системы въ государственномъ правѣ. Не удивительно, что публицисты обратили на нее вниманіе: она дала имъ богатые матеріалы для наблюденій и умозрѣній. Заслуги автора книги «О духѣ законовъ» намъ извѣстны. Послѣ Локка онъ первый занимался объясненіемъ представительнаго устройства. Послѣдователи Монтескье во Франціи и либеральные публицисты XIX вѣка въ Германіи предприняли глубокія историческія и сравнительныя изысканія по этому предмету. Критика также не замедлила явиться въ Англіи, въ истинномъ отечествѣ представительной системы, гдѣ она сложилась и была усовершенствована прежде, чѣмъ въ другихъ странахъ. Отсюда до самаго послѣдняго времени выходили новыя политическія идеи, опыты и проекты. Здѣсь въ XIX столѣтіи трудились Бентамъ, Брумъ и наконецъ Джонъ Стюартъ Миллъ. На нихъ можно смотрѣть какъ на главныхъ двигателей европейскаго государственнаго права и вмѣстѣ какъ на лучшихъ истолкователей представительной системы.

Около того времени, когда публицисты начали вникать въ природу европейскихъ учрежденій, т. е. съ половины XVIII ст., является наука, на которую можно бы смотрѣть, какъ на отдѣльную независимую отрасль знанія. Она стоитъ какъ-бы въ срединѣ между государственнымъ и общенароднымъ правомъ и носитъ названіе *права союзнаго* или *федеративнаго* (Bundesrecht, federal law). Еще въ средніе вѣка образовались подъ вліяніемъ историческихъ условій разные виды соединенія государствъ, или такъ наз. федерацій. Въ са-

мой феодальной системѣ какъ говоритъ Гизо, есть зародышъ федеративнаго начала; она представляетъ первыя слабыя попытки связать разрозненные народы органическими узами. Въ примѣръ можно привести священную Римскую имперію: не смотря на свое обманчивое имя, она не имѣла никакихъ признаковъ государственнаго единства. Это было нескладное и безобразное тѣло, въ которомъ никогда совершенно не умиралъ федеративный духъ. Онъ проявился съ особенною силою на западныхъ границахъ имперіи, именно въ Голландіи и Швейцаріи; здѣсь выработались твердыя союзныя учрежденія, которыя выдержали тяжелую борьбу съ внѣшними и внутренними врагами и устояли до конца XVIII вѣка. Казалось, французская революція должна была заглушить эти сѣмена въ Европѣ, но вышло иначе: мысль о федераціи не умерла у тѣхъ народовъ, которые разъ испытали пользу свободнаго и органическаго соединенія. Въ 1815 году возникъ союзъ Германскій; Швейцарцы также возвратились къ прежнему порядку, сдѣлавши въ немъ нѣкоторыя перемѣны, по указанію обстоятельствъ. Но самые богатые плоды принесли федеративныя начала за океаномъ, на свѣжей почвѣ новой Англіи. Здѣсь, скоро по окончаніи войны за независимость, начертано было смѣлою рукою національныхъ героевъ твердое устройство для тринадцати С. штатовъ (1788 г.). Въ настоящее время эти учрежденія развились въ обширныхъ размѣрахъ: имп связаны почти всѣ государства сѣверной и южной Америки; для стараго свѣта они также имѣютъ огромное значе-

ніе. Кромѣ Германіи и Швейцаріи, въ которыхъ союзное устройство введено издавна, органическое соединеніе составляетъ предметъ задушевныхъ помысловъ и желаній для сплеменныхъ націй, разрозненныхъ исторіею, или утратившихъ самостоятельность по праву завоеванія (народы скандинавскіе, славянскіе и др.). Наконецъ, на идею федераціи можно смотрѣть съ общеевропейской точки зрѣнія: по крайней мѣрѣ наступитъ время, когда она пріобрѣтетъ практическій смыслъ для всего христіанскаго міра и послужитъ могущественнымъ орудіемъ прогресса.

Теперь читателю понятно, почему многіе публицисты XIX стол. полагаютъ союзное право, какъ отдѣльную науку. Федерація есть оригинальное политическое явленіе; это — не государство въ строгомъ смыслѣ слова, но соединеніе государствъ въ органической формѣ. Союзную власть нельзя назвать въ обыкновенномъ смыслѣ слова правительствомъ, она имѣетъ иное назначеніе, болѣе тѣсный кругъ дѣятельности, представляетъ одни національные интересы и не вторгается во внутреннюю жизнь народовъ. Устройство федерацій разнообразно, смотря по цѣли, которую онѣ преслѣдуютъ; отъ этого зависятъ также права отдѣльныхъ членовъ и отношенія ихъ между собою. Надобно отличать *союзъ государствъ* (Staatenbund) отъ союзнаго государства (Bundesstaat): въ первомъ мы видимъ независимыя общества, или политическую систему, построенную только для внутренней безопасности и внѣшней защиты; во второмъ — органическое цѣлое, связанное неразрывно основными закона-

ми и учрежденіями [1]. Кромѣ того существуютъ такъ называемыя династическія соединенія [2]; на нихъ, строго говоря, нельзя смотрѣть, какъ на федераціи; здѣсь одно государство иногда подчинено другому въ видѣ провинціи и нѣтъ собственно союзной, а есть только центральная власть. Она, конечно, можетъ быть ограничена конституціею. Но эти ограниченія не имѣютъ федеративнаго характера.

Опуская подробности, покажемъ теперь успѣхи и главные результаты другой науки, занимающей очень видное мѣсто въ системѣ юридико политическаго образованія. «Блистательныя стороны европейской гражданственности отражаются преимущественно въ правѣ международномъ», говоритъ Моль. «Самая мысль о возможности порядка во внѣшней жизни государствъ и забота о томъ, чтобы дать ему положительную опору, есть почтенное доказательство успѣховъ просвѣщенія. Греки видѣли въ иностранцѣ варвара; Римляне — непріятеля. Въ средніе вѣка развитію юридическихъ сно-

---

[1] Лучше всего это можно объяснить примѣрами. Въ Германіи мы видимъ Staatenbund; здѣсь самодержавныя правительства сохраняютъ полную независимость и только соединяютъ свои силы для общей безопасности и спокойствія; напротивъ, С. Америка и Швейцарія (по устройству 1848 г.) дѣйствуютъ во внѣшнихъ сношеніяхъ въ видѣ единаго и нераздѣльнаго политическаго тѣла (Bundesstaat).

[2] Въ отличіе отъ федерацій, существующихъ jure societatis, династическія соединенія опираются на jus imperii и законы престолонаслѣдія. Примѣры: государства соуправляемыя (Швеція и Норвегія), связанныя инкорпоративно (В. Британія и Ирландія) и лично (Англія и Ганноверъ до 1837 года).

шеній между независимыми племенами препятствовало, съ одной стороны, грандіозное, но непрактическое представленіе о всемірно-христіанскомъ государствѣ; съ другой—дикое самоуправство, вошедшее въ обычай. Только въ новыя времена, вслѣдствіе смягченія нравовъ, измѣнились идеи и выработалась система права, которая должна мало-по-малу обнять все человѣчество. Къ чести науки нужно сказать, что она сильно способствовала миру и пробудила духъ космополитизма: она получила свое содержаніе не извнѣ, какъ обыкновенно случается, но сама вторглась въ жизнь и противопоставила грубой силѣ свои теоретическіе законы». Слова эти будутъ понятны каждому, кто вспомнитъ о вліяніи Гуго де Грота на общественное мнѣніе Европы. Авторъ знаменитой книги «De jure belli ac pacis» имѣлъ много достойныхъ послѣдователей. Хотя метода ихъ была неудовлетворительна, однако-же наука мало-по-малу подвигалась впередъ и, къ концу XVIII стол., отдѣлилась отъ естественнаго права. Отвлеченныя ея начала прояснились; оставалось познакомиться съ практическими вопросами новоевропейской жизни, изучить трактаты и обычаи. Этотъ трудъ приняли на себя публицисты Мартенсовой школы: главная ихъ заслуга состоитъ въ собраніи памятниковъ и положительныхъ данныхъ для науки; въ критикѣ они слабы. Между тѣмъ настоящее время требовало болѣе глубокаго и основательнаго рѣшенія общихъ европейскихъ задачъ. Съ тѣхъ поръ какъ утвердился миръ и были открыты новыя средства сообщенія, образованные народы заключили тѣсный союзъ и составили какъ-бы одну семью; опорою

этого союза служать теперь всемірные интересы; высшимъ его судомъ — общественное мнѣніе Европы. Государства сознали больше, чѣмъ когда-нибудь, потребность взаимной помощи въ дѣлѣ гражданственности, необходимость постояннаго обмѣна продуктовъ и пользу свободной торговли. Дипломатія не имѣетъ прежняго мистическаго характера; ея тайная сила уступаетъ силѣ обстоятельствъ; ея произволъ обузданъ закономъ гласности; она не играетъ безнаказанно судьбою міра, но волею-неволею приноровляется къ нуждамъ народовъ; интриги кабинетовъ не тревожатъ общаго спокойствія; эпоха завоеваній прошла для Европы невозвратно. Эти благодѣтельныя перемѣны и успѣхи жизни должны были отразиться въ наукѣ; литература ея постепенно обогатилась серьезными изслѣдованіями. Особенно разработаны практическіе вопросы, напр. частное международное право, ученіе о нейтральной торговлѣ, посольское и консульское право; кромѣ того въ послѣднее время вышло много систематическихъ сочиненій. Вообще, нѣтъ ни одного европейскаго народа, который бы не трудился въ этой отрасли знанія. Сами правительства принимали участіе въ собраніи трактатовъ и въ обнародованіи дипломатической корреспонденціи. Система обскурантизма не могла устоять среди великихъ переворотовъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ съ 1789 г., и была подорвана. Одолѣвъ Наполеона, Европа рѣшала свои дѣла большею частію на конгрессахъ, и главные результаты совѣщаній, раньше или позже, становились извѣстными — путемъ офиціальнымъ и не съ помощію газетъ. Благодаря этимъ летучимъ ор-

ганамъ молвы и вѣстникамъ народовъ, публицисты удобнѣе могли слѣдить за ходомъ событій. Просвѣщенная публика то-же не осталась равнодушною къ общимъ интересамъ и наблюдала со вниманіемъ политику кабинетовъ. Такимъ образомъ наука международнаго права сдѣлалась популярною и пріобрѣла мировое значеніе; въ самой ея методѣ со второй четверти XIX стол. произошла перемѣна. Писатели не довольствовались простымъ систематическимъ обозрѣніемъ трактатовъ, а приступили къ критической повѣркѣ основныхъ началъ. Этотъ трудъ продолжается до сихъ поръ и ничто не даетъ повода отчаяваться въ полномъ успѣхѣ [1]. Многіе капитальные вопросы разрѣшены; неизмѣримая область исторіи международнаго права освѣщена и разработана съ новой точки зрѣнія неутомимымъ Лораномъ; каждый годъ выходятъ дѣльныя монографіи по разнымъ частямъ... Говоря словами Моля, «наука эта уже въ современномъ ея состояніи служитъ украшеніемъ европейской литературы и, какъ владѣніе, пріобрѣтенное общими усиліями, приноситъ честь и славу всѣмъ европейскимъ народамъ; еще утѣшительнѣе то, что въ ней видна здоровая жизнь, обѣщающая много въ будущемъ. Конечно, она далеко не достигла полнаго совершенства, но по крайней мѣрѣ стремится впередъ и невольно воз-

---

[1] Мы уже имѣли случай говорить объ успѣхахъ этой науки и, чтобы не повторять себя, отсылаемъ читателей къ ст., помѣщенной въ Рус. Вѣстникѣ за 1856 г. (Мартъ, книжка 1, современ. лѣтопись, стр. 28—33), также къ двумъ мемуарамъ въ Papers of the juridical society. Lond. 1859, 1862.

буждаетъ участіе каждаго, *у кого голова и сердце на мѣстѣ*»[1]. «Даже тѣ, которые не вѣрятъ въ твердость юридическихъ отношеній между государствами, должны сочувствовать ей» (говоритъ въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія германскій профессоръ)[2]. Къ сожалѣнію, справедливо, что при нынѣшнемъ положеніи политическаго міра многое вредитъ еще международному праву, что сильныя государства преслѣдуютъ своекорыстную, большею частію, дурно понятую, или исключительно-личную цѣль, что самостоятельность въ устахъ слабаго — пустое слово, что къ преступнымъ видамъ нерѣдко присоединяются непозволительныя средства и что нарушенія взаимныхъ обязанностей между правительствами встрѣчаются почти на каждой страницѣ исторіи; но тѣмъ не менѣе надобно всѣми силами поддерживать въ сознаніи и разработывать основныя начала науки. На это есть много причинъ. Во-первыхъ, что остается слабому государству, которое, при спорѣ съ другимъ, не можетъ положить меча на вѣсы, кромѣ юридической защиты? Чѣмъ тверже право, чѣмъ яснѣе оно доказано, тѣмъ вѣроятнѣе надежда пробудить въ противникѣ совѣсть, или страхъ передъ общественнымъ мнѣніемъ. Софизмы разрушаются только оружіемъ истины: побѣда принциповъ есть все-таки побѣда въ жизни. Наконецъ, что особенно важно, истинный успѣхъ науки, проникнутой гуманными началами, раньше или позже, но непремѣнно отразится на правительствахъ и

[1] *Моль*, 1. 45.

[2] *Моль*, 1. 469—70

народахъ. Это вліяніе съ перваго взгляда кажется незначительнымъ, и, какъ-будто, стирается среди частыхъ реакцій; но если общее убѣжденіе находитъ извѣстный поступокъ безнравственнымъ, или вреднымъ — не многіе рѣшатся идти на-перекоръ цѣлому свѣту. Чѣмъ бы ни руководствовались при этомъ государства, — осторожностью или взаимнымъ уваженіемъ, — все равно ».

Переходя къ литературѣ политики, мы видимъ здѣсь такое богатство матеріаловъ и пособій, среди котораго легко растеряться. Изъ однѣхъ записокъ государственныхъ людей можно составить обширную библіотеку. Въ Англіи, наприм., каждый, сколько-нибудь замѣчательный дѣятель, сходя съ общественной сцены, завѣщаетъ потомству и публикѣ свои политическія наблюденія и свой опытъ. Друзья или семейство признаютъ обязанностью при первой возможности издать мемуары, или, по крайней мѣрѣ, оффиціальную корреспонденцію всѣхъ лицъ, занимавшихъ видныя мѣста и должности. Тому-же обычаю слѣдуютъ теперь во Франціи, въ Сѣверо Американскихъ штатахъ, въ Германіи и другихъ просвѣщенныхъ странахъ. Записки подобнаго рода, конечно, прежде всего имѣютъ національное значеніе, но многія изъ нихъ интересны вообще съ точки зрѣнія науки. Указанія, примѣры и замѣтки современниковъ о событіяхъ, ими пережитыхъ, не должны пропадать; въ нихъ мы читаемъ уроки прошедшаго. Жаль только, что эти богатыя сокровища почти неодолимы по самому своему объему, что между ними очень трудно сдѣлать выборъ. Наука едва успѣваетъ принять ихъ къ свѣдѣнію и далеко еще не успѣла все-

пользоваться всѣми результатами, которые можно отсюда добыть. А между тѣмъ сравнительная политика, едва ли будетъ построена на твердыхъ началахъ, пока работа, о которой здѣсь идетъ рѣчь, не кончена.— Итакъ, неудивительно, что въ цѣлости политика мало изслѣдована. Обнять ея разностороннее содержаніе почти никто не въ силахъ. Она изучается по частямъ и съ неравнымъ успѣхомъ. Правда, еще въ XVII вѣкѣ много трудились надъ уясненіемъ средствъ, необходимыхъ для того, чтобы рѣшить основныя задачи государственнаго устройства и управленія. Но эти опыты были неудачны. Въ послѣднія полтораста лѣтъ сдѣлано больше. Вопросы законодательной политики затронуты по поводу кодификаціи; отношенія правительства къ церкви изслѣдованы глубоко и съ разныхъ сторонъ, по случаю безпрестанныхъ столкновеній между властью свѣтскою и духовною. Кромѣ того, вышло нѣсколько дѣльныхъ монографій о вещественныхъ и нравственныхъ или духовныхъ условіяхъ государственной жизни (напр. о народности въ политическомъ смыслѣ, о вліяніи климата и почвы на общество, о характерѣ власти и значеніи подданныхъ при разныхъ формахъ правленія). Въ политикѣ административной публицисты основательно рѣшили только вопросъ о централизаціи и бюрократіи. — Почти то-же можно сказать о политикѣ судебной и уголовной: она разрабатывалась по частямъ и по отдѣльнымъ предметамъ. Европейская литература представляетъ, напр., превосходныя сочиненія о политическомъ значеніи суда присяжныхъ, о выборѣ системы наказаній, объ устройствѣ исправительныхъ заведеній и проч.

При этомъ высказаны дѣльныя мысли и вѣрно оцѣнены разныя учрежденія. Но почти ни одинъ изъ писателей не рѣшаетъ вполнѣ задачи о томъ, какимъ образомъ лучше устроить юстицію въ государствахъ современной Европы, какъ далеко можетъ простираться власть прокуроровъ, должно ли въ судахъ дать рѣшительное предпочтеніе коллегіальному порядку и какое значеніе можетъ имѣть президентъ трибунала. Даже въ превосходныхъ изслѣдованіяхъ Бентама мы не найдемъ яснаго отвѣта на всѣ эти вопросы; чтобы удовлетворить любопытству, нужно читать множество чисто юридическихъ монографій объ отношеніяхъ судебной власти къ законодательной и правительственной, о слѣдственномъ и обвинительномъ процессѣ и т. п. Гораздо полнѣе литература промышленной и торговой политики. На эту отрасль публицисты обратили вниманіе еще съ половины XVIII вѣка, когда въ жизни народовъ начали играть великую роль матеріальные интересы. Замѣчательно впрочемъ, что большая часть сочиненій, о которыхъ мы говоримъ здѣсь, по содержанію ближе къ политической экономіи. Наука эта собственно принадлежитъ къ разряду общественныхъ наукъ, несмотря на свое обманчивое названіе, и касается политическихъ явленій не прямо, а косвенно: главнымъ предметомъ ея служитъ народное богатство. Моль даже сомнѣвается, можетъ ли она въ современномъ своемъ состояніи дать правительствамъ вѣрные результаты для руководства; по его мнѣнію, они требуютъ повѣрки и должны быть примѣняемы съ осторожностью. Экономисты часто увлекались и выдавали

свои односторонніе теоріи за непогрѣшительную истину. Наука эта должна принимать въ разсчетъ не только рабочую силу человѣка, но также его право наслаждаться и чувствительность къ страданіямъ; хозяйственныя соображенія объясняютъ только вещественную сторону вопросовъ и не могутъ быть признаны безусловно законами человѣческихъ дѣйствій. Приводя эти слова, мы не думаемъ, разумѣется, отвергать пользу экономическихъ знаній; всего менѣе подобная мысль приходила въ голову Молю: ему хорошо извѣстны реформы нашего времени, предпринятыя на пользу освобожденія труда и торговли. Дѣло только въ томъ, что нѣкоторые писатели исключительны и видятъ въ экономіи высшій, единственный источникъ государственной мудрости; напротивъ, германскій публицистъ полагаетъ вмѣстѣ со многими другими, что при рѣшеніи политическихъ задачъ она имѣетъ въ виду только ихъ хозяйственную сторону. Впрочемъ, надобно согласиться, что подъ вліяніемъ экономическихъ идей, промышленная и торговая политика измѣнилась къ лучшему, какъ искусство, и выяснилась, какъ наука. — Тому-же благодѣтельному вліянію слѣдуетъ приписать многознаменательный переворотъ, который совершается предъ нашими глазами въ политикѣ колоніальной. Здѣсь главные результаты экономистовъ оказались вѣрными, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ Англіи. Она подала первый примѣръ разрушенія старой стѣснительной системы и, по видимому, не имѣетъ причинъ въ этомъ раскаяваться. Хотя эмансипація негровъ совершилась не безъ потерь, но мрачныя предсказанія закоснѣлыхъ протекціонистовъ

и обскурантовъ, на счетъ послѣдствій свободы, не сбылись. Колоніи не погибли отъ уничтоженія рабства. Другіе европейскіе народы также объявили ему войну и, по всей вѣроятности, недалеко время, когда отношенія колоній къ метрополіи преобразуются вездѣ и будутъ основаны на началахъ полной гражданской, политической и торговой свободы. Этотъ великій вопросъ политики сильно занимаетъ теперь умы; надъ его практическимъ рѣшеніемъ трудились всѣ знаменитости XIX столѣтія; имъ-же принадлежитъ честь научной его разработки [1].

Наука полиціи (Polizeiwissenschaft), не смотря на продолжающійся споръ объ истинномъ значеніи и объемѣ этой науки, въ XIX стол. замѣтно выдвинулась впередъ. Вопросы о населеніи, о народномъ здоровьи, нищенствѣ и пауперизмѣ, о положеніи фабричнаго и ремесленнаго класса занимали и занимаютъ Европу, обсуживаются учеными и рѣшаются на практикѣ; особенно трудятся въ этой отрасли знанія публицисты германскіе. Первое мѣсто между ними занимаетъ Моль: онъ написалъ систематическое сочиненіе, въ которомъ разсмотрѣлъ полицейскую дѣятельность государства во всѣхъ ея видахъ. По его словамъ, «гражданственность и благосостояніе наше много зависитъ отъ тѣхъ началъ, на которыхъ построена полиція; она должна имѣть не только отрицательную цѣль, но и положительно содѣй-

[1] Лучшія сочиненія о колоніальной политикѣ написаны лордомъ Брумомъ, Меривлемъ (Merivale), Роскромъ и Корнваллемъ Льюизомъ. Сюда относится также знаменитый отчетъ лорда Грея о колоніальной политикѣ министерства виговъ.

ствовать человѣческимъ интересамъ, именно тѣмъ, которыхъ нельзя иначе обезпечить, какъ совокупными государственными силами. Самая мысль о правительственной помощи въ подобныхъ случаяхъ есть доказательство прогресса; нужно только найдти вѣрные способы, которые могутъ быть сюда приложены». Къ сожалѣнію, въ этомъ до сихъ поръ расходятся народы. Отсюда шаткость въ принципахъ и границахъ самой науки: почти каждый писатель имѣетъ объ ней свое понятіе.

Гораздо болѣе сходства во мнѣніяхъ замѣчаемъ мы относительно науки о финансахъ. Съ тѣхъ поръ, какъ она подверглась вліянію политико-экономическихъ теорій, въ ней произошла благодѣтельная перемѣна. Первые опыты разработки финансовъ, предпринятые еще въ XVII вѣкѣ, обѣщали мало: это не болѣе какъ безсвязные и отрывочные совѣты касательно умноженія королевскихъ доходовъ. Но уже въ эпоху французской революціи сущность предмета и его связь съ народнымъ хозяйствомъ понята глубже. Впрочемъ систематика науки принадлежитъ XIX вѣку. Въ настоящее время не только объяснено дѣйствіе разныхъ податныхъ системъ, но и начертаны правила для веденія расходовъ и для финансовой администраціи вообще. Ученіе о государственныхъ долгахъ разработано мастерски; кромѣ того хорошо изслѣдована исторія финансовыхъ учрежденій въ Европѣ. Политическая жизнь передовыхъ народовъ, именно Англичанъ и Французовъ, даетъ главные матеріалы для этой науки; съ большою пользою прилагается къ ней сравнительная метода.

Наконецъ, что касается до внѣшней политики, она

тѣсно связана съ международнымъ правомъ. Хотя нѣкоторые публицисты излагаютъ ее отдѣльно, подъ именемъ дипломатіи, но это не даетъ ей самостоятельности. Обычаи и правила, которымъ слѣдуютъ государственные люди при веденіи переговоровъ, строго говоря, не имѣютъ научнаго достоинства; что же касается до коренныхъ началъ внѣшней политики, они или опредѣляются исторіею и положеніемъ государства, или вытекаютъ изъ общихъ законовъ, признаваемыхъ народами [1].

Остается сказать еще нѣсколько словъ объ исторіи и статистикѣ; объ науки имѣютъ, какъ извѣстно, богатую литературу. Критическая оцѣнка относящихся сюда писателей есть дѣло спеціалиста. Нужно замѣтить впрочемъ, что не смотря на успѣхи нашего времени въ исторіографіи, не смотря на открытіе новыхъ памятниковъ и обнародованіе мемуаровъ, вошедшее почти въ обычай между государственными людьми западной Европы, — статистика, которая существуетъ всего около двухъ столѣтій, сравнительно, больше разработана. Конечно, этого нельзя ставить въ вину историкамъ; они сдѣлали съ своей стороны все, что могли; между ними было много людей съ отличными дарованіями. Здѣсь рѣчь идетъ не о внутреннемъ достоинствѣ предмета, даже не объ относительныхъ заслугахъ представителей обѣихъ наукъ, а принимаются въ соображеніе внѣшнія обстоятельства, которыя больше благопріятствовали од-

[1] *Lord Brougham.* Historical and political dissertations. Lond. 1857. pag. 51—102.

ной изъ нихъ, чѣмъ другой. «Исторія, какъ справедливо замѣчаетъ Моль, никогда не пользовалась особеннымъ покровительствомъ властей, подобно статистикѣ. Статистическія данныя вездѣ публикуютъ охотно; напротивъ, причины и ходъ политическихъ событій обыкновенно держатъ въ тайнѣ. Даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ на статистическія учрежденія тратятъ большія суммы, государственные архивы, по правилу, закрыты наглухо; многіе любопытные факты остаются неизвѣстными, а невѣрные принимаются за истину. Разумѣется, правительственный секретъ часто необходимъ до времени; при переговорахъ съ иностранными державами требуется молчаніе и осторожность; но изъ этого не слѣдуетъ, что политика, по правилу, должна оставаться въ непроницаемомъ мракѣ. Не для удовлетворенія праздпаго любопытства, но въ видахъ общаго блага желательно, чтобы причины и обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ издаются законы и предпринимаются административныя реформы, дѣлались извѣстными, какъ только отъ этого не страдаетъ публичный или гражданскій интересъ: иначе трудно образовать истинно-государственныхъ людей и просвѣщать общественное мнѣніе».

Указанныя препятствія, которыя, по мнѣнію Моля, сильно задерживаютъ развитіе исторіи, не существуютъ для статистики. Благодаря содѣйствію правительствъ, эта послѣдняя наука сдѣлала въ теченіи двухъ вѣковъ большіе успѣхи. На нее смотрятъ теперь, какъ на необходимую принадлежность общаго и политическаго образованія. Въ Европѣ нѣтъ почти ни одного государ-

ство, которое не имѣло бы статистическихъ учрежденій и не жертвовало бы въ ихъ пользу значительныхъ суммъ. Литература этой науки необозрима: кромѣ теоретическихъ сочиненій, мы находимъ здѣсь множество обширныхъ руководствъ, оффиціальныхъ трудовъ, монографій объ отдѣльныхъ странахъ, предметахъ и учрежденіяхъ, журналовъ, отчетовъ, извѣстій, издаваемыхъ обществами и разнаго рода матеріаловъ. Конечно, далеко не всѣ показанія заслуживаютъ довѣрія; кромѣ того, статистическія данныя, по причинѣ безпрестанныхъ перемѣнъ въ государственной жизни, очень скоро требуютъ пересмотра и новой повѣрки. Но что бы ни говорили скептики противъ самой науки, надобно согласиться, что она приноситъ существенную пользу и что ея результаты имѣютъ огромную цѣну: неутомимой дѣятельности статистиковъ обязаны мы тѣмъ, что знаемъ лучше окружающее общество, нежели наши предки, можемъ идти болѣе вѣрною дорогою въ гражданскихъ преобразованіяхъ, дѣлать полезныя заимствованія отъ другихъ народовъ, соразмѣрять съ силами и средствами собственные и чужіе планы, опровергать фактами ложныя начала и вредныя мѣры; — короче: находимъ истину вмѣсто самообольщенія и гипотезъ. Во-вторыхъ: наука эта даетъ драгоцѣнныя указанія для будущихъ историковъ; статистическій трудъ, устарѣвшій въ глазахъ современниковъ, пріобрѣтаетъ значеніе въ глазахъ потомковъ [1].

Этотъ бѣглый очеркъ показываетъ, какъ обширны

[1] *Mohl*, I. 51.

и разнообразны государственныя науки въ настоящее время. Неудивительно, что, съ расширеніемъ отдѣльныхъ областей знанія и развитіемъ европейской литературы, явилось стремленіе создать политическую энциклопедію. Она была необходима уже для того, чтобы облегчить спеціалиста при изслѣдованіяхъ, указать ему дорогу и предостеречь его отъ односторонняхъ взглядовъ. Въ послѣднее время появилось не мало энциклопедическихъ сочиненій о государствѣ, заслуживающихъ вниманіе. Нѣкоторыя изъ нихъ, напр. энциклопедіи Бюлау и Моля, составлены въ видѣ учебниковъ. Говоря безпристрастно, эти учебники, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не удовлетворяютъ современнымъ требованіямъ; въ нихъ излагается только краткое содержаніе отдѣльныхъ наукъ, но мало развиты общія начала. Энциклопедія въ такомъ смыслѣ не имѣетъ самостоятельныхъ задачъ; безъ нея легко обойтись даже въ школѣ; она вовсе не содержитъ въ себѣ методологіи. Между тѣмъ, чтобы заниматься съ успѣхомъ какъ политическими, такъ и другими науками, необходимо умѣнье пользоваться матеріалами, обращаться съ предметомъ, дѣлать правильно и съ толкомъ изысканія и проч. Конечно, искусство это само собою пріобрѣтается людьми способными, но, во всякомъ случаѣ, цѣль энциклопедіи объяснить господствующіе методы и пріемы въ наукахъ. Они должны быть усвоены прежде, чѣмъ можно ихъ подвергать критикѣ и совершенствовать. Далѣе, всякому, начинающему учиться, нужно дать понятіе объ исторіи, или о развитіи знанія. Вотъ почему нѣмецкія энциклопедіи кажутся намъ неудовлетвори-

тельными. Практикъ Корнвалль Льюисъ понялъ лучше требованія политическаго образованія. Въ его сочиненіи «On methods of observation and reasoning in politics» мы находимъ почти все, чего можно желать отъ хорошей энциклопедіи. Онъ опредѣляетъ объемъ и содержаніе государственныхъ наукъ, показываетъ: какъ наблюдать политическія явленія, въ какомъ отношеніи теорія находится къ практикѣ, мысль къ дѣлу, знаніе къ искусству, почему существуютъ школы между публицистами и партіи въ государственной жизни, чѣмъ обусловливается политическій прогрессъ и т. п. У него объясняются наконецъ разныя техническія выраженія. Лучшаго сочиненія въ этомъ родѣ европейская литература не представляетъ. Обширные трактаты о государствѣ Цахаріэ, Шмиттенера, Роттека и Штейна, хотя имѣютъ характеръ энциклопедическій, но написаны съ особенною цѣлью: они назначены не для того, чтобы служить начальнымъ пособіемъ къ приготовленію публицистовъ, а содержатъ въ себѣ связные и весьма подробные трактаты обо всѣхъ политическихъ наукахъ. Наконецъ, если понимать энциклопедію не въ смыслѣ системы однородныхъ знаній, освѣщенныхъ мыслію и приведенныхъ въ стройное цѣлое, а въ популярномъ значеніи этого слова, именно: какъ справочную книгу, то слѣдуетъ упомянуть здѣсь о лексикографическихъ изданіяхъ, которыми современная Европа довольно богата. Между ними первое мѣсто занимаетъ Staaslexikon Роттека и Велькера, предпринятый тридцать лѣтъ тому назадъ, въ Германіи. Въ немъ можно найдти рядъ превосходныхъ, по своему времени, политическихъ мо-

нографій и статей. Онъ выходитъ теперь вновь съ дополненіями. Staats-Wörterbuch Блунчли, менѣе обширный и удовлетворительный по отдѣлкѣ, также имѣетъ нѣкоторыя достоинства. Его изданіе еще продолжается. Наконецъ «Political dictionary» Англійскаго общества для распространенія полезныхъ знаній (1845—1852) заслуживаетъ вниманія по своему практическому направленію.

Познакомившись, хоть въ бѣгломъ очеркѣ, съ современнымъ состояніемъ политическихъ наукъ, мы можемъ, по крайней мѣрѣ приблизительно, судить о результатахъ, добытыхъ въ этой области человѣческаго знанія. Что она обширна и еще не изслѣдована вполнѣ, — всѣ согласны; что въ отдѣльныхъ ея частяхъ есть пробѣлы и недосмотры, — мы уже говорили. Всего менѣе удовлетворяетъ политика, какъ наука до сихъ поръ шаткая, подвижная, съ характеромъ преимущественно субъективнымъ; въ правѣ международномъ и государственномъ мы также видимъ слѣды отвлеченныхъ теорій и философскихъ увлеченій. Но, обозрѣвая въ цѣлости то, что сдѣлано усиліями публицистовъ, можно замѣтить кругомъ себя большіе успѣхи и пріобрѣтенія. Особенно отрадно наблюдать постепенное накопленіе положительныхъ свѣдѣній о государствѣ. Можно сказать, не преувеличивая, что наши понятія о немъ яснѣе, основательнѣе, многостороннѣе, если не глубже, древнихъ понятій. Заслуги Платона и Аристотеля въ политическихъ наукахъ, конечно, смѣшно отрицать; но несправедливъ и тотъ, кто думаетъ, будто новое время ничего важнаго не прибавило къ изысканіямъ великихъ

греческихъ мыслителей. Дѣло только въ томъ, что общія истины о государствѣ вырабатываются медленно, что по своей природѣ оно подчинено сложнымъ силамъ и законамъ. Великій поэтъ, который сказалъ:

There is a mystery, with whom relation
Durst never meddle, in the soul of state,
Which has an operation more divine,
Than breath or pen can give expression to [1],

совершенно правъ; но тѣмъ не менѣе европейскіе публицисты старались проникать въ причины и послѣдствія политическихъ явленій и многое объяснили.

Государства, какъ думалъ еще Аристотель, неодинаковы, потому именно, что ихъ составныя части подвижны и разнообразны. «Государство, говоритъ онъ, слагается изъ частей, между которыми одна или другая попеременно, едва замѣтно растетъ и уменьшается. Въ цѣлости порядокъ политическаго союза основывается на законахъ, но индивидуальныя (особенныя) отношенія въ немъ опредѣляются фактами» [2]. Отсюда понятно, какою дорогою должна была идти наука, при дальнѣйшемъ своемъ развитіи. Анализъ частей государства сдѣлался одною изъ главныхъ задачъ для публицистовъ. Они приступили къ дѣлу послѣдовательно, осторожно. Сначала естественно господствовала атомистическая теорія. Предметомъ изслѣдованія долго былъ человѣкъ, какъ отдѣльная личность, какъ членъ общества. Въ государствѣ

[1] Есть тайна, которую разгадать трудно въ государствѣ: оно имѣетъ душу, дѣйствующую чудесно; выразить ее слово и перо безсильны.

[2] Polit. VI. 3., VIII 3, II. 8.

находили только систему внѣшнихъ, формальныхъ учрежденій; по устройству правительства судили довольно отчетливо о характерѣ государства; подданные казались безразличною массою атомовъ. Потомъ между ними были замѣчены связующіе органы. Они, конечно, раскрылись не вдругъ, а мало по малу. Публицисты, по мѣрѣ успѣховъ знанія, пришли къ убѣжденію, что эти органы возникаютъ изъ жизни сами собою, естественно и мало зависятъ отъ власти верховной, что она не имѣетъ силы ихъ создать, или истребить совершенно.

Итакъ, въ государствѣ были найдены сословія съ ихъ отдѣльными стремленіями, частные интересы разнаго рода, посредствующія связи и комбинаціи, сѣти, одна отъ другой зависимыя и сведенныя въ цѣлое. Отсюда опредѣлилась точнѣе задача государства. Въ немъ обозначилось стремленіе поддерживать *единство народа, гармонію между его классами, стройность и порядокъ въ обществѣ.* Кромѣ охраненія независимости, о которой прежде и больше всего заботится верховная власть, ея аттрибуты преимущественно имѣютъ характеръ посредничества. Посредничество это доходитъ до вмѣшательства, когда народному единству грозитъ внутренняя опасность, когда въ жизни обнаруживаются враждебные государству элементы, когда въ его частяхъ возникаетъ дисгармонія и отдѣльные интересы подданныхъ сталкиваются между собою. Правительство, впрочемъ, во всемъ и всегда дѣйствуетъ внѣшнимъ образомъ, такъ сказать, на поверхность общества. Духовная или нравственная дѣятельность ему почти не свойственна и рѣдко бываетъ удачною. *Твор-*

ческая сила государства обнаруживается только въ справедливости и въ помощи обществу. Обязанность справедливости есть вѣчная, т. е. неизмѣнная, постоянная обязанность государства. Что касается до помощи, она требуется не въ одинакой степени, смотря по времени и по обстоятельствамъ народа. Въ первобытныхъ, страдательныхъ обществахъ государство беретъ на себя руководящую, даже хозяйственную роль, напр. обращаетъ въ монополію, или въ исключительное свое вѣдомство, нѣкоторыя отрасли промышленности, оставляя безъ вниманія другія. Но чѣмъ болѣе становится народъ самодѣятельнымъ, тѣмъ менѣе нужны вмѣшательство и опека власти. При началѣ своего существованія, когда человѣкъ дикъ и необузданъ, государство естественно является преобладающимъ, энергическимъ, строгимъ, требовательнымъ; въ его характерѣ и формахъ замѣтна удивительная твердость; оно закалено, какъ сталь, и неуступчиво. Ему нужно бороться, принуждать, наказывать, даже истреблять все, въ чемъ оно находитъ отпоръ и вражду. Съ теченіемъ времени, сила эта становится мягче, а дѣятельность государства многосторонніе, безпристрастніе, дальновидніе. Общество съ нимъ примиряется и не видитъ въ немъ учрежденія навязаннаго, стѣснительнаго для свободы, поставленнаго свыше, сверхъестественнаго. Тогда начинается нормальное или правильное развитіе политической жизни.

Итакъ, государство не есть учрежденіе, подчиненное строгимъ логическимъ законамъ или чисто формальное, но тѣсно связанное съ народною жизнію. Принципъ, по которому оно дѣйствуетъ, зависитъ отъ практиче-

скихъ, постоянно преслѣдуемыхъ обществомъ цѣлей. Всѣ правительственныя мѣры устремлены на общество и должны находить опору въ общественныхъ потребностяхъ. Вотъ почему политическія науки имѣютъ, что называется, соціальный характеръ. Онѣ должны объяснить намъ, какъ осуществляется мысль о народномъ единствѣ среди разнообразныхъ интересовъ и стремленій общества и среди физическихъ условій (земля, климатъ и пр.). Государство подвержено вліянію природы и людей, которыхъ оно считаетъ своими подданными; съ другой стороны, самыя свободныя отношенія въ обществѣ отражаютъ на себѣ оттѣнокъ политическій въ нѣкоторой степени. Наконецъ и природа уступаетъ сильному, благоустроенному государству, послѣ продолжительной борьбы. Такъ, въ Европѣ, по выраженію Бокля, человѣкъ, вооруженный политическимъ могуществомъ, сталъ господиномъ природы; въ Азіи, напротивъ, природа владычествуетъ и надъ людьми и надъ правительствами.

Трудности опредѣлить многостороннее вліяніе того или другаго элемента на государство, и обратно, вліяніе государства на общество и на природу — очевидны. Наука еще далеко ихъ не побѣдила. Но въ этомъ случаѣ много помогли публицистамъ историческія изысканія.

«Нужно наблюдать, говоритъ одинъ нѣмецкій писатель [1], общество и государство совмѣстно, въ теченіи вѣковъ, безъ заданныхъ напередъ теорій, т. е. не

[1] *Treitschke*, Die Gesellschafts-Wissenschaft. Leipzig. 1859. S. 84 u. flg. Эта монографія достойна вниманія нашихъ публицистовъ.

принимая, какъ Штейнъ, твердаго государства и переменчиваго общества, и не думая, какъ французы, что общество везде одно, а только законы его или гарантіи разнообразны. Тогда окажется, что никакое общественное явленіе, ни семейство, ни собственность, нельзя считать болѣе твердымъ, болѣе неизмѣннымъ, чѣмъ государство. Есть частные, общественные, но есть и политическіе вопросы, никогда не старѣющіе. Столкновенія между обществомъ и государствомъ также неизбѣжны. Каждый классъ, каждый кругъ въ обществѣ преслѣдуетъ иныя цѣли, нежели государство.... Нѣкоторые думаютъ, что ближе всего къ природѣ семейство, но развѣ семейныя связи не возникаютъ иногда, и очень часто, по произволу и наперекоръ необходимымъ условіямъ домашней жизни? Съ этой точки зрѣнія искусственныхъ государствъ на свѣтѣ не больше, чѣмъ искусственныхъ семействъ».

«Чтобы видѣть непрерывную связь общества съ государствомъ, надобно себѣ представить народъ, котораго обычаи вовсе намъ чужды; здѣсь ни одно учрежденіе не будетъ понятно, если не знать жизни, которая его вызвала. Мы на себя не можемъ смотрѣть такъ ясно и отчетливо, какъ на другихъ. Намъ кажется часто, что всѣ дѣйствія правительства независимы, формальны, что государство легко устроить на философскихъ началахъ; между тѣмъ истинное государство не можетъ произойдти, пока общественные интересы и связи не пріобрѣли крѣпости, прежде чѣмъ въ народѣ взаимныя нужды не вызвали притягательной силы, прежде чѣмъ зависимость кровная или сословная

не привела людей къ постоянному союзу. Также точно на государства существующія дѣйствуетъ неотразимо, хотя и не замѣтно, характеръ народный. Имъ опредѣляется преимущественно внутреннее сродство государствъ. Поэтому чужія политическія учрежденія не примѣняются вездѣ съ успѣхомъ, какъ-бы они ни были хороши на своемъ мѣстѣ. Даже союзы между государствами, наиболѣе крѣпкіе, поддерживаются общественными отношеніями. Наконецъ, общественныя реформы дѣйствуютъ на государство сильнѣе всякихъ другихъ. Штейнъ и Гарденбергъ несравненно больше измѣнили Пруссію, чѣмъ польская монархія — Францію. Никакая разрушительная съ чисто политической стороны идея не грозитъ государству такими бѣдствіями, какъ соціальная утопія. Государство стоитъ высоко тогда, когда оно, поддерживая порядокъ, воплощаетъ въ себѣ всѣ цѣли общества, въ данную эпоху, и содѣйствуетъ ихъ достиженію, на-сколько отъ него зависитъ.... Впрочемъ хотя народы съ большею энергіею держатся за свои общественныя, чѣмъ за политическія учрежденія, государство движется медленнѣе, чѣмъ общество. Это естественно. Новая соціальная сила признается государствомъ уже тогда, когда она вырастетъ и укрѣпится.... Слѣдовательно, учрежденія въ государствѣ никогда вполнѣ не удовлетворяютъ всѣмъ классамъ общества; иначе историческое движеніе народа должно было бы остановиться».

Столкновенія между обществомъ и государствомъ, какъ замѣчено, до сихъ поръ случались очень часто. Задача практической мудрости состоитъ именно въ

томъ, чтобы предупредить ихъ; здѣсь многое, если не все, зависитъ отъ искусства и благоразумія людей практическихъ. Наука имѣетъ силу только указать правительствамъ и народамъ опасности, объяснить причины и послѣдствія переворотовъ. Къ несчастію, ея голосъ въ такихъ случаяхъ рѣдко бываетъ услышанъ. Когда разгараются страсти, авторитетъ разума ослабѣваетъ. Какъ бы то ни было, мужественные публицисты считали издавна своею обязанностью говорить правду ожесточеннымъ партіямъ, многіе изъ нихъ даже предвидѣли задолго наступающую борьбу. Замѣчено, что подъ гнетомъ внѣшнихъ несчастій и когда нація неотразимо идетъ къ единству, чисто политическія стремленія преобладаютъ въ духѣ народа. Ненависть между отдѣльными классами почти не обнаруживается. Съ другой стороны, неподвижность, безсиліе, или слѣпое пристрастіе правительства вредитъ крѣпости государства. Претензіи отдѣльныхъ сословій тогда берутъ верхъ и высказываются въ самыхъ эгоистическихъ требованіяхъ; власть, по видимому, для того только и существуетъ, чтобы облегчать могущественнымъ классамъ пользованіе выгодами ихъ положенія; учрежденія теряютъ кредитъ, политическая честь исчезаетъ; авторитетъ земскаго права слабѣетъ подъ тяжестью привилегій. *Видя въ государствѣ живое воплощеніе одного* только *интереса*, классы угнетенные смотрятъ на него съ ненавистью, и, если одолѣваютъ правительство, то становятся сами необузданными и своекорыстными повелителями цѣлаго народа. *Великая роль государства состоитъ именно въ томъ, чтобы во-время освободиться*

отъ преобладающаго, или исключительнаго вліянія того или другаго общественнаго элемента и поддерживать равновѣсіе между ними. Ничто такъ не укрѣпляетъ власти, какъ устраненіе гнета, или эмансипація народа отъ привилегированнаго меньшинства. Успѣхъ королей въ борьбѣ съ феодализмомъ на западѣ иначе нельзя объяснить. Они сдѣлались абсолютными монархами не столько своею волею, сколько силою обстоятельствъ и при помощи городовъ, подавленныхъ аристократіею. Противопоставляя дворянской тираніи общій законъ и земскій міръ, они вызвали къ жизни среднее сословіе и нашли въ немъ надежную опору политическаго единства. Заслуги ихъ неоспоримы: имъ обязано своимъ существованіемъ *государство свободныхъ людей*, котораго не выработалъ древній міръ.

Итакъ, государство развивается, когда его дѣятельность принимаетъ политическій или народный характеръ, т. е. становится независимою отъ сословнаго духа и всесторонніею. Оно благоденствуетъ, когда ему удается достигнуть мира и порядка внутри, т. е. во всѣхъ своихъ частяхъ. Тогда въ жизни публичной выступаетъ идея долга, или, другими словами, нація приходитъ къ сознанію своихъ политическихъ обязанностей. Вліяніе правительства съ этого времени обнаруживается болѣе отрицательнымъ и косвеннымъ, чѣмъ прямымъ и положительнымъ образомъ. Власть только устраняетъ препятствія, задерживающія народные успѣхи. Напротивъ, въ обществѣ обнаруживается самодѣятельность. Признаніе свободы во всѣхъ ея видахъ есть между прочимъ одно изъ явныхъ доказательствъ силы

государства. Въ эту эпоху прекращаются гоненія за вѣру, преслѣдованія мысли и совѣсти, происходятъ либеральныя реформы въ законодательствѣ, судопроизводствѣ и управленіи, мѣстные интересы отдаются въ руки жителей, корпораціи, подчинившись земскому праву, удерживаютъ внутреннюю распорядительную власть и проч.

Теперь ясно, что для рѣшенія основныхъ задачъ въ политическихъ наукахъ было необходимо познакомиться съ разными условіями общественной жизни и съ характеромъ народовъ. Вотъ почему между прочимъ науки эти подвигались впередъ очень медленно. Онѣ должны были, такъ сказать, *разсматривать государство на всей широтѣ исторической почвы*, въ міровомъ его движеніи. Несовершенство знанія зависѣло еще, по мнѣнію Кори. Льюиза [1], отъ того, что философы и политическіе мыслители тратили много времени на отвлеченныя теоріи. Каждый начиналъ все сызнова, не обращая вниманія на своихъ предшественниковъ. Такъ, напр., Локкъ не читалъ Гоббза, Монтескье почти не зналъ сочиненій де-Грота. О другихъ и самыхъ важныхъ препятствіяхъ, которыми стѣснена была свобода политическихъ изслѣдованій, мы говорили прежде [2]. Наконецъ, невозможность примѣнить вполнѣ индуктивную методу и дѣлать надъ государствомъ опыты также слѣдуетъ принять въ соображеніе, при оцѣнкѣ успѣховъ политическихъ наукъ сравнительно съ другими областями человѣческаго знанія.

---

[1] On methods of observation. I, 74, 75.

[2] См. Исторію политическ. наукъ, гл. 1.

Но если наука о государствѣ не сказала еще и не скоро скажетъ свое послѣднее слово, если ей нужно многое сдѣлать, во всякомъ случаѣ она не оставила безъ вниманія ни одной крупной общественной задачи, отвѣчала требованіямъ гражданственности, отзывалась на всѣ живые вопросы, и отмѣтила свое существованіе прочными слѣдами. Къ ея голосу, волею - неволею, прислушивались самыя сильныя правительства; ей народы обязаны многими улучшеніями. Но всего утѣшительнѣе тотъ фактъ, что она не сдѣлалась достояніемъ одной избранной страны и уже съ половины XVII стол. пріобрѣла вліяніе на цѣлую Европу. Политическія сочиненія расходились и расходятся повсюду; господствующія идеи и учрежденія образованнаго міра мало по малу распространяются въ другихъ частяхъ свѣта. Когда мы говоримъ о побѣдахъ европейской гражданственности въ странахъ полудикихъ, мы всегда разумѣемъ какія-нибудь реформы въ ихъ государственномъ бытѣ; надъ этими реформами, прямо или косвенно, но непремѣнно работала просвѣщенная знаніемъ мысль публициста и заявило свою энергію закаленное опытомъ искусство практическаго дѣятеля.

VII.

Познакомившись въ бѣгломъ очеркѣ съ современнымъ состояніемъ политическихъ наукъ въ Европѣ, мы можемъ показать теперь точнѣе, до какой степени науки эти распространены въ Россіи. Еще прежде было замѣчено, что онѣ у насъ не пріобрѣли права гражданства, что вообще мы, Русскіе, мало думали о государствѣ и почти не трудились надъ его развитіемъ. Доказывая готовность приносить ему въ жертву свои физическія силы и защищать его своею кровью, мы несли на алтарь отечества все, кромѣ знанія и творческой мысли. Владѣя не только страдательными качествами, т. е. усердіемъ и повиновеніемъ, но и неоспоримыми практическими талантами, какъ-то: переимчивостью, находчивостью, смѣтливостью, проницательностью, способностью разгадывать человѣка, мы смотрѣли на политику, какъ на искусство или какъ на ремесло, или, наконецъ, просто какъ на выгодную карьеру. Власть, сила и успѣхъ были намъ дороже закона; *польза службы дороже пользы общественной*. Наши государственные люди, между которыми можно найдти въ высшей степени замѣчательныхъ, были по большей части самородками и самоучками. Образованныхъ, приготовленныхъ къ дѣлу правленія гражданъ, государямъ найдти было трудно. Петръ Великій началъ выбирать себѣ помощниковъ изъ рядовъ народа, и ошибался рѣдко. Онъ первый понялъ, что Россія нуждается въ политическомъ образованіи и призналъ авторитетъ западной

науки. Но ему не удалось насадить ее на Русской землѣ. Онъ приказывалъ переводить лучшія сочиненія съ иностранныхъ языковъ, хотѣлъ пригласить изъ Европы профессоровъ и академиковъ, но не выполнилъ всѣхъ своихъ плановъ. Скоро послѣ его смерти обнаружилось, что иностранцы имѣютъ больше охоты управлять Россіею, чѣмъ заботиться о ея просвѣщеніи. Со вступленіемъ на престолъ Елисаветы, у нихъ отняли высшія мѣста въ государствѣ и роздали природнымъ Русскимъ, которые, зная потребности своей страны, конечно могли принести ей больше пользы и, во всякомъ случаѣ, должны были желать ей добра отъ искренняго сердца. Къ несчастію, наша знать всегда стояла далеко отъ народа, а люди простаго происхожденія имѣли обыкновеніе забываться среди почестей. Впрочемъ, не будемъ на это жаловаться: вѣроятно, такъ было и въ другихъ странахъ.

При Екатеринѣ II у насъ является довольно богатая политическая литература. Она, правда, не имѣетъ оригинальности и состоитъ больше изъ переводовъ. Но это не мѣшаетъ отдать полную справедливость тогдашнимъ труженикамъ: они умѣли сдѣлать хорошій выборъ между публицистами XVII и XVIII вѣка и познакомили Русскую публику именно съ тѣми сочиненіями, которыя цѣнились въ свое время. Гоббзъ, Блакстонъ, Монтескье, Руссо, Вольтеръ, главные энциклопедисты были переведены у насъ, сравнительно, лучше, толковитѣе и грамотнѣе, чѣмъ, напримѣръ, переводятся теперь иностранные писатели разными столичными фабрикантами. Имя Новикова стоитъ высоко въ ряду про-

свѣтителей Россіи. Движеніе, о которомъ мы говоримъ, продолжалось и при Александрѣ I, чему помогали много университеты, въ которыхъ были учреждены *этико-политическія отдѣленія*. До какой степени это движеніе отразилось на обществѣ, я самъ могъ убѣдиться на своемъ вѣку. Люди пожилые знаютъ объ этомъ больше. Давно ли, въ самомъ дѣлѣ, приходилось намъ неожиданно встрѣчать, даже въ глуши, Русскія политическія библіотеки? Кѣмъ онѣ составлены? Кто собиралъ заботливою рукою эти полузабытыя книги Екатерининской и Александровской эпохи? Кто изучалъ ихъ почти наизусть, дѣлалъ на нихъ курьезныя замѣтки? Любознательные люди дѣдовскаго поколѣнія, мелкопомѣстные дворяне и купцы. Между ними были записные политики, жаркіе патріоты и почтенные энтузіасты. Многіе изъ нихъ слѣдили за газетами до глубокой старости и очень уважали г. Вольтера. Я не говорю здѣсь о высшемъ дворянствѣ. Оно имѣло больше способовъ и средствъ къ политическому просвѣщенію. Оно давно офранцузилось и ѣздило учиться за границу. Еще при Екатеринѣ, и особенно при Александрѣ, являются въ Россіи просвѣщенные экономисты, дипломаты и администраторы. Нѣкоторые изъ нихъ получили воспитаніе во Франціи, другіе въ Германіи, наконецъ немногіе въ Англіи. Къ сожалѣнію, тогда небогатому человѣку трудно было основательно приготовить себя къ политическому поприщу дома. Кто попадалъ въ университетъ, тотъ еще могъ слушать курсы *иностранныхъ профессоровъ*, но Сперанскій не былъ въ числѣ избранныхъ. Онъ всѣми своими

свѣдѣніями обязанъ себѣ. Ему пришлось учиться государственнымъ наукамъ по книгамъ и притомъ не въ первой молодости. Н. И. Тургеневъ, авторъ самостоятельнаго русскаго сочиненія о финансахъ (Теорія налоговъ, 1817), по его собственнымъ словамъ, обязанъ воспитаніемъ своимъ Германіи.

По смерти Александра I, мы замѣчаемъ въ Россіи постепенный упадокъ политическаго образованія. Оно, очевидно, не пустило корней въ жизни и поддерживалось только внѣшними благопріятными условіями. Уничтоженіе этико-политическихъ факультетовъ и усиленіе цензурной строгости само по себѣ было достаточно, чтобы задержать у насъ развитіе молодой, неокрѣпшей и болѣе отвлеченной, чѣмъ практической науки о государствѣ. За-то изученіе русскихъ законовъ, съ помощію оффиціальныхъ поощреній, значительно подвинулось впередъ. Съ 1835 года въ университетахъ Имперіи были основаны юридическіе факультеты, а въ лицеяхъ — отдѣленія; къ нимъ присоединилось скоро училище правовѣдѣнія. Я далекъ отъ того, чтобы оспаривать пользу этихъ новыхъ учрежденій. Нападенія и насмѣшки, которымъ подвергались они недавно въ нѣкоторыхъ модныхъ журналахъ, кажется мнѣ, несправедливы [1]. Если юридическіе факультеты Имперіи, въ

[1] См. статьи Ю. Жуковскаго въ «Современникѣ» и Аксакова въ «Днѣ». Г. Жуковскій въ первыхъ статьяхъ своихъ совершенно отвергаетъ значеніе и пользу юриспруденціи. Въ послѣдствіи, заглянувши въ исторію, онъ, по видимому, увѣрился, что легисты, по крайней мѣрѣ во Франціи, сдѣлали для общества какое-нибудь добро. Можно надѣяться, что, когда онъ дойдетъ въ своихъ изслѣдованіяхъ до Англіи и Голлан-

продолженіи двадцатипяти-лѣтняго своего существованія, имѣли такихъ людей, какъ Мейеръ, Неволинъ и Кавелинъ, значитъ, они уже дѣлали свое дѣло. Но высшія учебныя заведенія, кромѣ профессоровъ, состоятъ изъ студентовъ. Чтобы судить о факультетской дѣятельности, нужно принимать въ соображеніе разныя обстоятельства, которыя ей благопріятствуютъ или мѣшаютъ. Нѣтъ ничего легче, какъ объявить все существующее негоднымъ. Въ наше время любятъ измѣрять успѣхъ или неудачу воспитательныхъ учрежденій очень поспѣшно и нетерпѣливо, не доискиваются внутреннихъ причинъ застоя или упадка, требуютъ слишкомъ многаго разомъ, хотятъ непремѣнно разрушить и то, что слѣдуетъ исправить. Я думаю, что практическихъ юристовъ въ Россіи теперь несравненно больше, чѣмъ было прежде, что мы знаемъ свои законы основательнѣе, чѣмъ во времена Горюшкина и Правилова. Объ училищѣ правовѣдѣнія и лицеяхъ не берусь судить, но объ университетскомъ преподаваніи можно сказать смѣло, что оно принесло пользу тому, кто искалъ свѣдѣній. Юридическіе факультеты обвиняютъ въ томъ, что они мало содѣйствовали изученію народныхъ обычаевъ. Это завистъ не столько отъ факультетовъ, сколько отъ устройства самой жизни. Мірскія сходки, въ которыхъ,

---

дія, онъ и тамъ навѣрное откроетъ факты, противные его основнымъ *глубокимъ убѣжденіямъ*. Что касается до г. Аксакова, онъ по крайней мѣрѣ говоритъ чистосердечно, и если увлекается, то не новомодными теоріями, а своимъ природнымъ энтузіазмомъ. Любопытно замѣтить, что противъ юриспруденціи возстаютъ преимущественно воспитанники училища правовѣдѣнія. Отчего это происходитъ?

по мнѣнію энтузіастовъ, течетъ вѣчно-живымъ потокомъ народное право и откуда нужно черпать обѣими руками источникъ знанія, были конечно недоступны юристамъ. Но факультетское вмѣшательство въ эти сходки едва-ли желательно. Общинная жизнь вездѣ должна идти своею независимою дорогою. Она, конечно, доставляетъ матеріалы для науки тамъ, гдѣ ее удобно наблюдать, гдѣ она создаетъ юридическіе памятники, гдѣ въ ней принимаютъ участіе образованные классы. Но въ Россіи раздѣленіе сословій нельзя поставить въ вину факультетамъ. У насъ десять лѣтъ назадъ трудно было думать объ изученіи народныхъ обычаевъ: они нигдѣ не записывались и не сохранялись. Образованный человѣкъ сталкивался съ юридическою жизнію народа только какъ чиновникъ. Теперь, когда развились мировыя учрежденія, — другое дѣло. Теперь открывается возможность юристамъ работать на этомъ поприщѣ. Вообще на университеты въ Россіи смотрятъ, какъ на всемогущія учрежденія: отъ нихъ требуютъ часто того, что они безсильны создать или передѣлать. Они нигдѣ не обнимали всей жизни народа въ своихъ стѣнахъ. Даже изученіе права въ его разносторонникъ источникахъ и сложномъ движеніи требуетъ раздѣленія труда между профессорами и практиками, между органами государства и органами народа. Гдѣ нѣтъ просвѣщенныхъ судей и адвокатуры, тамъ наука непзбѣжно стоитъ одиноко, внѣ связи съ жизнію. Насъ увѣряютъ, далѣе, что мы лучше знаемъ иностранное, напримѣръ, римское и германское законодательство, чѣмъ свое соб-

ственное [1]. Неужели? Посмотрите на русскую юридическую литературу послѣднихъ двадцати-пяти лѣтъ. О чемъ у насъ больше всего писали? Конечно о памятникахъ отечественной юриспруденціи, о Русской правдѣ, о судебникахъ, объ уложеніи и проч. Чѣмъ занималась археографическая коммиссія? Чѣмъ наполнены «Архивъ» Калачева и другія изданія подобнаго рода? Нѣтъ нужды отвѣчать на эти вопросы. Факты говорятъ сами за себя. Развѣ нашимъ юристамъ приходило въ голову, какъ докторамъ среднихъ вѣковъ, вытѣснять «добрые старые обычаи» народа и навязывать ему иноземное право? Вмѣсто того, чтобы безтолково глумиться надъ факультетами, не лучше ли ихъ совершенствовать и преобразовать такъ, чтобы они приносили возможную пользу обществу и государству? Съ этой послѣдней точки зрѣнія есть въ университетскомъ образованіи дѣйствительные пробѣлы и недостатки, объ устраненіи которыхъ слѣдуетъ серьезно позаботиться. Именно юридическій факультетъ не отвѣчаетъ современнымъ нуждамъ вотъ съ какой стороны. Его составъ не полонъ, его силы устремлены главнымъ образомъ на отечественное законовѣдѣніе; въ немъ почти не дано мѣста нау-

[1] По мнѣнію г. Жуковскаго, мы всѣ погибаемъ отъ пристрастія къ нѣмецкимъ юристамъ, отъ поклоненія Бунчли, Игерингу, Молю. Желательно пересчитать погибшихъ и спасти остальныхъ! Кажется, первыхъ найдется немного. Даже Мейеръ, не смотря на свое происхожденіе и путешествіе въ Германію, уцѣлѣлъ для Россіи и принесъ большую пользу. Кавелинъ тоже трудился, и слѣд. былъ спасенъ. Но нужно ли опровергать всѣ дикія выходки, которыми наполнены журналы въ нынѣшнее время!

камъ политическимъ. Между тѣмъ отъ него требуютъ, чтобы онъ выпускалъ людей «*годныхъ для всѣхъ родовъ государственной службы*». Спрашивается: имѣютъ ли практическій смыслъ такія требованія? Конечно, при патріархальномъ устройствѣ службы, людей не разбираютъ и даже неспрашиваютъ, чему ихъ учили въ университетѣ. Гдѣ можно безъ затрудненія посадить военнаго человѣка на судейскую скамью, гдѣ морякъ быстро дѣлается дипломатомъ, гдѣ даже для полицейскаго пристава не совсѣмъ закрыта профессорская каѳедра, тамъ чиновника считаютъ машиною, выдуманною для пріисканія законовъ и редакціи оффиціальныхъ бумагъ, тамъ искусство управленія состоитъ преимущественно въ дисциплинировкѣ ума, въ почтительности къ старшимъ, въ умѣньи молчать, повиноваться и дѣлать, что прикажутъ, въ строгости къ низшимъ, въ нагломъ и повелительномъ обращеніи съ народомъ. Но теперь, говорятъ, измѣнились наши взгляды на обязанности чиновниковъ. Если это правда, нужно поставить наши высшія учебныя заведенія въ такое положеніе, чтобы они могли воспитывать и приготовлять не казенныхъ законовѣдцевъ, а *полезныхъ государству слугъ и защитниковъ общества*.—Не я одинъ доказываю (весь харьковскій университетъ былъ того-же мнѣнія), что очень удобно и полезно раздѣлить юридическій факультетъ на два разряда, согласно естественному дѣленію наукъ и устройству государственной службы. Извѣстно, что въ странахъ просвѣщенныхъ юстиція идетъ независимо отъ администраціи, что вездѣ и та и другая имѣетъ свою сферу, свои органы, свои техническіе пріемы и

способы дѣятельности. Первый разрядъ юридическаго факультета можно бы устроить именно такимъ образомъ, чтобы въ немъ молодые люди посвящали себя изученію гражданскаго и уголовнаго права, также судоустройства и судопроизводства. Науки эти, въ современномъ ихъ объемѣ довольно обширны и сложны. Къ нимъ слѣдуетъ присоединить, кромѣ того, энциклопедію правовѣдѣнія и русскіе государственные законы, римское право, исторію законодательства и правовѣдѣнія вообще, судебную медицину и судебную психологію. Въ такомъ видѣ юридическій разрядъ будетъ соотвѣтствовать и своему названію, и общественному назначенію. Изъ него выйдутъ просвѣщенные судьи и адвокаты, которыхъ у насъ вовсе нѣтъ, прокуроры, судебные секретари и пр., словомъ — спеціалисты, основательно приготовленные къ своему дѣлу. Отъ этого конечно выиграетъ не одна юстиція, но гражданственность вообще.

О второмъ разрядѣ юридическаго факультета поговоримъ подробнѣе. Какъ бы его ни назвали у насъ, административнымъ или политическимъ, — все равно. Дѣло не въ словахъ, а въ томъ, чтобы государственныя науки заняли здѣсь главное мѣсто и были изучаемы основательно. На это больше всего слѣдуетъ обратить вниманіе. Подъ именемъ администраціи въ обширномъ смыслѣ разумѣется нѣсколько отраслей государственной службы, такъ-же тѣсно связанныхъ между собою, какъ отдѣльныя отрасли юстиціи. Сюда относится именно: устройство и охраненіе общественнаго порядка внутренними мѣрами (собственно администрація), финансовая или экономическая дѣятельность и наконецъ дѣя-

тельность дипломатическая. Понятно, что административный разрядъ принесетъ огромную пользу, когда молодые люди будутъ получать въ немъ всестороннее политическое образованіе, когда изъ нихъ будутъ выходить государственные люди, публицисты и полезные общественные дѣятели. Юридическій факультетъ, при нынѣшнемъ его составѣ и направленіи, въ силахъ приготовить только законовѣдцевъ. Онъ находится именно въ такомъ положеніи, въ какомъ стояли факультеты utriusque juris въ Европѣ, когда авторитетъ римскаго и каноническаго права ослабѣлъ или былъ вытѣсненъ новыми элементами и явленіями жизни общественной. Изучать политическія науки слѣдуетъ иначе, чѣмъ изучать отечественное законовѣдѣніе. Юристы и публицисты могутъ и должны часто расходиться во взглядахъ, въ направленіи, а слѣдовательно и въ воспитаніи. Въ глазахъ юриста законъ и судъ — главный предметъ; публицистъ долженъ обращать вниманіе на положеніе народа, на потребности общества, на пользу государства и на многое другое больше, чѣмъ на законы и суды. Исторія, общественная экономія и статистика — вотъ науки, которыя должны стоять во главѣ административнаго разряда. Имъ, мнѣ кажется, слѣдовало бы посвятить, вмѣстѣ съ политическою энциклопедіею или пропедевтикою, по крайней мѣрѣ два года университетскаго курса. Онѣ дадутъ *положительный фондъ знанія* и практическое направленіе будущимъ общественнымъ дѣятелямъ, администраторамъ и публицистамъ. За-тѣмъ уже молодые люди приступятъ къ изученію собственно государственныхъ наукъ или публичнаго права и по-

литики со всѣми подраздѣленіями. Впрочемъ, о педагогическомъ устройствѣ предполагаемаго разряда здѣсь нѣтъ нужды подробно распространяться: оно понятно изъ предыдущихъ страницъ и отчасти зависитъ отъ мѣстныхъ удобствъ и соображеній. Во всякомъ случаѣ, организація этого разряда не потребуетъ на первый разъ увеличенія въ количествѣ профессоровъ. Одну, много двѣ каѳедры слѣдовало бы прибавить или, точнѣе, раздѣлить. Такъ думалъ и харьковскій университетъ, представляя проектъ новаго устройства. Въ надеждѣ, что онъ будетъ скоро приведенъ въ исполненіе, я считаю обязанностью только доказывать его выгоды и вызывать къ нему сочувствіе просвѣщенной публики. Если бы мой голосъ и мои силы въ этомъ дѣлѣ много значили, я бы обратился къ добрымъ гражданамъ Россіи, ко всѣмъ, кто любитъ свое отечество не на словахъ, а искренно, — чтобы они способствовали зависящими отъ нихъ средствами успѣху этого великаго дѣла. Я не знаю воспитательной реформы, которая была бы важнѣе, необходимѣе для насъ въ теперешнее время. Мы всѣ жалуемся на недостатокъ способныхъ и образованныхъ руководителей общества. Гдѣ же — скажите — взять ихъ, какъ не въ университетахъ? Подъ защитою этихъ неоцѣненныхъ для Россіи учрежденій сберегаются сѣмена знанія и передаются въ руки молодыхъ поколѣній. Наша святая обязанность сдѣлать знаніе сколько возможно плодотворнымъ, практическимъ, приноровить его къ нашимъ нуждамъ и такимъ образомъ возвысить положеніе общества, ускорить его успѣхи, уменьшить его страданія. Отъ чего — скажите — происходятъ язвы

Россіи, что кладетъ на жизнь нашу тяжелое ярмо и невыносимый гнетъ, останавливаетъ, путаетъ и обезкураживаетъ насъ на каждомъ шагу? Невѣжество. Въ немъ главный, если не единственный источникъ безъурядицы, страдательнаго или безсильнаго прогресса, нашихъ жалобъ, слезъ и проклятій. Съ нимъ нужно бороться всѣми силами; ему нужно объявить непримиримую войну и не давать *пардона*. Но какъ одолѣть невѣжество? Я не говорю о насильственныхъ или радикальныхъ средствахъ противъ него: я ихъ не знаю. Мнѣ кажется, ничто кромѣ правды не можетъ одолѣть неправды; ничто кромѣ науки не можетъ одолѣть невѣжества. Положимъ такъ, подумаетъ иной: да плодовъ отъ науки ждать долго! Что дѣлать? Невѣжество въ огнѣ не горитъ, на водѣ не тонетъ; его нельзя ни наказать, ни въ Сибирь сослать. Оно засѣло между нами прочно и пустило корни. Чтобы вырывать эти корни, будемъ терпѣливы и дѣятельны. Пусть каждый работаетъ по мѣрѣ силъ. Начнемъ подкапывать зло съ разныхъ сторонъ, рыть глубоко землю, авось, достигнемъ цѣли. У насъ нѣтъ орудій и машинъ. Привеземъ на первый разъ изъ-за моря, а потомъ сдѣлаемъ свои. Наука на западѣ сильна; пора ее пустить въ ходъ. Если что въ ней не ладно, смѣтливые люди поправятъ не на-обумъ, а съ толкомъ, узнавши дѣло собственнымъ опытомъ. Если жизнь наша коротка, что за бѣда? Выучимъ дѣтей; они пойдутъ дальше, начавши съ молоду владѣть умственными орудіями. Нужно только, чтобы они полюбили трудъ, а не празднословили, какъ теперь дѣлаютъ. Насъ невѣжество, говорятъ, облѣни-

ло, обезобразило. У молодежи больше силъ и вѣры въ себя. Тѣмъ лучше. Пусть упражняютъ силы и не тратятъ вѣры!

Странно, подумаетъ иной, ожидать столько добра отъ раздѣленія факультета: какъ будто бы черезъ это весь міръ выиграетъ. Нѣтъ, не странно. Кто мастеръ перестроить весь міръ по своему, пусть берется. Не у каждаго на это хватитъ силъ и самонадѣянности. Большинство людей имѣетъ спеціальное призваніе, особенную работу, ограниченную сферу для дѣятельности. Кто занятъ университетскимъ преподаваніемъ, тому естественно думать объ устройствѣ факультетовъ, о методахъ, о лекціяхъ и пр. Иногда, какъ въ настоящемъ случаѣ, отъ выбора удобныхъ средствъ и способовъ къ изученію той или другой науки зависитъ польза гражданственности и, слѣд., очень многое. Наука о государствѣ у насъ, едва зародившись, заглохла и между тѣмъ оказывается настоятельно-нужною. Ея укрѣпленіе на Русской землѣ будетъ непремѣнно сопровождаться разумною и постепенною перестройкой нашего общественнаго быта. Чего-же больше? Не только раздѣленіе факультета, но раздѣленіе всякаго труда достойно вниманія: въ немъ выражается жизненная потребность; его правильность—залогъ успѣха. Работать безъ толку и работать съ толкомъ — не одно и то-же. Экономія силъ, времени и орудій очень полезна. Заботы о методѣ и классификаціи наукъ свойственны не однимъ схоластикамъ, подъ которыми наши модные журналы разумѣютъ профессоровъ и всѣхъ ученыхъ. Бэконъ почти цѣлую жизнь толковалъ объ этомъ и его

толки болѣе содѣйствовали умственному прогрессу, скорѣе привели къ новымъ открытіямъ, нежели крики и свистъ самодуровъ. Неужели эти недоученые и доморощенные *таланты* будутъ руководителями русскаго общества? Быть не можетъ. Дѣло пойдетъ гораздо проще и успѣшнѣе, если направить любознательныхъ людей къ серьезному труду съ молодыхъ лѣтъ и позаботиться о воспитаніи цѣлыхъ поколѣній. Если мы желаемъ, чтобы наука о государствѣ у насъ пустила корни, стала доступною и понятною дѣятельнымъ гражданамъ, имѣла вліяніе на общество, — то для ея распространенія нѣтъ живыхъ органовъ надежнѣе нашихъ университетовъ. Но искренно ли мы этого желаемъ? Не берусь отвѣчать за всѣхъ. По видимому, должны бы желать — и вотъ по какимъ причинамъ.

Политическое просвѣщеніе есть потребность свободнаго народа. Она обнаруживается именно съ того времени, когда общество приходитъ къ сознанію своихъ правъ и обязанностей, начинаетъ заботиться объ улучшеніи своего быта и смотритъ на государство, какъ на учрежденіе, основанное въ видахъ пользы гражданской. Даже тамъ, гдѣ самоуправленіе мало развито, какъ напр. во Франціи, мы замѣчаемъ со стороны народа горячее участіе къ государственнымъ дѣламъ. Отъ чего происходитъ это? Отъ того, что понятіе о благѣ общемъ доступно самымъ простымъ людямъ; отъ того, далѣе, что всякій смышленый народъ помнитъ прошедшую жизнь отечества, имѣетъ хоть темное представленіе о своей исторической судьбѣ, о своихъ успѣхахъ и неудачахъ, одинакія заботы о будущемъ. Неудовле-

тельно, что грамотность служитъ такимъ народамъ преимущественно къ тому, чтобы читать политическіе журналы и газеты. Для многихъ людей это — единственное чтеніе. Дѣловому человѣку некогда учиться; но у него всегда найдется время заглянуть въ листокъ текущихъ извѣстій и поговорить съ пріятелемъ или сосѣдомъ о томъ, что происходитъ на свѣтѣ. Политическіе резонеры и энтузіасты попадаются вездѣ какъ въ богатыхъ, такъ и въ самыхъ низшихъ классахъ общества.

Поэтому, для свободнаго народа очень важно имѣть дѣльные журналы и газеты. Они собственно не орудія науки, но вѣстники событій и органы молвы. Больше всего нужно, чтобы они были толковиты и отвѣчали потребностямъ общества. Журналистика, конечно, содѣйствуетъ распространенію ходячихъ истинъ, но на нее нельзя смотрѣть, какъ на лабораторію мысли и знанія. Она не замѣняетъ школы, не имѣетъ ни времени, ни средствъ къ серьезнымъ, глубокимъ изысканіямъ, не воспитываетъ людей, какъ университетъ, не даетъ имъ опыта, какъ жизнь, даже не заботится о стройности, гармоніи и систематикѣ сообщаемыхъ свѣдѣній. Она сообщаетъ людямъ новости; давно добытое, усвоенное, вошедшее въ практику для ней менѣе интересно. Къ несчастію, наша журналистика не отвѣчала даже этимъ требованіямъ и между тѣмъ брала на себя учительскую, руководящую, почти олимпійскую роль. Нѣтъ у насъ ремесла, къ которому бы по правилу, т. е. по обычаю, люди меньше готовились,

чѣмъ къ ремеслу журналиста и газетчика [1]. Для редактора, говорятъ, нуженъ только капиталъ, да полезны нѣкоторыя практическія качества; знанія, твердаго направленія, просвѣщеннаго взгляда не требуется. Люди соединялись при изданіи журналовъ рѣдко единомысліемъ, чаще случаемъ и денежными разсчетами. Впрочемъ, и въ матеріальномъ отношеніи журналы не развивали духа общихъ предпріятій или ассоціацій. Редакторъ бралъ себѣ львиную долю барышей; лучшіе ревнители періодическаго изданія замарывали себя приготовленіемъ и поставкою сочиненій къ сроку, обстоятельства не позволяли имъ сосредоточиться и направить свои силы по указанію таланта. Вмѣсто раздѣленія труда господствовалъ самый наивный и поверхностный энциклопедизмъ. Всякій грамотѣй, бойкій на словахъ фельетонистъ, литературныхъ дѣлъ мастеръ и борзописецъ становился публицистомъ, когда указывала надобность. Если прибавить къ этому литературную централизацію въ Россіи и характеръ или устройство столичной жизни, то нечего удивляться отсутствію у насъ дѣльныхъ, знающихъ и почтенныхъ журналистовъ. Но особенно печально видѣть, какъ систематически и безпощадно губитъ нашу молодежь журнальная работа, сколько силъ на нее было растрачено по мелочамъ, безъ пользы! Вѣдь толстыя книги періодическихъ изданій двигали впередъ не науку, а дилетантизмъ въ наукѣ.

---

[1] Я не говорю объ исключеніяхъ. Пушкинъ, напр., первый высказалъ высокій взглядъ на обязанности журналиста.

Политическія хроники и обозрѣнія въ нашихъ журналахъ большею частью не писались, а сгрянались и пеклись на литературной кухнѣ! Самостоятельный взглядъ въ нихъ рѣдко высказывался; весь матеріалъ былъ заимствованъ изъ иностранныхъ книгъ и летучихъ листковъ, оригинальность была видна развѣ въ кривыхъ толкахъ и голословной бранн. Мы не имѣемъ не только ни одной народной газеты, но даже такой, которая бы вполнѣ удовлетворяла требованіямъ просвѣщеннаго класса читателей. А между тѣмъ всѣ стремились быть популярными и гонялись за популярностью! Намъ придется еще долго ждать, прежде чѣмъ мы будемъ читать нѣчто подобное «Times» или хоть лучшимъ французскимъ газетамъ, пока наши ежемѣсячныя изданія дадутъ намъ то, что даютъ Англичанамъ «магазины» и «обозрѣнія». Говорятъ, здѣсь нужно винить не людей, а обстоятельства: способные люди являлись, но гибли по неизбѣжному закону судьбы. Какъ бы то ни было, нездоровое направленіе журналистики для насъ очень чувствительно: она давно поглощаетъ въ себѣ почти всю литературу.

Если мы перейдемъ отъ журналовъ къ политическимъ сочиненіямъ и брошюрамъ, здѣсь окажется круговая бѣдность. Ни въ чемъ мы столько не зависѣли отъ иностранцевъ, сколько въ нашихъ мысляхъ о государствѣ. Можетъ быть, до времени это неизбѣжно и согласно съ законами нашего развитія, но все же пробавляться вѣчно чужими идеями не слѣдуетъ. Нужно думать за себя, изучать свои потребности и рѣшать собственные вопросы самостоятельно.

И въ томъ и въ другомъ отношеніи русское политическое воспитаніе должно быть предметомъ неусыпныхъ заботъ. Университеты представляютъ средства приготовить не дилеттантовъ, а спеціалистовъ, которые притомъ выйдутъ изъ всѣхъ классовъ народа. И до сихъ поръ лучшіе наши писатели и общественные дѣятели воспитывались въ высшихъ, открытыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Къ несчастію, наука о государствѣ не имѣла гражданства даже въ аудиторіяхъ. Ее изучали отрывочно; она разбросана по частямъ. Части эти требуется соединить въ одно стройное цѣлое и организовать правильно, разумно, какъ указываетъ примѣръ сосѣдей и наша собственная жизнь.

Итакъ, политическое отдѣленіе въ университетахъ будетъ полезно не только потому, что приготовитъ людей къ государственной службѣ, но и потому, что положитъ въ Россіи основаніе общественной наукѣ и здоровой, серьезной журналистикѣ. Въ немъ можно образовать кромѣ дипломатовъ, экономистовъ и администраторовъ, также историковъ и публицистовъ. Они выйдутъ изъ университета если не съ опытомъ, который всегда дается жизнію, то съ свѣдѣніями, съ направленіемъ, призваніемъ и любовью къ своему дѣлу. Многіе между ними, такъ или иначе, раньше или позже, будутъ руководителями общества на пути гражданскаго прогресса.

Но нужно ли распространяться въ наше время, о пользѣ государственныхъ наукъ? Къ несчастію, нужно, по крайней мѣрѣ въ Россіи, гдѣ объ нихъ не многіе имѣютъ правильное понятіе. Въ самомъ дѣлѣ, есть между нами люди, которые вѣрятъ во всемогущество политическихъ истинъ; есть и такіе, которые совершенно не считаютъ ихъ за истины. И та и другая партія вдается въ крайность. Знаніе, конечно, есть движущая сила въ обществѣ, но сила духовная, человѣческая. Примѣненіе этой силы къ жизни практической требуетъ искусства; но она дѣйствуетъ всегда благотворно, потому что, разрушая, создаетъ что-нибудь новое и лучшее. Употребить ее во зло нельзя: какъ сила умственная, она идетъ путемъ убѣжденія, и слѣдовательно мирно. Усовершать общество наукою значитъ отказаться отъ средствъ принудительныхъ и жестокихъ, отъ произвола и фанатизма. Единственное орудіе истины — свобода, другихъ средствъ къ распространенію истины нѣтъ и не будетъ. Насиліе во имя науки безмысленно и ведетъ къ обскурантизму.

Отсюда объясняется тягостная и между тѣмъ неизбѣжная медленность, съ которою примѣнялись государственныя науки даже тамъ, гдѣ, насажденныя вѣками и преемственнымъ трудомъ, онѣ выросли и окрѣпли, гдѣ ихъ нельзя вырвать изъ земли, именно въ Европѣ. Вотъ что говоритъ Роберть Моль о вліяніи новыхъ идей и открытій въ политикѣ на дѣйствительную жизнь

и судьбу народовъ [1]. «Главный вопросъ для насъ состоитъ въ томъ: до какой степени наука о государствѣ содѣйствовала истинному благу людей? Отвѣчать на него можно слѣдующимъ образомъ: она облагородила, во-первыхъ, нравы и подвинула просвѣщеніе, т. е. раскрыла людямъ цѣль общежитія и средства устроить его спокойно, правильно, безъ кровопролитія. Чѣмъ яснѣе мы сознаемъ свое назначеніе, тѣмъ сильнѣе желаемъ его достигнуть. Все, что помогаетъ рѣшить эту великую задачу, не есть *пустое знаніе;* но имѣетъ огромную цѣну и вполнѣ достойно труда благородныхъ людей. Вліяніе науки о государствѣ на жизнь ежедневную или практическую также трудно отрицать. Разумѣется, государства могутъ быть основаны и основываются безъ помощи науки. Они происходятъ задолго до того времени, пока люди начнутъ думать о цѣли, условіяхъ и формахъ общежитія и существуютъ цѣлые вѣка, находя въ себѣ довольно силы, чтобы удовлетворять хоть самымъ настоятельнымъ нуждамъ народовъ.

Справедливо и то, что нерѣдко люди, не имѣя научныхъ свѣдѣній о государствѣ, совершали великое и полезное, властвовали благоразумно, повелѣвали доблестно и заботились искренно о благѣ народномъ. Врожденный умъ, опытъ, наблюдательность, чувство долга, соединясь въ одномъ лицѣ, производятъ достойныхъ монарховъ и правителей.

Справедливо и то, что даже теперь далеко не всѣ образованные народы имѣютъ разумныя учрежденія,

[1] *Mohl*, III, 726—731.

Произволъ своекорыстный и недальновидный еще повелѣваетъ многими странами, и милліоны людей служатъ ему безсловесными орудіями. Есть такія государства, которыя мѣшаютъ духовному развитію народовъ; есть другія, гдѣ дѣтскія или возмутительныя привилегіи отдѣльныхъ лицъ вредятъ общему благу и справедливости къ массамъ; есть третьи, гдѣ лучшіе помыслы и реформы разбиваются о лѣность и своекорыстіе, гдѣ темными интригами побѣждаются общеполезныя стремленія; наконецъ, есть и такія, гдѣ невѣжество и грубые инстинкты массъ заглушаютъ голосъ права и нравственности, гдѣ честныя и просвѣщенныя души преклоняются предъ могуществомъ черни.

Справедливо далѣе, что исторія и политика не просвѣщаютъ близорукаго своекорыстія, не удерживаютъ страстей и личнаго честолюбія своимъ ученіемъ. Люди рѣдко способны принести нужныя жертвы къ достиженію высокихъ цѣлей и для пользы науки. Такъ мы видимъ, напр., что раздоръ и безсиліе поддерживаются у самыхъ образованныхъ народовъ, хотя вредъ, отсюда происходящій, доказанъ ясно и слишкомъ чувствителенъ для общества, что привязанность къ игрѣ въ солдаты мѣшаетъ устройству народныхъ армій, отъ которыхъ, по указанію исторіи, въ случаѣ опасности, только и можно ждать спасенія отечества. Хотя странный опытъ убѣдилъ, какую ненависть порождаютъ оскорбительныя привилегіи меньшинства, какое возмездіе влекутъ онѣ за собою, — тщеславіе и своекорыстіе держатся за нихъ крѣпко обѣими руками. Напрасно учила наука, что стѣсненіе общественнаго мнѣнія ги-

бельно, порождаетъ мракъ и, закрывая роть подданнымъ, ослѣпляетъ глаза правительству на-счетъ его собственнаго положенія. Напрасно проповѣдывала она, что дурно вознаграждаемые чиновники дѣлаются ворами, что произвольное обращеніе съ ними убиваетъ въ нихъ чувство чести и способности къ службѣ: рутина, ложно понятая бережливость и властолюбіе упорно стоятъ за старые порядки. Нѣтъ ничего яснѣе, какъ опасность для государства отъ неумѣреннаго выпуска бумажныхъ денегъ, и однакоже есть правительства, которыя готовы рисковать невѣжественно и легкомысленно своею судьбою ради воображаемыхъ выгодъ. Убѣжденіе, что рабство ведетъ народы къ страданіямъ и смерти, не освобождаетъ невольниковъ: жадность и жестокость готовы идти на погибель съ господскою властью; наконецъ, уроки исторіи не удерживаютъ во многихъ странахъ духовенства отъ вмѣшательства въ свѣтскія дѣла....

Справедливо, къ несчастію, что общественныя реакціи неизбѣжны и случаются даже тогда, когда разумъ, истина и честное убѣжденіе, по видимому, одержали побѣду. Иногда, напр., солдатское владычество охватываетъ и такія государства, гдѣ общая польза уже признана однажды за цѣль правленія, гдѣ участіе народа въ дѣлахъ общественныхъ допущено, гдѣ свобода мысли распространилась и породила богатую умственную дѣятельность. Нерѣдко эпохи фанатизма слѣдуютъ за эпохами религіозной терпимости, нерѣдко самыя торжественныя обѣщанія, данныя народами, забываются, когда проходитъ опасность....

И не смотря на все это, въ дѣйствительной жизни много хорошаго произвела наука.

Почти во всѣхъ образованныхъ государствахъ юстиція находится если не въ безукоризненномъ, то въ удовлетворительномъ состояніи. Она независима отъ администраціи. Чрезвычайные суды, личныя вторженія исполнительной власти въ юрисдикцію судовъ обыкновенныхъ почти прекратились; процессы ведутся разумнѣе. Короче сказать, права всѣхъ и каждаго теперь лучше обезпечены въ государствахъ, чѣмъ когда-нибудь... Въ государственномъ хозяйствѣ устранены злоупотребленія. Откупная система подорвана, подати хотя возвысились во многихъ странахъ, но распредѣлены справедливѣе; личные расходы государей отдѣляются отъ расходовъ государственныхъ; общественный кредитъ сдѣлался твердымъ и построенъ на разумныхъ основаніяхъ; монетная регалія оказываетъ теперь услуги народу и перестала быть средствомъ обмана....

Немногіе остатки старыхъ обычаевъ относительно продажи и раздачи должностей неспособнымъ сохранились. На чиновника смотрятъ какъ на представителя власти общественной, а не какъ на частнаго слугу; на каждую должность стараются найдти годныхъ людей. Вмѣсто грабежа, тягостныхъ пошлинъ и безчисленныхъ задержекъ на дорогахъ,.. мы видимъ, что признана свобода сообщеній и поставлена подъ защиту государства!... Кругомъ возникли разнообразныя учрежденія для охраненія жизни и здоровья гражданъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда они сами не могутъ этого достигнуть. Средства къ образованію народа открыты

и расширены; правительства убѣдились въ его пользѣ. Вообще граждане призываются къ участію въ публичныхъ дѣлахъ. Отсюда многосторонность при обсужденіи законовъ, экономія въ расходахъ, уваженіе правительства къ общимъ желаніямъ, и, что всего важнѣе, успѣшная борьба съ произволомъ, лѣностью и своекорыстіемъ.

Далека отъ насъ смѣшная мысль приписать всѣ эти успѣхи одному вліянію науки. Ея главные мастера рѣдко имѣли власть; ученики этихъ тружениковъ также или не стремились страстно къ истинѣ, или не повелѣвали народами. Многое добыто изъ самой жизни, силою природы и обстоятельствъ. Личный опытъ, непосредственное изученіе практическихъ нуждъ и средствъ общества, добрая воля, движимая не теоретическимъ знаніемъ, а чувствомъ долга, природныя, не ученыя дарованія устранили много вреднаго и ввели много хорошаго. Но и наукѣ принадлежитъ въ этомъ по праву доля заслугъ и славы. Не говоря объ отдѣльныхъ безчисленныхъ случаяхъ, когда она человѣку, вооруженному властью и добрыми намѣреніями, внушила мысль, дала совѣтъ, доказала пользу или необходимость извѣстнаго учрежденія, — *она дѣйствовала главнымъ образомъ силою общественнаго мнѣнія.* Это мнѣніе не всегда побѣждало, даже не всегда склонялось на сторону науки, но если оно просвѣщено и проникнуто здравымъ убѣжденіемъ, ему въ концѣ концовъ приходится уступить и безполезно сопротивляться. И если наука ясно и вполнѣ докажетъ извѣстныя истины, если она не ослабѣваетъ повторять ихъ при каждомъ удоб-

номъ случаѣ и бороться съ заблужденіями, то она можетъ, овладѣвъ умомъ народа, вызвать общій голосъ въ пользу реформы и такимъ образомъ достигнуть практическаго вліянія. Короче сказать: наука безспорно имѣетъ силу побуждать къ добру людей одаренныхъ, образованныхъ или высоко-поставленныхъ, а на толпу дѣйствовать посредственно, неодолимымъ потокомъ мнѣнія, при благопріятныхъ обстоятельствахъ».

Этими словами Моль опредѣляетъ вліяніе политическихъ наукъ на весь образованный міръ; но если мы сообразимъ судьбу отдѣльныхъ государствъ, то замѣтимъ, что вліяніе это было неравномѣрно. Однимъ народамъ суждено идти впереди, другимъ назади, для однихъ благопріятныя обстоятельства къ развитію наступаютъ раньше, для другихъ позже. Такъ, Англія была счастливѣе континентальныхъ странъ Европы въ политическомъ отношеніи. Здѣсь уже къ концу среднихъ вѣковъ граждане принимали участіе въ дѣлахъ общественныхъ и появились замѣчательные публицисты. Напротивъ, гдѣ свобода мысли и слова была стѣснена, гдѣ господствовалъ духъ обскурантизма, и просвѣщеніе было подавлено, тамъ государственныя учрежденія остались на-долго грубыми и варварскими, тамъ система управленія поддерживалась больше силою, чѣмъ искусствомъ и знаніемъ народныхъ нуждъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что наука вездѣ, гдѣ ее не останавливали, была орудіемъ мирнаго, спокойнаго, послѣдовательнаго движенія впередъ и имѣла характеръ практическій. Напротивъ, гдѣ препятствовали ея правильному развитію, тамъ легко раждались теоріи

отвлеченныя и разрушительныя. Такъ, Франція доведена была до кроваваго переворота долголѣтнимъ стѣсненіемъ политической мысли и жизни. Испанія, въ слѣдствіе инквизиціи и деспотизма, стала на краю погибели и до сихъ поръ находится въ летаргіи. Италія проснулась только въ послѣднее время, хотя наука, около трехъ-сотъ лѣтъ тому назадъ, указала ей соединеніе, какъ самый вѣрный путь къ благосостоянію. Въ Америкѣ мы замѣчаемъ тѣ-же явленія. Соединенные штаты устроились блистательно подъ вліяніемъ идей XVIII вѣка. Идеи эти не трудно было примѣнить на свѣжей почвѣ къ народу, воспитанному въ духѣ англійскихъ законовъ, которые перешли сюда безъ исторической примѣси. Публицисты умѣли здѣсь воспользоваться федеративными началами общественнаго быта и поняли потребности страны. Одного учрежденія не могли искоренить они въ новомъ свѣтѣ — рабства, и оно, какъ нарочно, подкапываетъ въ наше время великолѣпный храмъ Вашингтона. Напротивъ, испанскія колоніи испытываютъ судьбу метрополіи, т. е. вкушаютъ плоды невѣжества, тираніи и гражданскихъ войнъ. Что выйдетъ изъ этихъ республикъ, — сказать трудно.

Переходя къ нашему отечеству, мы съ перваго взгляда испытываемъ удивленіе. Какъ сложилось и выросло это безпримѣрно обширное и крѣпкое государство? Чѣмъ оно поддерживалось? Больше всего естественною силою народнаго притяженія, здравымъ смысломъ и доблестями своихъ строителей. Насъ тянуло къ Москвѣ, и мы вышли изъ удѣльной безъурядицы, стряхнули монгольское владычество и пережили литовское могу-

щество. Въ началѣ XVII вѣка наступилъ для насъ тяжелый кризисъ: намъ грозили самозванцы и Поляки. Казалось, государство московское рухнетъ. Но народъ вынесъ его на своихъ плечахъ. Ему независимость и единство были всего дороже. Онъ забылъ свои страданія при послѣднихъ Рюриковичахъ, свое недавнее закрѣпленіе и не далъ себя погубить въ-конецъ врагамъ внутреннимъ и внѣшнимъ. Самозванцы его обманывали самыми священными призраками; Поляки сулили ему горы счастья, но онъ, вѣрный и крѣпкій, отстоялъ Москву и выбралъ своего Царя. Героическій народъ! Какъ не желать ему пользы и просвѣщенія! Какъ не вѣрить и не надѣяться вмѣстѣ съ нимъ на будущее! Онъ терпѣлъ и трудился въ потѣ лица, принося великія жертвы своему государству. Онъ дождался наконецъ облегченія: ему даны гражданскія права. Россія перестала быть дворянско-крѣпостною державою и сдѣлалась свободною. Но до этого времени сколько еще испытаній суждено было пережить ей, сколько народной крови пролилось за нее! Шведская война, французская война, безчисленныя турецкія войны, севастопольскій разгромъ обошлись народу не дешево. Но онъ не унывалъ даже тогда, когда вся Европа падала. Въ 1812 году только двухъ государствъ не успѣлъ сокрушить Наполеонъ: Англійскаго и Русскаго. Нисколько не похожія одно на другое, государства эти оказались крѣпче всѣхъ остальныхъ. Должно быть, въ нихъ есть особенный закалъ! Они крѣпки духомъ, въ нихъ живущимъ, своею внутреннею энергіею, народнымъ характеромъ и патріотизмомъ. Въ этомъ—тайна ихъ су-

щественія. Англичане давно оцѣнили значеніе своего государства, давно стали усовершать его и возвеличивать. У нихъ въ рукахъ и знаніе, и богатство, и торговля и мало ли что! Они—народъ самый опытный и просвѣщенный политически. А мы! Признаемся чистосердечно: нѣтъ у насъ ни политическаго опыта, ни просвѣщенія. Кто виноватъ въ этомъ? виноваты люди сильные, богатые, возвышенные счастіемъ. Они не заботились о государствѣ, какъ слѣдуетъ добрымъ гражданамъ, а только извлекали изъ него для себя пользу. Они служили, чтобы выслужиться и нажиться. Они надѣялись на народъ въ минуту опасности, а въ спокойныя времена его презирали и грабили. Кто изъ насъ Богу не грѣшенъ и Царю не виноватъ? Да пора же покаяться на дѣлѣ! Пора убѣдиться, хоть чужимъ примѣромъ, что въ невѣжествѣ жить тяжело и несносно. Народный характеръ и патріотизмъ можетъ поддержать государство въ минуту опасности, но не въ силахъ просвѣтить его. Для этого нужна здоровая, неподдѣльная наука, нуженъ будничный, упорный, прозаическій трудъ на пользу гражданскую, нужны посильныя жертвы отъ каждаго честнаго человѣка. Теперь намъ не до славы, не до лавровыхъ вѣнковъ, не до тріумфовъ! Рукоплескать некому: людей нѣтъ! Нынѣшній прогрессъ не есть всесторонее движеніе впередъ: во многомъ не только не видно успѣха, но замѣчается реакція. Посмотрите безпристрастно кругомъ: увеличилось только число самозванныхъ публицистовъ, пустозвоновъ и крикуновъ, безграмотныхъ переводовъ, плохихъ журналовъ, да жиденькихъ статескъ для лег-

каго чтенія съ большими претензіями; смѣняются одна другою безплодныя теоріи; мы перепробовали всѣ философскія системы и дошли до нигилизма. А толку изъ этого нѣтъ-какъ-нѣтъ! И не будетъ, пока не придутъ настоящіе строители, труженики и друзья свободной Россіи. Гдѣ искать ихъ теперь? Даже въ университетахъ крѣпостныя преданія очень чувствительны и давятъ тяжелымъ гнетомъ нынѣшнее поколѣніе. Барчи большею частью лѣнивы и съ самаго дѣтства утратили рабочую силу; любознательные и энергическіе люди между ними являются рѣже и рѣже; людей изъ народа пробивается мало сквозь бѣдность и невѣжество, только бобыли да разночинцы учатся охотно, съ усердіемъ. Вообще плоды стараго порядка намъ еще долго вкушать! Онъ догниваетъ, по закону постепеннаго разложенія, больше на дѣтяхъ, чѣмъ на отцахъ. Просвѣщеніе наше перестанетъ быть искусственнымъ только тогда, когда поборниковъ и воспитанниковъ крѣпостнаго права смѣнитъ здоровое племя, закаленное на трудъ и подвиги гражданскіе. Мы не дождемся, вѣроятно, этого счастливаго времени, или увидимъ его на старости лѣтъ! Но наше дѣло приготовить и очистить путь потомкамъ къ истинному прогрессу, объяснить имъ, почему мы страдали, чего намъ не доставало въ жизни и чистосердечно радоваться ихъ успѣхамъ! Самосознаніе есть лучшее орудіе въ рукахъ одного поколѣнія, чтобы дѣйствовать на слѣдующее. Въ самосознаніи — эссенція всего, что испытано, придумано, пережито людьми въ извѣстную эпоху.

Сознавая глубоко, что мы были лишены граждан-

скаго воспитанія, что между нами рѣдко являлись люди, хорошо приготовленные къ общественной и государственной дѣятельности, что даже такіе люди обязаны развитіемъ больше себѣ самимъ, чѣмъ окружавшей ихъ сферѣ, что имъ было трудно сохранить энергію, что многіе изъ нихъ погибли отъ отчаянія и неблагопріятныхъ условій,—мы по крайней мѣрѣ ясно увидѣли, какія отсюда произошли невыносимыя страданія. Лучшія стремленія наши не принесли плода; самая добрая воля оказывалась несостоятельною средп лѣни, политическаго равнодушія и невѣжества кругомъ. Обстоятельства побудили насъ думать о благѣ народномъ, но мы не могли устроить разомъ того, что было запущено прежде насъ, въ теченіп многихъ лѣтъ. Событія застали пынѣшее общество въ расплохъ, безъ просвѣщенныхъ и добросовѣстныхъ руководителей, безъ гражданскаго опыта, безъ практическаго навыка и такта. Правительство, конечно, отказалось отъ старой системы; государство обновилось; выходъ къ свободному саморазвитію народа открыть на будущее время. Но живыхъ людей этимъ невозможно было передѣлать: они остались вѣрными своему воспитанію и сферѣ, въ которой выросли.

Какъ бы то ни было, мы можемъ надѣяться, что одни поколѣнія будутъ смѣняться другими, лучшими, и что жизнь постепенно устроится разумнѣе, правильнѣе. Общественные дѣятели выступятъ въ рядахъ нашихъ потомковъ. Мы обязаны по крайней мѣрѣ передать имъ свои лучшія думы. Для добрыхъ помысловъ и начинаній у насъ было больше энтузіазма и досуга, если не

покоя. Мы видѣли переходное время въ Европѣ и въ Россіи, испытывали неожиданныя бури и крушенія, въ нашихъ глазахъ сталкивались грозныя и враждебныя силы. Не всѣмъ достается на долю то, что выпало намъ! Отъ насъ можно кое-чему поучиться!

Русскіе люди, живніе въ половинѣ XIX вѣка, одни размышленіемъ, другіе тяжелымъ опытомъ пришли къ горькимъ и довольно любопытнымъ убѣжденіямъ. Эти убѣжденія можно выразить слѣдующими словами:

Въ обществѣ, закрѣпленномъ и неподвижномъ, гдѣ наружно образованное меньшинство презираетъ трудъ, а масса народа забита неволею, всякое знаніе теряетъ по крайней мѣрѣ половину своей цѣны. Если мы учимся чему-нибудь, то непначе какъ съ мыслію о томъ, чтобы устроить или возвысить гражданскую жизнь на землѣ, чтобы существовать вмѣстѣ съ другими и развиваться по-человѣчески. Но желая добра даже себѣ только, мы зависимъ много отъ людей и должны сталкиваться съ ними на каждомъ шагу. Если общество, насъ окружающее, коснѣетъ въ невѣжествѣ и рабствѣ, если оно идетъ какъ заведенная машина, если колеса этой машины безпрестанно изувѣчиваютъ и убиваютъ работниковъ, — самый чистый помыселъ о благѣ народномъ здѣсь кажется преступнымъ или смѣшнымъ, а политическія науки признаются или опаснымъ бременемъ или непужною роскошью, и не удовлетворяютъ даже эгоизму и тщеславію своихъ адептовъ. Можно ли гордиться тѣмъ, чему никто не завидуетъ? Что за радость владѣть богатствомъ, которое не цѣнится, ни къ чему не служитъ и лежитъ мертвымъ капиталомъ? Чтобы имъ

наслаждаться, нужно пустить его въ оборотъ, нужно имъ дѣйствовать. Средства для этого даются только въ обществахъ, построенныхъ на началахъ свободы, способныхъ къ совершенствованію, наполненныхъ гражданами. Здѣсь находитъ просторъ истина и наука; здѣсь понятія о достоинствѣ человѣка, о благѣ государства, о чести и славѣ народной получаютъ практическій смыслъ, реальное значеніе.

Вообще, наука о государствѣ тѣсно связана съ жизнію: она есть условіе и вмѣстѣ произведеніе гражданственности. Среди варварства ей нѣтъ выхода, нѣтъ поприща. Если ее прививаютъ искусственно, она не даетъ плодовъ, не выноситъ суроваго воздуха и чахнетъ, какъ больное дерево на неблагопріятной почвѣ. Другія науки могутъ процвѣтать въ школахъ, какъ въ оранжереяхъ; наука о государствѣ—не можетъ. Она должна зараждаться въ семействѣ и примѣняться въ обществѣ: колыбель ея въ семействѣ потому, что тамъ человѣкъ воспитывается къ жизни гражданской; сфера ея въ обществѣ потому, что тамъ только онъ является и дѣйствуетъ, какъ гражданинъ. Если семейныя понятія враждебны государству, если человѣкъ выходитъ изъ семьи съ исключительнымъ стремленіемъ наживаться на-счетъ народа, если ему не внушаютъ мысли о долгѣ общественномъ, а говорятъ только о своекорыстіи, о карьерѣ и успѣхахъ въ свѣтѣ, — школѣ трудно бороться съ этими понятіями. Дѣтскія воспоминанія сильны, примѣръ ближнихъ соблазнителенъ, жизнь полна искушеній. Съ другой стороны, если наука не имѣетъ практическаго авторитета въ государствѣ, если правп-

тельство смотритъ на нее враждебно, она, не будучи повѣряема въ жизни, получаетъ характеръ мечтательный и отвлеченный, становится теоріею и притомъ разрушительною. Всякая сдержанная мысль ищетъ выхода и стремится уничтожить поставленныя ей преграды. Какъ-бы ни казалась она безсильною, презирать ее не слѣдуетъ; какъ всѣ запретные плоды, она получаетъ вкусъ для многихъ и нерѣдко дѣйствуетъ наподобіе моды, или общей заразы. Такое болѣзненное развитіе науки раньше или позже, но непремѣнно, становится чувствительнымъ и вреднымъ для государства.

Счастливы народы, которые рано поняли значеніе политическихъ наукъ и не мѣшали ихъ развитію. Если они испытывали потрясенія, то не отъ умственной свободы, если они погибали, то не отъ любознательности и гражданскаго духа. Исторія, по крайней мѣрѣ, не записала такихъ печальныхъ фактовъ на своихъ страницахъ. Только за нарушеніе естественныхъ законовъ насъ казнитъ природа. Когда общество построено на неумолимомъ, безвыходномъ угнетеніи, ему грозитъ, навѣрное, опасность внѣшняя или внутренняя. Если даже ему удается избѣжать гражданскихъ переворотовъ, оно гибнетъ отъ войнъ. Крѣпкія государства обыкновенно выступаютъ палачами слабыхъ и развращенныхъ. Рабство во всѣхъ его видахъ есть возстаніе противъ естественныхъ законовъ міра нравственнаго. Основать прочное благоденствіе народа на грубой силѣ — невозможно. Одному человѣку еще удается, хоть рѣдко, избѣжать справедливой кары на землѣ за преступленія противъ себѣ подобныхъ, но цѣлому народу — никогда.

За-то безъ науки и просвѣщенія, какъ сказалъ Гарибальди, самая свобода не имѣетъ большой цѣны и крѣпости. Она является дикою, необузданною, противообщественною и скоро гибнетъ. Крушенія свободы мы видимъ преимущественно въ вѣка невѣжества, или послѣ того, какъ ея именемъ совершились насилія. Люди много страдали отъ непониманія и ложнаго примѣненія свободы, но наука не отвѣчаетъ за ихъ ошибки. Еще Аристотель далъ правильное и широкое опредѣленіе свободы политической: «она состоитъ въ томъ, во-первыхъ, чтобы принадлежать себѣ, или жить какъ угодно, а во-вторыхъ, въ томъ, чтобы вмѣстѣ управлять и повиноваться»[1]. Если повѣрить это опредѣленіе на практикѣ, окажется, что Германцы знали лишь одну половину свободы, а Греки — другую, и что романскіе народы удачно не примѣнили ни той, ни другой. Въ наше время изъ европейцевъ только Англичане, можно сказать, достигли зрѣлой, несокрушимой свободы въ своемъ государствѣ. У нихъ-же родилось въ первый разъ сознаніе и высказалась потребность *свободы* болѣе широкой, *общественной*. Этотъ высшій, послѣдній видъ свободы, вѣроятно, выработается не скоро. Государство его дать не въ силахъ: оно само не владѣетъ имъ, потому что во многомъ зависитъ отъ общества.

Лучшимъ залогомъ свободы политической въ жизни остается до сихъ поръ самоуправленіе. Но оно не прививается къ обществу, гдѣ люди не умѣютъ владѣть собою, гдѣ они не привыкли обуздывать своекорыстіе,

[1] Pol. VII, 2.

звѣрскія наклонности и страсти, гдѣ они равнодушны къ чужимъ бѣдствіямъ, а сами кричатъ при малѣйшей боли, тяготятся даже легкою обязанностью. Произволъ безпорядочныхъ массъ не есть самоуправленіе; нѣтъ ничего на землѣ хуже этого произвола надъ обществомъ. Самоуправленіе — счастливый удѣлъ спокойныхъ народовъ. Пріобрѣсти его легко, но удержать трудно. Нѣтъ народа, который бы, по крайней мѣрѣ разъ въ своей исторіи, не пользовался самоуправленіемъ; но мало такихъ народовъ, которые, употребивъ его во зло, не подпали бы надолго біорократіи и деспотизму.

Впрочемъ, при всемъ различіи племенныхъ характеровъ и образованія, каждый народъ можетъ улучшить свой политическій бытъ, если постоянно къ тому стремится. Греки не даромъ вѣрили, что благородная нація, руководимая самыми достойными изъ гражданъ, есть совершеннѣйшее государство на землѣ. Дѣйствительно всѣ формы правленія, основанныя на человѣческихъ законахъ, способны къ развитію подъ вліяніемъ людей, знающихъ потребности страны и проникнутыхъ національнымъ духомъ. Кто желаетъ добра себѣ и другимъ, тотъ найдетъ путь и средства дѣлать добро гражданское. Политическая мудрость состоитъ именно въ томъ, чтобы въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ не терять надежды и выбирать лучшую дорогу для защиты справедливости, чтобы никогда и ни на шагъ не отступать отъ человѣколюбія. Стремленія честныя, хотя-бы неудачныя, дѣйствуютъ сильно потому, что оставляютъ примѣры и находятъ подражателей. Самые грубые, самые испорченные народы уважаютъ чест-

ность, или, по крайней мѣрѣ, не пойдутъ противъ нея открыто. Милль говоритъ, что человѣкъ съ политическими убѣжденіями сильнѣе девяноста-девяти человѣкъ, у которыхъ нѣтъ ничего, кромѣ интересовъ. Въ Россіи же человѣкъ съ честными стремленіями къ благу общественному можетъ, по крайней мѣрѣ *теперь*, больше дѣйствовать на народъ, чѣмъ девятьсотъ-девяносто-девять невѣжественныхъ эгоистовъ, взятыхъ вмѣстѣ. Какъ-бы то ни было, воспитать честныя стремленія въ молодыхъ умахъ, подвинуть ихъ къ сознанію пользы гражданской, пробудить въ нихъ истинный патріотизмъ — дѣло великое. Хорошо, если-бы намъ удалось хотя его начать; оно будетъ продолжаемо другими, лучшими людьми. Если мы исполнимъ свой долгъ по мѣрѣ силъ, тогда мы можемъ сказать спокойно о себѣ: *мы не даромъ жили*; наши дѣла останутся за нами и послѣ насъ. Я думаю, что университеты — лучшія школы для политическаго просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ, что въ нихъ есть немало добрыхъ началъ и доброй воли. Нужно только устроить преподаваніе наукъ практически, разумно, направить нашу дѣятельность къ общему благу и безбоязненно, терпѣливо ожидать плодовъ науки. Трудно допустить, чтобы университеты, какъ лица юридическія, когда-нибудь стояли или современемъ стали на сторону безтолковой толпы. Университетамъ, повѣрьте, всегда была, есть и будетъ дорога Россія; ея крѣпость, слава и свобода найдутъ себѣ здѣсь защитниковъ въ лучшихъ людяхъ, въ истинныхъ друзьяхъ науки. Отсутствіе политическаго смысла обнаруживаютъ больше всего враги просвѣщенія и фанатики, которыхъ,

къ несчастію, у насъ вездѣ много; ихъ есть въ самомъ дѣлѣ серьезныя причины опасаться: они даже въ университетахъ учатся ради чиновъ, для формы, на-показъ, съ затаенною мыслію о житейскихъ благахъ. Кому эти блага дороже всѣхъ другихъ, тому всякое знаніе не въ прокъ и не въ добро. Замѣчательно однако, что даже люди, съ пеленокъ воспитанные въ эгоизмѣ и тщеславіи, попадая въ лучшую сферу, подъ вліяніе товарищей, сдерживаютъ злыя наклонности; они чувствуютъ себя сильными и свободными только тогда, когда возьмутъ въ руки дипломъ.

Повторяю, въ гражданскомъ воспитаніи многое зависитъ отъ семейства; въ немъ человѣкъ получаетъ первыя впечатлѣнія и понятія. Когда онъ выйдетъ изъ дому нравственно-испорченнымъ и насквозь растленнымъ, — трудно помочь ему. Если четыре года пребыванія его въ университетѣ его не исправятъ, тогда можно смѣло причислить его къ неизлечимымъ.

Я знаю изъ собственнаго, почти двадцати-лѣтняго опыта и наблюденія, что жизнь въ университетѣ дѣйствуетъ благотворно на самыя обыкновенныя натуры. Что касается до натуръ добрыхъ и свѣтлыхъ, онѣ находятъ для себя почти всегда отраду и поддержку между преподавателями и въ томъ, или другомъ мыслящемъ кругу молодежи. Въ этихъ натурахъ университетъ, навѣрное, пробудитъ сознаніе пользы общественной и сочувствіе къ народу. Здѣсь-то самый живой источникъ гражданскаго духа и лучшая опора науки. Воспитайте въ человѣкѣ, на первыхъ порахъ, эти святыя стремленія,

и будьте увѣрены, что изъ него выйдетъ честный и полезный гражданинъ!

Объ этихъ будущихъ гражданахъ и друзьяхъ свободной Россіи прежде всего слѣдуетъ заботиться. Положимъ, что ихъ выйдетъ немного изъ университетовъ. Но откуда-же, скажите, могутъ они выйдти толпами? Гдѣ имъ дать лучшій пріютъ, гдѣ у нихъ въ рукахъ больше свободы развиться? Если университеты съ этой только стороны сдѣлаютъ свое дѣло, то они принесутъ уже неизмѣримую пользу для Россіи. Для чего-же и существуютъ учебныя заведенія, какъ не для того, чтобы служить народу и государству, т. е. дать обществу просвѣщенныхъ и преданныхъ руководителей, правительству — честныхъ совѣтниковъ, угнетеннымъ — надежныхъ защитниковъ, странѣ — лучшихъ дѣтей?

Я старался объяснить причины, почему наши университеты могутъ и должны сдѣлаться школою политическаго образованія въ Россіи. Для этого требуется не много средствъ и улучшеній даже при нынѣшнемъ ихъ устройствѣ. Сбудутся ли мои надежды, — вопросъ, рѣшеніе котораго отъ меня не зависитъ. Но я, конечно, не думаю, что *одни* университеты въ состояніи посадить въ Россіи науку: общество должно поддержать ихъ во имя своей пользы. Гимназіи могутъ имъ содѣйствовать въ приготовленіи полезныхъ гражданъ; онѣ имѣютъ въ своихъ рукахъ начальное образованіе. Всеобщая исторія дастъ ребенку первыя политическія свѣдѣнія и понятія о жизни гражданской, а потому, преподаваніе ея гораздо важнѣе, чѣмъ многіе думаютъ. Между учениками гимназій многіе обнаруживаютъ очень

рано, какъ-бы невольно, склонность и любознательность къ исторіи. Эту склонность хорошій преподаватель можетъ поддержать и удовлетворить. Отъ него, безспорно, зависятъ дальнѣйшіе успѣхи воспитанника. Я самъ имѣлъ счастіе слушать исторію подъ руководствомъ дѣльнаго наставника и много обязанъ его урокамъ. Мнѣ кажется, было бы также очень полезно — въ концѣ гимназическаго курса, вмѣсто законовѣдѣнія, излагать основныя начала государственнаго быта и общественной экономіи, въ видѣ отдѣльной науки. Воспитанники гимназіи, которые не пойдутъ въ университетъ, чрезъ это получатъ ясное представленіе о жизни гражданской и о своихъ публичныхъ обязанностяхъ.

Что касается собственно до учено-политическихъ учрежденій, у насъ пока еще не видятъ въ нихъ потребности. Но въ странахъ просвѣщенныхъ они существуютъ и приносятъ пользу не только обществу, но и самому правительству. Образцовое заведеніе въ этомъ родѣ есть «Академія нравственныхъ и политическихъ наукъ» въ Парижѣ. Основанная около тридцати лѣтъ назадъ, она успѣла уже много сдѣлать. По самой цѣли своей, эта академія поддерживаетъ и поощряетъ серьезныя изслѣдованія о государствѣ. Въ числѣ ея членовъ находятся лучшіе публицисты, дипломаты, администраторы и экономисты Франціи. Кромѣ изданія мемуаровъ, кромѣ еженедѣльныхъ преній по вопросамъ науки и практики, академія каждый годъ назначаетъ конкурсы и присуждаетъ награды за лучшія политическія сочиненія. Такимъ образомъ полезные ученые труды находятъ привѣтъ и опору во Франціи. Безъ

этого они конечно являлись бы на свѣтъ рѣже. Извѣстно, что серьезныя книги всего менѣе распространяются въ кругу обыкновенныхъ читателей. Вниманіе академій при этомъ замѣняетъ литературный успѣхъ.

Впрочемъ, не всякая академія есть живая, энергическая корпорація. Кромѣ Франціи мало странъ, гдѣ-бы для государственныхъ наукъ существовали подобныя учрежденія. Италія, Бельгія и нѣкоторыя германскія земли имѣютъ въ своихъ академіяхъ по крайней мѣрѣ отдѣленія для исторіи, статистики и политической экономіи. Въ послѣднее время основана новая академія нравственныхъ и политическихъ наукъ въ Мадридѣ, при содѣйствіи испанскаго правительства. Она уже издала первый томъ своихъ мемуаровъ [1]. У Англичанъ нѣтъ политической академіи, но за то есть множество вольныхъ обществъ, работающихъ съ пользою для распространенія наукъ государственныхъ. О самомъ замѣчательномъ изъ нихъ у насъ было писано въ журналахъ [2]. Недавно въ Оксфордѣ и Кембриджѣ правительство успѣшно преподаваніе исторіи и публичнаго права. Но что всего утѣшительнѣе и важнѣе, самъ народъ здѣсь сильно заботится о своемъ политическомъ просвѣщеніи. Многія каѳедры въ университетахъ учреждены частными лицами; капиталы для содержанія воспитанниковъ даются щедрою рукою. Вотъ чему слѣдовало бы подражать у насъ! Къ несчастію, наши поня-

---

[1] Memorias de la Real Academia de ciencias morales y politicas. Madrid. 1861.

[2] «Русское слово». Ноябрь и декабрь, 1860.

тія о благѣ общественномъ менѣе развиты; наши средства не такъ велики. Мы всего требуемъ отъ государства и не помогаемъ народному дѣлу столько, сколько можно ожидать отъ людей, гордо называющихъ себя патріотами и сливущихъ публичными благотворителями.

Я далеко не сказалъ всего, что могъ бы сказать о средствахъ и способахъ къ политическому воспитанію въ Россіи. Предметъ этотъ слишкомъ важенъ, чтобы объ немъ вдоволь наговориться. Но позволяю себѣ думать, что я по крайней мѣрѣ убѣдилъ нѣкоторыхъ моихъ слушателей и читателей въ настоятельной необходимости для насъ науки о государствѣ въ нынѣшнее время. Она — неизсякаемый источникъ истиннаго, т. е. мирнаго, прогресса. Въ ней Русскій народъ найдетъ силу разумную, залогъ постоянныхъ реформъ и вѣчнаго обновленія. Отъ науки, которая возставала противъ произвола, смертной казни, пытокъ и политическихъ истязаній всякаго рода, которая допускала карательныя мѣры противъ человѣка только въ видахъ необходимой обороны для общества, не даромъ отвращались натуры деспотическія, люди смутнаго времени, поборники земскихъ междоусобій, охотники до гражданскихъ войнъ. Она не одобряетъ кровавыхъ переворотовъ, потому что не вѣритъ въ ихъ творческую силу. Огонь и мечъ въ рукахъ толпы не орудія свободы, но символы необузданнаго, тупаго и безсмысленнаго разрушенія; они искореняютъ на свѣтъ безъ разбора добро и зло, прививаютъ къ народу безвыходную тиранію, учатъ общество вѣрить только въ грубое самовластіе. Наука ищетъ порядка, а не хаоса; она предпочитаетъ человѣческіе

способы для рѣшенія государственныхъ вопросовъ. Обязанность истинныхъ друзей народа состоитъ не въ томъ, чтобы раздражать и волновать общество, а въ томъ, чтобы дѣйствовать на него свѣтомъ знанія, защищать прежде и больше всего справедливость, любить неподдѣльною любовью человѣческій образъ на землѣ. «Они должны, по словамъ древняго поэта, состязаться умомъ, спорить благородствомъ, дни и ночи проводить надъ полезнымъ трудомъ, усиливать средства къ разумной и общественной дѣятельности»[1].

Но людей, посвящающихъ силы свои народному благу и просвѣщенію, не много; они скрыты отъ обыкновенныхъ глазъ. Къ счастію, Россія во всѣ тяжкія времена своего существованія находила ихъ неожиданно. Государство Русское не бѣдно честными гражданами. Нужно только дать имъ ходъ, вызвать ихъ наружу. Самыя сильныя препятствія къ нашему развитію теперь устранены: крѣпостное состояніе во всѣхъ его видахъ исчезло и не возвратится; суровые и жестокіе законы потеряли силу; угнетеннымъ классамъ даны гражданскія права. Въ теченіи семи послѣднихъ лѣтъ сдѣлано больше добра народу, чѣмъ въ тридцать минувшихъ. Мы встрѣчаемъ десять вѣковъ своего существованія обновленіемъ; намъ возвращается первобытная, утраченная, вслѣдствіе татарскаго владычества и внутреннихъ бѣдствій, свобода; просвѣщенію пред-

---

[1] Certare ingenio, contendere nobilitate,
Dies noctesque niti praestante labore
Ad summas emergere opes, rerumque potiri. (*Лукрецій*).

*

стоитъ широкій путь во всѣ стороны. Будемъ же искоренять остатки варварства и невѣжества, которые насъ на каждомъ шагу задерживаютъ! Да ознаменуется праздникъ тысячелѣтія открытіемъ способовъ и средствъ къ правильному и разумному политическому воспитанію молодыхъ поколѣній! Наука вообще и наука о государствѣ въ особенности есть лучшее достояніе человѣка, ему одному принадлежащее. Она возвысила его надъ животными, облагородила для него земное существованіе, дала ему въ руки средства къ безконечному прогрессу, къ благоустроенной жизни въ союзѣ съ подобными себѣ, подняла въ немъ добрые инстинкты до сознательнаго стремленія къ пользѣ общественной, развила естественную привязанность къ близкимъ и семейныя наклонности въ гражданскій смыслъ и гражданскую доблесть. Все это понятно не однимъ оптимистамъ. Великій сатирикъ древняго Рима и грозный бичъ его пороковъ, Ювеналъ, усталый отъ деспотизма, варварства и разврата своихъ современниковъ, выразилъ сильно и метко, какъ неизмѣримо велико общественное разстояніе между человѣкомъ и животнымъ. Слова этого умнаго и проницательнаго наблюдателя я поставилъ эпиграфомъ къ настоящей рѣчи. Не бѣда, если они покажутся наивными новѣйшему мудрецу; они обращены не къ философамъ разныхъ школъ, а къ обществу, и полны смысла; въ нихъ мы читаемъ вѣрное указаніе на то, что могутъ и должны граждане дѣлать другъ для друга во всякое время, при всѣхъ обстоятельствахъ, одною силою взаимнаго притяженія и союза. Признавая участіе и сочувствіе къ ближнимъ за лучшее ка-

чество и высшее достоинство человѣческой природы, Ювеналъ говоритъ: «вотъ чѣмъ не похожи мы на нѣмое стадо, вотъ почему одни мы надѣлены благодатнымъ разумомъ, способны къ творчеству, призваны къ наукамъ и, созерцая сводъ небесный, уносимъ оттуда огонь высокихъ стремленій, которыхъ нѣтъ у наклонныхъ къ землѣ животныхъ. Строитель міра въ началѣ далъ всѣмъ существамъ жизнь, а намъ, кромѣ того, духъ, чтобы общая привязанность влекла насъ искать взаимной опоры и помогать другъ другу, разсѣянную толпу сводить въ народъ, покидать дремучій лѣсъ — старое обиталище предковъ, строить дома, соединять съ очагомъ нашимъ кровлю, подъ которою взаимное довѣріе покоитъ сосѣдей, поддерживать падающаго и тяжело раненаго гражданина, собираться въ дружный строй по общему призыву, искать обороны въ однѣхъ стѣнахъ и запирать однимъ ключемъ крѣпостныя ворота».

И такъ, отъ насъ Гг. зависитъ укрѣпить свой естественный союзъ политическимъ воспитаніемъ! Будемъ жить, какъ жили вмѣстѣ, дружно, въ неразрывномъ братскомъ обществѣ! Прошедшее завѣщало намъ обширное и сильное государство, добрую землю, несмѣтныя богатства. Между нами, Русскими, нѣтъ племенныхъ несогласій; мы одинъ, нераздѣльный, несокрушимый народъ. Соединимся духомъ, какъ мы соединены природою, на общую пользу и славу. И малочисленные народы находили въ себѣ энергію противустоять сильнымъ! Unione res parvae crescunt — говоритъ пословица. А насъ много, пока стоитъ Россія! Среди тысячелѣт-

нихъ испытаній мы не утратили ни молодости, ни надежды на лучшее, ни вѣры въ свое человѣческое назначеніе. Но молодость проходитъ; одними надеждами жить вѣчно нельзя; вѣра безъ дѣлъ мертва. Пусть-же каждый, по мѣрѣ силъ и всѣми зависящими отъ него средствами, личными и общественными, помогаетъ гражданственности, и Россія будетъ раньше, чѣмъ намъ кажется, однимъ изъ просвѣщенныхъ, благоустроенныхъ и свободныхъ государствъ на землѣ!...

2007058739